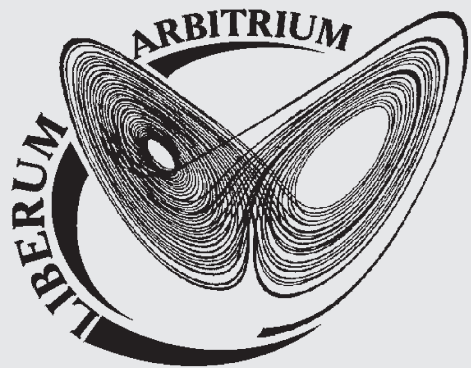

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ФОРУМ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

НА ЭМБЛЕМЕ ФОРУМА ИЗОБРАЖЕН АТТРАКТОР ЛОРЕНЦА – ФИГУРА, ВОПЛОЩАЮЩАЯ
ВАРИАНТНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ПОТОКОВ ЧАСТИЦ В НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМАХ

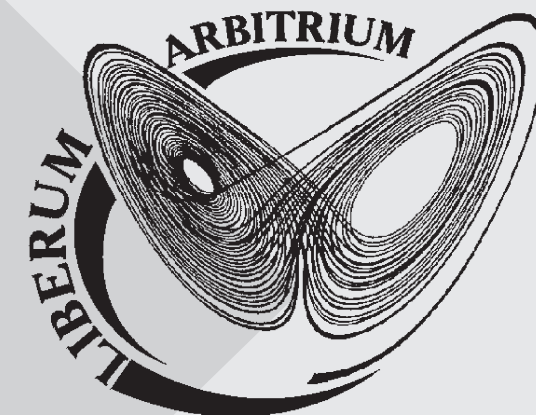
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЯНВАРЬ-МАРТ / 2020

INTERNATIONAL TRENDS
Journal of International Relations Theory and World Politics

ISSN 1728-2756 (PRINT)
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Том 18. Номер 1 (60). ЯНВАРЬ-МАРТ / 2020
Volume 18. No. 1 (60). JANUARY-MARCH / 2020

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ**

МЕГАТРЕНДЫ

Владимир Пучков ► Борьба с чрезвычайными ситуациями:
международный аспект

Татьяна Алексеева
Владимир Назаров ► К науке о национальной безопасности
Дмитрий Афиногенов

Марина Лебедева
Светлана Столярова ► Гендерный аспект политики

Научно-образовательный **ФОРУМ** по международным отношениям

неправительственная некоммерческая организация
для содействия научно-образовательным
и просветительским программам, нацеленным
на формирование в России современного
профессионального сообщества международников
и политологов

Под нынешним названием Форум работает с 2000 г.

Президент Форума
Алексей Богатуров

Исполнительный директор
Андрей Байков

С 1996 по 2011 г. Форум проводил зимние школы
по международным отношениям и политологии
для университетских преподавателей и научных сотрудников
исследовательских центров России и стран СНГ.

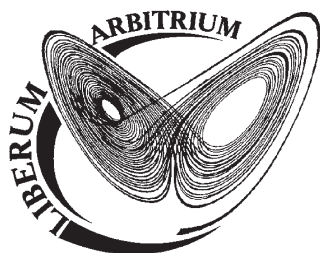
С 2003 г. Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов
Форум поддерживает межрегиональные исследовательские
коллективы.

Сайт Форума:
<http://www.obraforum.ru>

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 18. Номер 1 (60)
ЯНВАРЬ–МАРТ **2020**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, *Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation*

Tatiana Alekseyeva, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Vladimir Baranovsky, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Alexander Bulatov, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Timothy J. Colton, *Harvard University, USA*

Christine Inglis, *University of Sydney, Australia*

Alexey Fenenko, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Mark von Hagen, *Arizona State University, Columbia University, USA*

Nikolai Kosolapov, *Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

S. Neil MacFarlane, *Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland*

Sergey Ryazantsev, *Institute of Socio-Political Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Tatiana Shkleina, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Valery Tishkov, *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

Mikhail Troitskiy, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

Pavel Tsygankov, *Lomonosov Moscow State University, Russian Federation*

Alexei Voskressensky, *Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation*

William C. Wohlforth, *Dartmouth College, USA*

ISSN 1728-2756 (PRINT)

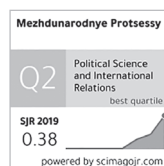
ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«*International Trends*» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Сергей Рязанцев,
Валерий Тишков, Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко,
Марк фон Хаген (США), Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор

первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь

заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Евгения Захарова,
Наталия Меден, Ирина Николаева, Николас Хайдер

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2020

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2020

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

NATIONAL GOALS AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Volume 18. No 1 (60). January–March 2020

CONTENTS

REALITY AND THEORY

Tatiana Alekseeva Vladimir Nazarov Dmitry Afinogenov	Enhancing Scientific Support For National Security Policy Making: International Experience	6
Marina Lebedeva Svetlana Stoliarova	Participation of Women in Political Institutions of Post-Soviet Countries	29
Alexey Fenenko	Anti-Soft Power in Political Theory and Practice	40

FROM THEORY TO PRACTICE

Vladimir Puchkov	Prospects of International Economic Cooperation in the Field of Life Safety	72
------------------	--	----

ANALYTICAL PRYSMS

Digest of Foreign Publications

Alexandr Vorontsov Tatyana Ponka Eriks Varpahovskis	Middlepowermanship in Korean Foreign Policy	89
---	---	----

CATCHING A TREND

Anne Crowley–Vigneau Andrey Baykov	Transnational Expertise and Experience Networks and Russia's Environmental Policies	106
Elena Soboleva Svetlana Krivokhizh	Leadership in the Multipolar World: China's Strategy in Central Asia	119

LETTER TO THE EDITOR

Nikolay Yudin	Searching for Science of International Relations: Insights from Critical Realism	135
---------------	---	-----

SCRIPTA MANENT

Book Reviews

Ilya Sokov	Glocalization of Political Islam	152
Lada Kochtcheeva	The Global Information Technology Age	157

<i>Our authors</i>	161
--------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Татьяна Алексеева	Повышение научной обеспеченности политики	
Владимир Назаров	в области национальной безопасности:	
Дмитрий Афиногенов	влияние зарубежного опыта	6
Марина Лебедева	Женщины и политика в центральноазиатских странах.	29
Светлана Столярова		
Алексей Фененко	Анти-мягкая сила в политической теории и практике	40

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Владимир Пучков	Будущее международного сотрудничества по обеспечению безопасности жизнедеятельности.	72
-----------------	---	----

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ

Обзоры зарубежных публикаций

Александр Воронцов	Концепция «средней силы» (middle power) во внешней	
Татьяна Понька	политике Республики Корея: теория и практика	89
Эрик Варпаховски		

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Анн Виньо	Транснациональные экспертно-профессиональные сети	
Андрей Байков	и природоохранная политика России	106
Елена Соболева	Лидерство в многополярном мире: политика Китая	
Светлана Кривохиж	в Центральной Азии	119

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Николай Юдин	В поисках науки о международных отношениях: взгляд через призму критического реализма.	135
--------------	--	-----

SCRIPTA MANENT

Рукописи не горят. Рецензии

Илья Соков	Глокализация политического ислама	152
Лада Кошечева	Эпоха глобальных ИКТ	157

Наши авторы	160
-------------------	-----

Our authors	161
-------------------	-----

ПОВЫШЕНИЕ НАУЧНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВЛИЯНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

ВЛАДИМИР НАЗАРОВ

Совет безопасности Российской Федерации

ДМИТРИЙ АФИНОГЕНОВ

Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается эволюция научных взглядов на феномен «национальная безопасность». На начало XXI века это понятие получило закрепление в официальных программных документах широкого круга стран. Авторы с позиций отечественного и зарубежного опыта научного обеспечения государственной политики в области национальной безопасности анализируют адекватность взглядов на национальную безопасность современным условиям, угрозам, рискам и вызовам, задачам устойчивого развития страны в социально-экономической, политической, информационной, духовной и иных областях. Они в том числе рассматривают вопросы становления самого понимания термина «национальная безопасность» в ходе дискуссий американских экспертов в 1950-х – 1960-х годах. В этой связи значимым стал отход от увязки угроз национальной безопасности исключительно с вероятностью вооружённого нападения и включение в поле осмысления специалистов рисков невоенного характера. В статье рассматривается противостояние двух подходов к обеспечению национальной безопасности, сформировавшихся в США, которые отстаивали необходимость единоличного доминирования или кооперативных шагов по укреплению предсказуемости международной среды. Одним из важных результатов развития западных подходов к обеспечению национальной безопасности стало формирование практикоориентированных исследований, дающих значимые, оригинальные и верифицируемые результаты, которые впоследствии могут быть использованы в деятельности органов государственной власти. В связи с потребностью выстраивания аналогичной системы экспертизы в России обоснована целесообразность выделения предмета «национальная безопасность» в самостоятельное направление при подготовке специалистов не только в области национальной безопасности и стратегического планирования, но также политологов и будущих

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2020

Дата принятия к публикации: 10.11.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: ataleks@mail.ru

специалистов для государственной службы. Необходимость в этом связана с задачами повышения качества государственного управления и стратегического планирования в Российской Федерации, реализацией национальных проектов в исключительно сложной международной обстановке.

Ключевые слова:

национальная безопасность; новые вызовы и угрозы; государственное управление; принятие решений; стратегическое прогнозирование; национальные интересы; аналитические центры.

К концу второго десятилетия XXI века в мире сложилась ситуация, когда на фоне роста глобальной и региональной нестабильности, обусловленной появлением новых центров силы, обострением региональных конфликтов, расширением спектра угроз и вызовов, надёжное обеспечение национальной безопасности для каждого суверенного государства становится всё более сложной задачей, требующей системного, комплексного подхода.

По оценке министра иностранных дел России С.В. Лаврова, в мире «идёт процесс нарастания нестабильности и неустойчивости, в сфере безопасности — размывается грань между несилowymi и силовыми методами достижения целей, снижается порог возможного применения ядерного оружия, милитаризуется киберпространство, в мировой экономике расширяются многосторонние торговые системы и ужесточается борьба за внешние рынки» [Лавров 2019]. Как отмечают многие эксперты, тенденция к мировому экономическому спаду, наложившаяся на глобальную коронавирусную пандемию, обвал цен на рынке нефти в первом полугодии 2020 г. и общий энергетический кризис дают основания ожидать, что мир ждёт глобальная рецессия. Экономический спад в США и развитых странах, сопоставимый с Великой депрессией 1930-х годов, оценивается как событие высокой степени вероятности¹.

Создание перспективных систем вооружений, в том числе основанных на новых физических принципах, развитие нетрадиционных способов ведения войны, в том числе в кибернетическом пространстве, за-

ставляет ведущие страны мира искать новые пути и способы обеспечения национальной безопасности.

Неудивительно, что нарастает общая неустойчивость мирового порядка. Подрываются основы международного права, снижается эффективность таких институтов, как ООН, ОБСЕ, ЕС, разрушается система контроля над вооружениями, нераспространения оружия массового уничтожения. Усиливаются угрозы международного терроризма и экстремизма, организованной преступности во всех её проявлениях. Растут возможности информационного воздействия, которые по последствиям своего влияния на людей и все сферы общественной жизни не уступают силовым методам. Экономические санкции становятся всё более распространённым инструментом внешней политики, нередко заменяющим вооружённые акции. «Ключевым практическим воплощением экономической власти сегодня выступают так называемые санкции — торговые, финансовые и иные ограничения, используемые для принуждения отдельных государств (стран-целей) к выполнению политических требований стран-инициаторов», — констатировал отечественный исследователь И.Н. Тимофеев [Тимофеев 2019: 11].

Такие особенности современного развития делают необходимым комплексный, системный подход к обеспечению национальной безопасности в государственной политике многих государств мира. В основе такой политики должен быть принцип тесной взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопас-

¹ *Линь Ифу*. Не допустить новой Великой депрессии. Россия в глобальной политике. 05.04.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-dopustit-depressii> (дата обращения: 07.06.2020).

ности и устойчивого социально-экономического развития².

Современная государственная политика в области обеспечения национальной безопасности, помимо традиционной военной составляющей, включает в себя борьбу с терроризмом, организованной преступностью, эпидемиями и инфекциями, обеспечение экономической, энергетической, экологической, пограничной, продовольственной и кибербезопасности. Соответственно, национальная безопасность на этих направлениях обеспечивается политическими, экономическими, военными и иными средствами. Особое внимание уделяется нейтрализации источников нестабильности, включая изменения климата, экономическое неравенство, политическую изоляцию и распространение ядерного оружия.

Исходя из того, что государственная политика в любой предметной области представляет собой совокупность идей и методов их реализации, увязанных единым замыслом и осуществляемых в определённых временных рамках, вопрос научного обеспечения этого процесса всегда актуален.

1

Сегодня при определении формата политики важнейшая научно-практическая задача заключается в структурировании проблемного поля исследований, в том числе за счёт расширения границ понятия «национальная безопасность» с учётом новых вызовов и угроз, а также выделение приоритетов, на которых необходимо акцентировать внимание государства и гражданского общества при выстраивании и реализации политики по обеспечению национальной безопасности. Именно по такому пути сегодня идёт ряд государств, изуче-

ние опыта которых может служить основой для совершенствования научного обеспечения российской политики.

Например, принятая в январе 2017 г. Стратегия национальной безопасности Швеции основана на расширенной трактовке понятия «национальная безопасность», которая включает в круг задач защиту от эпидемий и инфекционных заболеваний, экономическую, транспортную, продовольственную и энергобезопасность, защиту от негативных воздействий климатических изменений³. Со сходных позиций к проблеме обеспечения национальной безопасности подходит доктринальный документ Франции, принятый в 2017 году, который носит название «Стратегический обзор обороны и национальной безопасности»⁴. В ЮАР датированный 2015 г. Обзор обороны декларирует нацеленность политики в области обеспечения национальной безопасности в том числе на процветание, повышение благосостояния и уровня жизни населения, экономический рост, решение проблем бедности, безработицы, неравенства и преступности. Провозглашается взаимосвязь и взаимозависимость задач обеспечения национальной безопасности и развития⁵.

В Испании принятая в 2013 г. Стратегия национальной безопасности также основана на комплексном подходе. Документ, подчёркивая нацеленность политики безопасности на развитие и процветание, содержит 12 приоритетных направлений, в том числе обеспечение безопасности в экономической, энергетической и финансовой сферах, с изложением целей, задач и мер в указанных областях⁶.

В наиболее проработанном и последовательном виде тесная взаимосвязь и взаи-

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 07.06.2020).

³ Sweden, Prime Minister's Office (2017). "National Security Strategy". Retrieved 2017-12-18.

⁴ Strategic Review of Defence and National Security 2017 (France). Retrieved 2017-12-18.

⁵ South Africa, Department of Defence (2015). "South African Defence Review, 2015". Retrieved 2017-12-18.

⁶ The National Security Strategy: Sharing a common project. Spanish Government (2013). Retrieved 2017-12-17. P. 44–45.

мозависимость задач обеспечения национальной безопасности и развития прослеживается в Стратегии национальной безопасности Великобритании, которая позднее многих других стран — лишь в 2010 году — создала Совет национальной безопасности на правах одного из постоянных комитетов кабинета министров. В деятельности СНБ участвуют практически все члены кабинета. В области экономической безопасности ставится цель «содействовать финансовой ответственности и инвестициям». Важными новациями Стратегии стали её увязка с долгосрочным планом развития экономики и нацеливание на содействие экономическому росту и инвестициям, развитию инноваций, повышению стандартов жизни, увеличению занятости⁷. Документ содержит конкретные задачи в области внешнеэкономических связей и увязан с программой оказания зарубежной помощи в развитии (Official Development Assistance)⁸, а также с программой развития оборонной промышленности⁹.

В редакции 2017 г. Стратегии национальной безопасности США интересы страны характеризуются как «защита территории США, американских граждан и американского образа жизни», «содействие процветанию Америки», «сохранение мира с опорой на силу», «расширение американского влияния»¹⁰.

Раздел II «Содействие процветанию Америки» подчёркивает, что сильная экономика составляет основу американской мощи и национальной безопасности. В числе главных приоритетов в данной области прописаны модернизация экономи-

ки, технологическое лидерство и защита интеллектуальной собственности, доминирование в энергетической сфере, восстановление экономической мощи и доверия к американской экономической модели. При этом в качестве эффективного средства обеспечения безопасности предусматривается «использование экономических инструментов, включая санкции, меры по борьбе с отмыванием денег и коррупцией, а также правоприменительные действия, как части более широких стратегий по сдерживанию, принуждению и ограничению противника»¹¹.

Характерно, что Стратегия национальной безопасности США, кроме традиционных внешних, военных и новых угроз и направлений обеспечения безопасности, широко освещает такие аспекты, как, например, безопасность в социальной, информационной, кибер- и гуманитарной сферах. Стоит отметить совершенно бескомпромиссный подход к методам достижения целей. В частности, во внешней пропаганде предписывается «подключиться к идеологической борьбе местных голосов, придать им более мощное звучание, объединиться с ними для продвижения альтернатив посланиям [недружественных режимов], полным насилия и ненависти. Использовать творческий и ресурсный потенциал медийных и интернет-компаний, частного сектора для продвижения американских ценностей. Использовать более экономичные и эффективные способы донесения до пользователей за рубежом контента, отвечающего интересам национальной безопасности США»¹².

⁷ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. Ref: ISBN 9781474125963. P. 70.

⁸ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. P. 71–74.

⁹ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. P. 76–80.

¹⁰ National Security Strategy of the United States of America (December 2017). P. 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).

¹¹ National Security Strategy of the United States of America (December 2017). P. 34. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).

¹² National Security Strategy of the United States of America (December 2017). P. 35. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.07.2020).

Таким образом, комплексный, системный подход к выработке и проведению государственной политики в области обеспечения национальной безопасности требует её всестороннего научного обеспечения. Поскольку система обеспечения национальной безопасности в новой России выстраивалась в основном на основе американского опыта, для целей нашего исследования важно рассмотреть вопрос о том, как развивалась исследовательская мысль США в данной предметной области.

2

Термин «национальная безопасность» долгое время использовался в американском политическом лексиконе главным образом как фигура речи, а также представителями военного руководства Соединённых Штатов — в качестве обозначения цели военной политики. После Второй мировой войны понятие «национальная безопасность» получило в США политическое признание, а с 1950-х — 1960-х годов национальная безопасность рассматривается как политологический концепт и самостоятельная область научных исследований. Политологи склонны рассматривать концепт «национальная безопасность» как способность страны (нации) обеспечивать защиту своих внутренних ценностей от внешних угроз. Таким образом, данная область науки изучает пути и способы, которые используют страны для планирования и осуществления государственной политики, призванной усилить эту способность, а также для оценки эффективности этой политики [Berkowitz, Bock 1965: 124].

Если ранее наиболее распространённым было определение нации как исторически устойчивой общности людей, возникающей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, то сейчас всё большее признание приобретает определение нации как единства гражданского общества и государства. Общество как составная часть нации, собственно, и подчёркивает её полиэтничность. Стержнем нации выступает государ-

ство. К. Дейч кратко и однозначно определяет нацию как народ, обладающий государством. Содержательно понятие нации близко к понятию страны [Deutsch 1986: 96]. Однако, как справедливо указал Арнолд Уолферс, простой переход на использование понятия «интересы национальной безопасности» не привнесит ясности в термин «национальные интересы», который использовался и ранее [Wolfers 1952: 483].

В этой связи с позиций историографии можно условно разделить американские взгляды в этой области на две группы. Первая группа, к которой относится У. Липпман, понимала сущность безопасности через национальные интересы. В частности, он считал, что «...нация безопасна тогда, когда ей не приходится жертвовать своими законными интересами, чтобы избежать войны, и, в случае необходимости, в состоянии защитить их военными средствами» [Lippmann 1943: 51].

Вторая группа исповедовала более рационалистические взгляды и трактовала понятие «национальная безопасность» через угрозы. В частности, её представитель А. Уолферс считал, что безопасность в объективном смысле определяется отсутствием угроз приобретённым ценностям, в субъективном смысле отсутствием боязни, что эти ценности подвергнутся нападению [Wolfers 1952: 498]. Кроме того, А. Уолферс характеризовал «национальную безопасность» как двусмысленный символ, возможно, совсем не имеющий сколько-нибудь точного определения [Wolfers 1952: 502].

Таким образом, национальный интерес — главенствующая категория в системе ценностей в международном процессе. Относительная ясность в концепте «национальные интересы» появилась только после окончания Второй мировой войны. Это понятие всесторонне проработано ведущим американским теоретиком по вопросам внешней политики и национальной безопасности, основателем школы прагматизма и политического реализма Гансом Моргентау. В наиболее развёрнутой форме концепция национального интереса была сформулирована в его труде «В защиту на-

ционального интереса» [Morgenthau 1951]. Суть концепции национального интереса, по Г. Моргентау, сводится к тому, что термин «национальные интересы» содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменяемый). При этом под центральным (постоянным) элементом национального интереса понимается геополитическое положение государства и его окружения, наличие ресурсной базы, эффективность противостояния угрозам и вызовам, социокультурные традиции его населения.

Мортон Каплан, один из представителей Чикагской школы политической науки, известной своим вкладом в развитие эмпирических исследований и формирование бихевиоралистского направления в международно-политических исследованиях, установил, что национальные интересы или интересы национальной безопасности являются лишь одной из составляющих, хотя и весьма важной составляющей, обеспечивающей целостность национальной системы. Более того, безопасность национальной системы тесно связана с безопасностью подсистем, образующих национальную систему [Kaplan 1957: 142].

Ряд исследователей полагает также, что национальные интересы базируются на трёх факторах: природа интересов, которые должны быть защищены, политическое окружение, в котором проявляются интересы, и рациональная необходимость, ограничивающая выбор целей и средств [Цыганков 1992: 164].

Превращению национальной безопасности в отдельную область науки способствовали политические и административные изменения, произошедшие в США после окончания Второй мировой войны. Они были обусловлены серьёзным усложнением задач управления страной, которые требовали координации военных усилий, оборонно-промышленного комплекса, на-

учного потенциала, долгосрочного стратегического планирования и планирования политики. Технологические достижения, особенно создание атомного оружия, ясно показали, что военные задачи уже нельзя решать обособленно, но лишь в тесной взаимосвязи с политическими и экономическими факторами как международного, так и внутреннего характера [Berkowitz, Bock 1965: 327].

В 1947 г. Конгресс США принял Закон о национальной безопасности, на основании которого был создан Совет национальной безопасности (СНБ), призванный «консультировать президента США по делам, связанным с координацией внутренней, внешней и военной политики, относящейся к национальной безопасности» (sec. 101a)¹³. Наиболее точно сущность решения задач обеспечения национальной безопасности новым органом выразил Д. Кауфман, который писал: «...национальная безопасность не существует в вакууме, она определяется в контексте международной и внутренней ситуации»¹⁴.

Одновременно была учреждена должность советника президента США по национальной безопасности, руководившего работой аппарата СНБ. С течением времени роль этого органа, равно как и советника президента по национальной безопасности, только возрастала. С самого начала к деятельности СНБ широко привлекались учёные, которым предлагалось проводить исследования по различным аспектам национальной безопасности для целого ряда государственных ведомств. При некоторых ведомствах, включая командования военно-воздушных, военно-морских, сухопутных сил и министерства обороны, создавались организации для ведения научных исследований по различным направлениям обеспечения национальной безопасности, из которых следует выделить прежде всего «Рэнд Корпорэйшн». По мнению американ-

¹³ The National Security Act of 1947 — July 26, 1947 Public Law 253, 80th Congress; Chapter 343, 1st Session. P. 758. URL: <https://legcounsel.house.gov/Comps/National%20Security%20Act%20Of%201947.pdf>

¹⁴ US National Security. A Framework for Analysis... P. 6.

ских исследователей, указанные обстоятельства сыграли решающую роль в становлении предмета «Национальная безопасность» в качестве самостоятельной области научных исследований, причём процесс формирования данного научного направления в целом завершился уже в середине 1960-х годов [Lyons, Morton 1965].

Постепенно эти исследования, сначала проводившиеся в рамках традиционных научных специальностей, выделились в консолидированную отдельную отрасль знаний. В послевоенный период образовались две основные научные школы в области национальной безопасности: конфликтная и кооперационная. Сторонники первой придерживались мнения, что политика обеспечения национальной безопасности должна быть направлена прежде всего на максимальное усиление национальной мощи. При этом страна может считать себя в безопасности только в том случае, если она усиливает свою мощь за счёт ослабления другой страны или группы государств. Приверженцы одностороннего усиления национальной мощи в 1950-х — 1960-х годах отдавали предпочтение чисто военным аспектам обеспечения национальной безопасности. К числу наиболее значительных работ такого плана можно отнести труды Германа Кана и Генри Киссинджера [Kissinger 1957; Kahn 1960]. Такие исследователи, как Генри Роуэн, Бернард Броуди, Чарльз Осгуд и Франклин Осанка [Brodie 1959; Osgood 1959; Rowen 1960; Osanka 1962], опубликовали работы по вопросам стратегии и тактики ядерной, конвенционной и противопартизанской войны, вопросам тылового обеспечения вооружённых сил, развития оборонной промышленности, мобилизации и перевода экономики на условия военного времени.

Американские исследования в области национальной безопасности очень быстро распространились с чисто военных вопросов на проблемы экономической безопасности. Опыт двух мировых войн учил, что промышленный потенциал и экономические ресурсы страны оказывают определя-

ющее влияние на её способность вести войну, поэтому исследователи, специализировавшиеся на проблемах национальной безопасности, уделяли растущее внимание экономическим аспектам и методам обеспечения безопасности. Серьёзные попытки научными методами определить и оценить значение всех составляющих экономического потенциала нации для её способности вести войну предпринял Клаус Кнорр [Knorr 1957]. Ч. Хитч и Р. Маккин предложили экономические критерии для отбора оптимальных систем вооружений [Hitch, McKean 1960]. Эти разработки нашли практическое применение в деятельности министерства обороны США в 1950-х — 1960-х годах [Enthoven 1963]. Кроме того, американские специалисты в области национальной безопасности большое внимание уделяли вопросам оптимального использования национальных ресурсов и выработке адекватных критериев их распределения между военным и гражданским секторами экономики. Это направление научных работ имеет важнейшее практическое значение, поскольку позволяет решить главную задачу государственной политики в области обеспечения национальной безопасности: какую пропорцию в расходовании ресурсов следует установить для защиты национальных ценностей от внешних угроз [Barnett 1958].

Представители второй школы американской науки в области национальной безопасности делали акцент не на одностороннем наращивании силового потенциала США, а на активизации международного сотрудничества в области обеспечения безопасности. Они были менее многочисленны, а их труды не столь системны и комплексны. Как правило, они затрагивали отдельные направления обеспечения безопасности.

Из числа сторонников кооперационного подхода следует отметить прежде всего работы по проблематике разоружения и контроля над вооружениями, в том числе исследование П. Блэккетта с обоснованием практических подходов к вопросам разо-

ружения [Blackett 1962], Р. Роузкранса по проблемам нераспространения ядерного вооружения [Rosecrance 1964], а также Э. Бенуа и К. Булдинга, которые спрогнозировали социальные и экономические последствия разоружения и конверсии для различных стран [Benoit, Boulding 1963]. Большое внимание уделялось тематике трансатлантического сотрудничества и интеграции в области обеспечения региональной безопасности: Э. Хаас, Л. Линдберг [Haas 1961; Lindberg 1963].

Наконец, нельзя не упомянуть работы, посвящённые роли и значению постоянных международных институтов, прежде всего ООН. К их числу относятся труды И. Клода и Л. Блумфилда [Bloomfield 1960; Claude 1961]. Кроме того, целесообразно выделить работы Л. Хенкина и Г. Кларка и Л. Зона [Clark, Sohn 1960; Henkin 1961], в которых показана роль международного права в развитии международного сотрудничества и создании предпосылок для устойчивого мира.

Представители школы кооперации предлагают выстраивать политику в области национальной безопасности таким образом, чтобы безопасность США обеспечивалась при одновременном укреплении безопасности всех стран или групп государств. Несмотря на то что сторонники выстраивания системы обеспечения национальной безопасности на путях развития международного сотрудничества далеко не всегда встречали понимание в правящих кругах США, их труды способствовали продвижению в умы американских политиков осознания того, что в современном мире укрепление безопасности одного государства в значительной мере зависит от уровня безопасности других и что концепт международной безопасности может играть не менее важную роль, чем концепт национальной безопасности. В конечном счёте эти работы дали толчок углублённым исследованиям, посвящённым поиску тех областей обеспечения безопасности, в которых международное сотрудничество можно признать желаемым и возможным.

З

Национальная безопасность как научное направление имеет много общего с традиционными науками, такими как теория международных отношений или внешней политики. В то же время, по мнению американских экспертов, национальная безопасность, будучи комплексным научным концептом, имеет ряд преимуществ перед исследованиями в рамках теории внешней политики. Прежде всего она фокусируется на общих чертах и закономерностях внешней политики всех национальных игроков, позволяя применить сравнительный анализ к явлениям, которые внешне могут показаться несопоставимыми. Комплексное исследование с позиций национальной безопасности позволяет классифицировать и анализировать огромные объёмы разнородной информации, которыми невозможно оперировать при помощи методов классической теории внешней политики. Сфокусированность на интересах национальной безопасности позволяет придать новое измерение исследованию конфликтов. Такой подход позволяет определить общие интересы всех государств и на этой основе выявить точки совпадения позиций и возможные области сотрудничества в интересах укрепления международной безопасности [Berkowitz, Voss 1965]. Таким образом, обеспечение международной безопасности и всеобщего мира может стать легитимной целью государственной политики в области безопасности.

Наконец, научный анализ с позиции интересов национальной безопасности позволяет выявить общность целей и принципов внешней и внутренней политики рассматриваемой страны, получить целостное представление о поведении участников международных отношений, в то время как традиционные методы политологических исследований нередко приводят к ошибочному выводу о наличии противоречий между внутренней и внешней политикой тех или иных государств. Комплексный анализ с позиций национальной безопасности, системный подход позволяют опре-

делить единый набор целей и задач внешней и внутренней политики рассматриваемых государств, который взят ими на вооружение для защиты общего набора ценностей и интересов и в конечном итоге обеспечения целостности национальной и даже международной системы.

В то же время существуют различные точки зрения в отношении целей и результатов научных исследований в области национальной безопасности. Ряд американских специалистов обращают внимание на то, что понятие «национальная безопасность» имеет комплексный характер и допускает различные трактовки своей содержательной части и выводов. Как признавал председатель подкомитета по законодательству и национальной безопасности палаты представителей Дж. Мосс ещё в 1973 году, «национальная безопасность» — это такое трудноопределимое понятие, что никто не может дать его дефиницию <...> Являясь в течение 16 лет председателем подкомитета, я не мог найти кого-либо, кто мог дать мне определение» [Romm 1993: 5].

Схожих позиций придерживаются некоторые отечественные авторы. По мнению А. Подберёзкина и М. Харкевича, следует учитывать, что политика в области безопасности, как предмет исследования и системного анализа, представляет собой одну из наиболее сложных областей знаний в силу ряда объективных причин, связанных прежде всего с субъективностью и иррациональностью, свойственной политике вообще, а также с доступностью и достоверностью информации, которая изначально, по определению, не может быть ни абсолютно доступна, ни даже приблизительно достоверна [Подберёзкин, Харкевич 2017].

Вместе с тем прикладная направленность исследований в области национальной безопасности, потребности использования результатов научных работ в интересах выработки практической политики способствовали тому, что в данном научном направлении стала преобладать нацеленность на получение точных и одно-

значных выводов. Развитию данной тенденции благоприятствовало широкое участие в исследованиях в области национальной безопасности экспертов в области естественных наук, а также экономики, социологии, психологии, антропологии, опиравшихся на использование таких методов, как теория игр, симуляция, информатика, системный анализ, анализ затрат-выпуск (input-output analysis), которые позволяют дать вполне определённые, в том числе количественно измеряемые, результаты. Именно такая точность вырабатываемых новым научным направлением рекомендаций востребована заказчиками в правительстве, конгрессе, вооружённых силах и спецслужбах.

Становление исследований в области национальной безопасности в качестве самостоятельного научного направления происходило в США практически параллельно с аналогичными процессами в других странах, прежде всего связанных союзническими отношениями с Вашингтоном. Это обеспечило возможность проведения масштабных исследований с использованием сравнительного анализа национальных политических практик и потребностей в области обеспечения национальной безопасности. Следует заметить, что для самих США моделью тесного взаимодействия между академическим сообществом и правительством в области обеспечения национальной безопасности послужила Великобритания, где ещё в 1920 г. был основан Британский институт международных отношений, с 1926 г. носящий название Королевского института международных отношений (Chatham House). В годы Второй мировой войны правительство Великобритании активно привлекало учёных к решению практических задач организации обороны страны. Результаты этих научных разработок широко использовались в интересах противовоздушной обороны и военно-воздушных сил, в том числе в вопросах боевого применения радиолокационных станций и определения целей и тактики бомбардировок стратегических объектов противника. Данные научные на-

работки заложили основу системы знаний, которая получила название «операционный анализ» [Quade 1964]. Начавшееся в годы войны сотрудничество между США и Великобританией в области научного обеспечения обороны продолжилось в послевоенный период. В 1948 г. была образована «Рэнд Корпорэйшн», выделившаяся из Douglas Aircraft Company, Санта-Моника, Калифорния, в самостоятельную исследовательскую организацию, а в 1956 г. преобразованная в Институт оборонного анализа. Среди видных работ в области национальной безопасности в Великобритании выделяются труды Л. Битона и Дж. Мэддокса по проблемам нераспространения ядерного оружия [Beaton, Maddox 1962], Ф. Ноэл-Бейкера и Б. Лиддел Харта по вопросам ядерного сдерживания [Noel-Baker 1958; Liddel Hart 1960].

Среди трудов зарубежных авторов американские исследователи особо выделяют классические работы французских экспертов: П. Галуа по вопросам ядерного сдерживания [Gallois 1961], Р. Арона [Aron 1967], а также австралийского исследователя Дж. Моделски по проблемам принятия внешнеполитических решений [Modelski 1962] и исследованию международных аспектов внутренних гражданских беспорядков [Modelski 1964].

Главная особенность предмета «Национальная безопасность» как самостоятельного научного направления состоит в том, что эти исследования имеют не только академическое, но и серьёзное практическое значение, поскольку их результаты нередко трансформируются в важные политические решения. Неслучайно один из основоположников современной политологии, Г. Лэссвелл, назвал национальную безопасность наукой для политического класса [Lasswell 1962].

Эта отличительная черта новой дисциплины имеет как минусы, так и плюсы. С одной стороны, тесные связи учёных с госаппаратом, включая лиц, принимающих политические решения, а также закрытый характер многих исследований неизбежно ограничивают интеллектуальную свободу.

Такое же влияние оказывает на эту сферу её зависимость от государственного финансирования и спонсорства крупных военно-промышленных корпораций. Указанные факторы нередко влияют на результаты научных исследований. Заказной характер многих разработок ограничивает творческий потенциал учёных, которым часто приходится решать неотложные задачи, интересующие власть, вместо того чтобы сосредоточиться на фундаментальных направлениях, способных обеспечить важные прорывы лишь в отдалённой перспективе.

С другой стороны, исследования в области национальной безопасности дают учёным уникальную возможность тесного взаимодействия с экспертами в правительстве, бизнесе и производстве, что обеспечивает синергетический эффект от сочетания различных специальностей и научных знаний. Включение предмета «национальная безопасность» в учебные программы ряда американских университетов позволило преодолеть традиционную изолированность военного руководства. Появилось новое поколение военных, прошедших подготовку в университетских центрах изучения проблем национальной безопасности. Многочисленные научные работы американских и западноевропейских высокопоставленных представителей генералитета свидетельствуют о глубоком понимании их авторами политических, социальных, экономических и гуманитарных аспектов военной политики и политики безопасности. Равным образом, представители академической науки, специализирующиеся на вопросах стратегии, также приобретают новые знания от непосредственного участия в выработке конкретных стратегических решений. Их работы демонстрируют «прицельность, сбалансированность и понимание политических реалий, которых не наблюдалось до появления научных центров, специализирующихся на вопросах национальной безопасности. Вместо утопических идей “мирового правительства”, всеобщего мира и полного разоружения мы имеем дело с точным и объективным анализом политических

альтернатив с использованием современных методов научного исследования» [Berkowitz, Bock 1965: 124].

4

За годы, истекшие со времени формирования нового научного направления, предмет национальной безопасности как науки существенно расширился. После терактов 11 сентября 2001 г. была сформирована стратегия защиты населения и инфраструктуры страны от террористической угрозы, которая получила название Национальной стратегии внутренней безопасности (National Strategy for Homeland Security, утверждена президентом Дж. Бушем в июле 2002 года). Документ устанавливает три основные цели этого нового приоритетного направления обеспечения национальной безопасности: а) предотвращение нападений террористов внутри страны, б) снижение уязвимости Америки к террористическим атакам, в) минимизация величины ущерба и времени восстановления от возможных нападений¹⁵. На основе новейших научных разработок образована общенациональная система антитеррористической защиты, в целом доказавшая свою эффективность.

За последние годы существенно расширился арсенал невоенных методов и средств внешнего воздействия. Постоянно совершенствуется система использования экономических санкций в качестве инструмента внешней политики. Большое внимание как за рубежом, так и у нас в стране уделяется средствам радиоэлектронной войны и обеспечения кибербезопасности¹⁶. Разработана концепция «мягкой силы», которая задумана её авторами не только как инструмент внешнего воздействия, но и самый экономный способ обеспечения

национальной безопасности: «если ведущая держава исповедует ценности, которым хотят следовать другие, лидерство обходится ей дешевле» [Нье 2005: 6].

К числу новых угроз национальной безопасности американские политологи относят и глобальные изменения климата. Серьёзный импульс к осознанию этой угрозы придал конфликт в Западном Судане, одной из главных причин которого, по оценке ООН, стали климатические изменения, вызвавшие в Дарфуре засуху, которая привела к смерти от голода сотен тысяч человек и вызвала многомиллионные потоки беженцев¹⁷. В 2003 г. министерство обороны США заказало исследовательской организации CNA Corporation (Центр военно-морского анализа) и группе отставных американских военных исследование возможного влияния резких изменений климата на национальную безопасность. По результатам был сделан вывод о том, что «вероятные резкие изменения климата способны дестабилизировать геополитическую обстановку и привести к столкновениям, военным действиям и даже к войнам вследствие нехватки ресурсов»¹⁸. Примечательно, что при проведении анализа использовались методы компьютерного моделирования, с помощью которых было воспроизведено произошедшее примерно 8200 лет назад резкое глобальное потепление. Ему предшествовали изменения климата, аналогичные современным.

На сегодняшний день американская теория национальной безопасности и политическая практика США выделяют следующие основные невоенные сферы обеспечения национальной безопасности:

– политическая безопасность — защита суверенитета органов управления и политической системы страны, а также безопас-

¹⁵ First National Strategy for Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/publication/first-national-strategy-homeland-security>

¹⁶ Подробнее см.: [Никулин, Коваль, Рубан 2019: 79].

¹⁷ Ban Ki-moon. A Climate Culprit in Darfur. 16.06.2007. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/articles/2007-06-16/climate-culprit-darfur>

¹⁸ Schwartz P., Doug R. An Abrupt Climate Change Scenario and Its Implications for United States National Security. United States Department of Defense, October 2003. URL: <http://www.grist.org/pdf/AbruptClimateChange2003.pdf>

ности общества от внутренних и внешних угроз и давлений;

– экономическая безопасность — защита не только экономического потенциала страны, но и способности руководства и населения страны принимать самостоятельные решения в области экономики и финансов и обеспечивать их выполнение, противостоять внешним угрозам и давлению. В последнее время к задачам в этой сфере добавилась борьба с бедностью и социальным неравенством;

– энергетическая и ресурсная безопасность (Energy and natural resources security), обеспечивающая доступ страны к основным энергетическим ресурсам, питьевой воде и минеральному сырью на рыночных условиях, свободных от внешнего вмешательства, продиктованного политическими целями;

– внутренняя безопасность, которая после терактов 11 сентября 2001 г. обеспечивается министерством внутренней безопасности США. Она включает в себя безопасность аэропортов и портов, пограничную, транспортную безопасность, иммиграционный контроль и связанные с этим задачи;

– кибербезопасность — защита компьютерных систем и инфраструктуры обработки данных органов управления и населения от незаконного внешнего и внутреннего вмешательства. Таким образом, эта сфера обеспечения национальной безопасности решает задачи как в области национальной обороны и внутренней безопасности, так и охраны правопорядка;

– гуманитарная безопасность — новое понятие, взятое на вооружение Вашингтоном и закреплённое решениями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН после окончания «холодной войны». Оно имеет широкую трактовку и предполагает защиту народов от голода, болезней и репрессий. С течением времени гуманитарная безопасность охватила такие сферы, как экономическая, экологическая, продовольственная безопасность, здравоохранение, безопасность личности, защиту женщин и нацменьшинств. После целого ряда американских военных авантур, предпринятых в

одностороннем порядке и в обход ООН, в США преобладает точка зрения, что гуманитарное вмешательство должно осуществляться с санкции и под эгидой ООН;

– экологическая безопасность — также новое понятие, которое уже имеет несколько измерений. Традиционное понимание данного концепта предполагает реагирование на межгосударственные и региональные конфликты, вызванные экологическими проблемами, такими как нехватка воды, энергоносителей или продовольствия. Новый концепт экологической безопасности, сформировавшийся в последнее время, заключается в том, что окружающая среда и климат должны защищаться как самостоятельные ценности, поскольку ухудшение их качества под воздействием человека представляет угрозу, эквивалентную угрозе национальной безопасности, на которую следует реагировать всему мировому сообществу на основе международного сотрудничества [Holmes 2015: 34].

В целом следует признать, что политика национальной безопасности США выстроена на солидной научной основе, которую составляют значительная прогностическая и аналитическая работа, развитая сеть неправительственных аналитических и консалтинговых структур, непосредственное участие академической науки. Расширение взглядов на сущность феномена «национальная безопасность» позволило от сугубо военного содержательного аспекта (например, стратегия «массированного возмездия») подойти к сегодняшнему пониманию сути обеспечения национальной безопасности США, где гуманитарный, экономический, социальный и информационный факторы имеют не меньшее значение, чем чисто военная компонента. Следует отметить при этом преимущество стратегического целеполагания, а также неразрывную связь стратегических концептов с практикой стратегического управления. Именно тесная связь науки с практической политикой, прикладной характер исследований, со всеми его достоинствами и недостатками, обеспечили устойчивые перспективы дисциплине.

Сказанное вовсе не означает, что практическая политика США в области обеспечения национальной безопасности всегда строится на строго научной основе и является собой образец выверенности. Причина многих непродуманных решений Вашингтона кроется в стремлении власти, прежде всего президентской администрации, найти такие внешнеполитические рецепты, которые бы в наибольшей степени укрепили её внутривластные позиции в данный момент.

Это не новый феномен для американской политической жизни. Ещё Г. Киссинджер в фундаментальном труде «Дипломатия» отмечал, например, что многие исследователи сильно преувеличивают роль разведки и её влияние на принятие внешнеполитических решений. На самом деле, «когда политические деятели что-то решают, — писал он, — разведывательные службы стремятся отыскать оправдание этим решениям <...> В реальном мире оценки разведок чаще всего следуют за политическими решениями, а не их направляют» [Киссинджер 1997: 272]. Тем более данный вывод применим к рекомендациям американских экспертов из академических кругов. Хотя в американских университетах и научных центрах можно найти весьма компетентных специалистов практически по любой проблеме обеспечения национальной безопасности и они действительно привлекаются соответствующими ведомствами к проработке вариантов политических решений, сами решения нередко принимаются руководством страны без учёта экспертных заключений, особенно в сложной для них внутренней ситуации. Как представляется, в нынешних условиях, характеризующихся кризисным состоянием американской политической системы в целом, растущие обвинения внешней политики США в непрофессионализме за-

стую объясняются именно стремлением президентской администрации прибегать к политическому манипулированию в угоду частным интересам.

5

Российская наука и политическая практика движутся в рамках общемирового тренда осмысления феномена «национальная безопасность» как многофакторного и многомерного явления, требующего комплексного, системного подхода к формированию и реализации государственной политики. Принятая в 2009 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹⁹ и новая редакция документа 2015 года²⁰ основаны на принципе неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, получившего в отечественной политической практике название «безопасность через развитие» [Назаров 2007: 4]. Документы выстроены по стратегическим национальным приоритетам, которые задают основные направления обеспечения национальной безопасности. Каждый приоритет изложен по единой методологии и представляет собой толкование целостной государственной политики по данному направлению: цели, угрозы, задачи, меры и средства по решению этих задач. Важно, что стратегия подкреплена утверждёнными Президентом Российской Федерации механизмом реализации и системой мониторинга и оценки состояния национальной безопасности.

При этом из 9 стратегических национальных приоритетов только 2 («оборона страны» и «государственная и общественная безопасность») имеют отношение к обеспечению национальной безопасности в узком смысле слова. Остальные — «повышение качества жизни российских граждан

¹⁹ Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/

²⁰ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

дан»; «экономический рост»; «наука, технологии и образование»; «здравоохранение»; «культура»; «экология живых систем и рациональное природопользование»; «стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнёрство» — являются приоритетами развития и представляют собой компоненты «мягкой силы».

Данная редакция Стратегии национальной безопасности России легитимизировала расширенный взгляд на рассматриваемый концепт, имея в виду, что в обеспечении национальных интересов Российской Федерации невоенные угрозы национальной безопасности играют не менее важную роль, чем военные.

К аналогичным выводам пришли и зарубежные исследователи. Например, в последнее время американские специалисты уделяют особое внимание вопросам внутренней политической и социальной стабильности, способам оказания влияния на неё и изучению опыта «цветных революций». В этом контексте представляет интерес работа Э. Ченоуэт и М. Стефан, которые проанализировали ход и результаты большого количества различных проявлений массовых акций протеста в ряде стран мира за период с 1900 по 2006. Авторы пришли к выводу, что ненасильственные протесты и акции гражданского неповиновения более чем вдвое чаще приводят к серьёзным политическим изменениям, чем протестные выступления с применением насилия, включая террористические акты. Если первые приводили к политическим переменам в 53% случаев, то вторые — лишь в 26 %. По данным этих исследований, ненасильственные выступления способны привлечь к участию в среднем в 4 раза больше сторонников, чем акции с применением насилия. По подсчётам авторов, которые проанализировали статистические данные по мирным протестам в Иране, на Филиппинах, Палестинских территориях, в Бирме, многих других странах Азии и Восточной Европы, для достижения успеха протестующим достаточно участия в их акциях сравнительно небольшой доли населения — около 3,5%. Отмечается, что

ненасильственные протесты привлекают симпатии значительно большей части населения, включая представителей вооружённых сил, полиции и госаппарата. Хотя это большинство и остаётся пассивным, формирующиеся настроения существенно подрывают дееспособность режима и его шансы на «выживание», одновременно способствуя легитимизации оппозиции и её требований. Между тем тактика насильственных вооружённых протестов очень редко оправдывает себя с точки зрения достижения долгосрочных стратегических целей [Stephan, Chenoweth 2008].

Данную работу с полным основанием можно отнести к классическому образцу прикладного исследования в рамках рассматриваемого научного направления. Выводы по результатам конкретны, выражены в количественных параметрах и, таким образом, непосредственно могут использоваться в практической политике. Состав участников исследования — это пример соединения академической науки и власти в интересах формирования политики в области обеспечения национальной безопасности: Э. Ченоуэт преподаёт в Школе международных исследований им. Джозефа Корбела в Университете Дэнвера и сотрудничает с рядом научных центров США, включая университеты в Гарварде, Стэнфорде и Беркли, а М. Стефан, также имеющая солидный академический бэкграунд, занимается стратегическим планированием в Государственном департаменте [Stephan, Chenoweth 2012].

Для противодействия угрозам, которые порождают зарубежные разработки в области направления и повышения эффективности протестной активности, необходимы широкие научные социологические и психологические исследования, органично вписанные в канву обеспечения национальной безопасности, а также расширение спектра прикладных разработок в этой предметной области. Не менее важное значение для обеспечения национальной безопасности имеет и фактор оперативного реагирования на новые угрозы и чрезвычайные ситуации. Как отмечают С. Кара-

ганов и Д. Суслов, «переживаемая человечеством встряска (COVID19) не может не привести к пересмотру многих привычных моделей отношений, переоценке ценностей. Повысится значимость вопросов экологии, климата, предотвращения природных и техногенных катастроф и пандемий» [Караганов, Суслов 2020].

Таким образом, исследовательское обеспечение государственной политики в области национальной безопасности — комплексная и сложная научно-практическая задача, требующая привлечения специалистов многих специальностей. Важно скоординировать их работу, обеспечив постановку единых целей и задач на основе целостного видения всей проблемы, единой методологии, принципов и закономерностей.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что скоординированное и целенаправленное рассмотрение комплексных проблем национальной безопасности в интересах подготовки политических и военно-стратегических решений возможно организовать на «фабриках мысли» — в мощных независимых экспертно-аналитических центрах, зачастую играющих ключевую роль в подготовке политических решений по вопросам обеспечения национальной безопасности, военной стратегии и военного строительства.

В нашей стране работа по исследованию проблем национальной безопасности ведётся. В частности, в области обороны и безопасности исследования проводят такие крупные государственные и общественные структуры, как Институт США и Канады РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, МГИМО МИД России, Военная академия Генерального штаба ВС РФ, Институт Европы РАН, Совет по внешней и оборонной политике, Российский совет по международным делам, дискуссионный клуб «Валдай», ряд других экспертных структур. Вопросы экономической политики и обеспечения экономической безопасности исследуют, например, Аналити-

ческий центр при Правительстве Российской Федерации, ряд институтов Высшей школы экономики и РАНХ и ГС, Институт экономики РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, факультеты МГУ им. М.В. Ломоносова.

Однако данной работе не хватает координации и единого целеполагания. Зачастую проводимые исследования рассматривают проблемы национальной безопасности с «ведомственного угла», одной из отраслей науки, отсутствует комплексный подход к проблемам обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития страны, научной методологии и методики решения практических насущных и перспективных задач. Это, в свою очередь, сказывается на эффективности государственной политики в данной предметной области, существенных пробелах в организации стратегического планирования и стратегического управления, а также недостаточности на сегодня научно-методологического осмысления проблем национальной безопасности.

Показательным в плане оценки качества «мозговых центров» можно считать место России в мировом рейтинге фабрик мысли (Global Go To Think Tank Index), который ежегодно с 2009 г. публикует Пенсильванский университет (США). Под ними авторы рейтинга понимают организации, которые не только занимаются исследовательской деятельностью, но и проводят консультации с лицами, принимающими решения по вопросам внутренней и внешней политики. Хотя Россия находится на 7-м месте в мире по количеству «мозговых центров» (215 институтов), только три российских фабрики мысли попали в общемировой рейтинг ведущих аналитических институтов 2018: Московский центр Карнеги (27-е место), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (33-е место), МГИМО МИД России (125-е место)²¹. При

²¹ McGann J. 2018 Global Go To Think Tank Index Report. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks

этом российские университеты и исследовательские центры не представлены в рейтингах «мировых фабрик мысли», занимающихся проблемами энергетики и природных ресурсов, окружающей среды, вопросами информационной и кибербезопасности. При всей тенденциозности такого рода ранжирования следует признать, что в вопросах практического использования научных разработок в формировании государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, стратегического планирования и стратегического управления нам ещё многое надо сделать.

Отсюда — многочисленные пробелы по фундаментальным вопросам обеспечения национальной безопасности: как определять национальные интересы и стратегические приоритеты национальной безопасности и устойчивого развития страны, как ранжировать эти приоритеты и корректировать их, в каких пропорциях распределять национальные ресурсы по избранным приоритетам, как проводить комплексную оценку состояния национальной безопасности, в том числе по отдельным приоритетам и регионам страны, и др. Сегодня решения по этим вопросам зачастую принимаются у нас эмпирическим путём, без должной научно-методологической проработки. Более того, как в академической среде, так и на государственной службе налицо острая нехватка специалистов, способных системно и комплексно решать подобные задачи.

В результате конкретные вопросы обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования нередко рассматриваются с узковедомственных позиций. Именно этим можно объяснить несогласованность многих концептуальных и программно-плановых документов стратегического планирования, их необеспеченность ресурсами, отсутствие в стране единой сбалансированной системы указанных документов, многие другие недостатки в системе госуправления²².

Б

Сегодня российская политическая наука оперирует в основном терминами и конструкциями системы концептуальных взглядов в области национальной безопасности, которая базируется на постулатах, заложенных ещё в 1990-х годах. Между тем трактовка термина «национальная безопасность» с позиций защищённости интересов личности, общества и государства, возможно, оправданная для целей обретения стабильности в условиях выживания новой России, уже не отвечает современной парадигме «безопасность через устойчивое развитие».

Как представляется, потребностям сегодняшнего дня более отвечает новая трактовка концепта «национальная безопасность», которую можно определить как состояние общественных и государственных институтов, обеспечивающее устойчивость государственной системы по отношению к внешним и внутренним опасностям, вызовам и угрозам, реализацию государственной политики защиты национальных интересов России, а также безопасность многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации [Назаров, Афиногенов 2020: 13–14].

Такая трактовка центрального в теории национальной безопасности понятия опирается на Конституцию Российской Федерации, соотносится с проблематикой стратегического планирования и повышения эффективности деятельности государственных институтов, реализующих национальные стратегические приоритеты, национальные проекты и госпрограммы, а также позволяет более целенаправленно формировать государственную политику на этом важнейшем для страны направлении.

Есть и другие подходы к пониманию сущности безопасности. Например, Э.П. Литвинов считает, что «безопасность есть состояние условий сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устой-

²² Подробнее см.: [Клименко и др. 2015].

чивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели»; безопасности присущи онтологические, гносеологические и нравственные основания и безопасность не есть состояние, а необходимое и достаточное условие становления, развития и функционирования социальных систем [Литвинов 2014].

С учётом анализа зарубежного опыта научного обеспечения государственной политики в области национальной безопасности, а также ряда новых подходов, описанных выше, можно полагать, что при определённом различии в понимании этого термина отчётливо прослеживается закономерность рассмотрения феномена «национальная безопасность» как сложной и многогранной данности, затрагивающей практически все сферы жизни и деятельности общества и государства.

В этой связи, как представляется, вполне оправданно ставить вопрос о необходимости выделения предмета «Национальная безопасность» в самостоятельное научное направление в системе общественных наук. Его объектом могла бы стать общественно-политическая, экономическая и социально-территориальная система, обеспечивающая безопасность и устойчивое развитие данной системы в условиях глобальных вызовов, рисков и угроз, поскольку в классическом, философском понимании объектом науки является объективный, естественный мир, являющийся центром познавательного внимания учёного [Суханов 2012: 88].

Предметом же данного научного направления могла бы быть многофункциональная управленческая деятельность, в рамках которой рассматриваются вопросы общей теории и методология национальной безопасности и практики её обеспечения, закономерности, качественные пара-

метры, отличительные свойства и характер связей процессов обеспечения национальной безопасности, развития и совершенствования системы её обеспечения. Как справедливо отмечает ветеран отечественной военной и политической науки С.А. Тюшкевич, «научная теория должна давать целостное, а не фрагментарное представление о закономерностях и существенных связях изучаемой области действительности. Она является формой синтетического знания, когда не только гипотезы, но и открытые с их помощью законы утрачивают свою автономность и становятся элементами единой системы»²³.

Между тем в современной отечественной науке сам подход к понятию «безопасность» зачастую узок, что, в частности, наглядно проявляется в перечне научных специальностей Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации, предусматривающем следующие специальности: 05.26.02 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях (по отраслям)»; 05.26.05 «Ядерная и радиационная безопасность»; 05.26.06 «Химическая, биологическая и бактериологическая безопасность»; 05.26.03 «Пожарная и промышленная безопасность (по отраслям)»²⁴. Все эти виды безопасности носят сугубо отраслевой и даже технологический характер.

Сегодня ряд российских вузов, связанных с подготовкой кадров управленческого звена среднего и высшего уровня, имеет в своих учебных программах предмет «Национальная безопасность». Однако единый образовательный стандарт в области национальной безопасности и стратегического планирования, а также государственный заказ на подготовку специалистов по такого рода специальности отсутствуют. Силовые ведомства при подготовке своих кадров руководствуются исключительно собственны-

²³ Тюшкевич С., Буренок В. Кризис военной мысли. Сегодня мы не имеем сложившейся научной теории будущих войн // Военно-промышленный курьер ВПК. № 26 (839). 24 июня 2013 г. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/16482> (дата обращения: 07.07.2020).

²⁴ Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 октября 2017 г. № 1027 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени». Приложение. Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени. URL: <http://base.garant.ru/71814408/>

ми потребностями, ориентируясь на формат тех специальностей, которые имеются в ведомственных вузах, а министерства и ведомства социально-экономического профиля в свои программы переподготовки кадров не включают вопросы национальной безопасности или рассматривают их с позиций права, менеджмента, экологической, информационной и иных видов безопасности. Всё это негативно отражается на качестве государственного управления, сдерживает развитие теории и практики стратегического планирования и обеспечения национальной безопасности, тормозит решение долгосрочных задач развития страны.

Поскольку задачи обеспечения национальной безопасности непосредственно связаны с вопросами государственного управления, новую научную специальность целесообразно было бы назвать «Национальная безопасность и стратегическое планирование», так как задачи обеспечения национальной безопасности решаются путём принятия различных видов документов стратегического планирования, контроля за их выполнением и корректировки этих документов по результатам мониторинга.

Предлагаемую научную специальность можно было бы рассматривать как синергетический феномен, имея в виду, как отмечает ряд авторов, что именно в рамках синергии происходит кооперирование различных дисциплин, у каждой из которых есть своя сущность, свой язык и приёмы изучения действительности, свои методы и особенности [Безручко и др. 2020: 27]. Объединение многих естественных и общественных наук позволит получать, анализировать, систематизировать и обобщать новые знания на основе системного подхода к проблематике обеспечения национальной безопасности.

Внесение изменений в перечень научных специальностей ВАК Российской Федерации путём включения в него новой научной специальности позитивно отразится на качестве решения задач обеспечения

национальной безопасности и реализации государственной политики в этой сфере. Будут созданы предпосылки для формирования системы управленческих, научных и педагогических кадров, выстроенной на единых методологических принципах и требованиях. За счёт единства подходов и методов будет решена задача формирования непротиворечивой и взаимоувязанной архитектуры документов стратегического планирования, которая пока отсутствует, повысится эффективность управления процессами реализации стратегических национальных приоритетов и национальных проектов.

* * *

Следует заметить, что прецеденты формирования научной специальности для исследования сложного многофункционального явления (процесса) в Российской Федерации уже созданы. Например, перечень ВАК предусматривает научную специальность 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», в рамках которой рассматриваются педагогические основы становления, развития и функционирования социально-культурных систем; процессы социального управления образовательными, социально-культурными системами; процессов социализации, социального развития, инкультурации, социального взаимодействия на институциональном и индивидуальном уровнях. Другой пример – специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» рассматривает вопросы профессионального обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации во всех видах и уровнях образовательных учреждений, предметных и отраслевых областях, включая вопросы управления и организации учебно-воспитательного процесса, прогнозирования и определения структуры подготовки кадров с учётом потребностей личности и рынка труда, общества и государства²⁵.

²⁵ Номенклатура и шифры научных специальностей ВАК России. URL: disszakaz.ru/dissertantam/zashchita/nomenklatura-i-shifry-nauchnykh-spetsialnostey-vak/

Такой же подход можно было бы применить и к проблематике национальной безопасности, введя, например, для магистратуры, второго высшего образования и системы повышения квалификации государственных управленческих и политологических кадров в вузах Российской Федерации предлагаемую выше научную специальность, базой которой мог бы стать учебный курс «Общие основы теории и практики обеспечения национальной безопасности и стратегического планирования». При этом вузы могли бы дополнительно вести углублённое изучение конкретных направлений обеспечения национальной безопасности и стратегического

планирования в соответствии с собственной специализацией.

Закрепить новые подходы к феномену «национальная безопасность» и последовательному выстраиванию государственной политики на основе принципа взаимосвязи и взаимозависимости задач обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития можно было бы в новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основах государственной политики в области стратегического планирования, работа над которыми в настоящее время ведётся.

Список литературы

- Безручко Б.П. и др. Путь в синергетику: экскурс в 10 лекциях // Синергетика: от прошлого к будущему. М.: URSS, 2020. 304 с.
- Караганов С., Суслов Д. Россия в мире после коронавируса. Новые идеи для внешней политики // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 3. С. 170–182.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
- Клименко А.В. и др. О гармонизации документов государственного стратегического планирования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. URL: <https://publications.hse.ru/preprints/178713799>
- Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 5. С. 28–38.
- Литвинов Э.П. Безопасность как философская категория // Альманах «Пространство и время». 2014. Т. 7. № 1. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t7v1/2227-9490e-aprov_r_e-ast7-1.2014.12.php
- Назаров В.П. Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // Власть. 2007. № 11. С. 3–10.
- Назаров В.П., Афиногенов Д.А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. № 1. С. 9–19.
- Никулин Е., Коваль М., Рубан Ю. Способность помешать врагу. Особенности радиоэлектронной борьбы в современных вооружённых конфликтах // Армейский сборник. 2019. № 3. С. 78–83.
- Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование международных отношений как стратегическое планирование политики национальной безопасности // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 20–37. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37
- Суханов К.Н. Понятие объекта науки в современной философии науки // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 24. 2012. № 15 (269). С. 86–91.
- Тимофеев И.Н. Политика санкций: однополярный или многополярный мир // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 9–26.
- Цыганков А.П. Ганс Моргентау: Взгляд на внешнюю политику // Власть и демократия: Зарубежные учёные о политической науке. М., 1992. С. 163–164.
- American National Security: A Reader in Theory and Policy / ed. by M. Berkowitz, P.G. Bock. New York: Free Press, 1965. 448 p.
- Analysis for Military Decisions / ed. by E.S. Quade. Chicago: Rand McNally, 1964. 394 p.
- Aron R. Peace and War: A Theory of International Relations. New York: Doubleday & Company, 1966. 820 p.
- Barnett H.J. The Changing Relation of Natural Resources to National Security // Economic Geography. 1958. Vol. 34. No. 3. P. 189–201. DOI: 10.2307/142477
- Beaton L., Maddox J.R. The Spread of Nuclear Weapons. New York: Praeger, 1962. 216 p.
- Blackett P.M.S. Steps Toward Disarmament // Scientific American. 1962. Vol. 206. No. 4. P. 45–53.

- Bloomfield L.P.* The United Nations and U.S. Foreign Policy. Boston: Atlantic-Little, Brown & Co., 1960. 276 p.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959. 423 p.
- Clark G., Sohn L.B.* World Peace Through World Law. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press, 1966. 535 p.
- Claude I.L.* The Management of Power in the Changing United Nations // International Organization. 1961. Vol. 15. No. 2. P. 219–235.
- Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. Cambridge: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, and Wiley, 1986. 292 p.
- Disarmament and the Economy / ed. by E. Benoit, K.E. Boulding. New York: Harper, 1963. 310 p.
- Enthoven A.C.* Economic Analysis in the Department of Defense // American Economic Review 53. 1963. Vol. 53. No. 2. P. 413–423.
- Gallois P.* The Balance of Terror: Strategy for the Nuclear Age. Boston: Houghton Mifflin, 1961. 234 p.
- Haas E.B.* International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. 1961. Vol. 15. No. 3. P. 366–392.
- Henkin L.* Toward a "Rule of Law" Community // Promise of world tensions / ed. by H. Cleveland. New York: Macmillan, 1960. P. 17–42.
- Hitch Ch.J., Mckean R.N.* The Economics of Defense in the Nuclear Age. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 422 p.
- Holmes K.R.* What Is National Security? // Index of U.S. Military Strength: Assessing America's Ability to Provide for the Common Defense / ed. by D.L. Wood. Washington D.C.: The Heritage Foundation, 2015. P. 17–26.
- Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1960. 652 p.
- Kaplan M.A.* System and Process in International Politics. New York: John Wiley & Sons, 1957. 283 p.
- Kissinger H.A.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper and Brothers, 1957. 463 p.
- Knorr K.* The Concept of Economic Potential for War // World Politics. 1957. Vol. 10. No. 1. P. 49–62.
- Lasswell H.D.* The Garrison-state Hypothesis Today // Changing Patterns of Military Politics / ed. by S.P. Huntington. New York: Free Press, 1962. P. 51–70.
- Liddell H., Basil H.* Deterrent or Defense: A Fresh Look at the West's Military Position. New York: Frederick A. Praeger, 1960. 257 p.
- Lindberg L.N.* The Political Dynamics of European Economic Integration. Stanford: Stanford University Press, 1963. 367 p.
- Lippmann W.* U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston: Little, 1943. 177 p.
- Lyons G., Morton L.* Schools for Strategy: Education and Research in National Security Affairs. New York: Frederick A. Praeger, 1965. 356 p.
- Modelski G.A.* A Theory of Foreign Policy. Princeton Studies in World Politics, No. 2. New York: Frederick A. Praeger, 1962. 152 p.
- Modelski G.A.* The International Relations of Internal War // International Aspects of Civil Strife / ed. by J. N. Rosenau. Princeton: Princeton University Pres, 1964. P. 14–44.
- Morgenthau H.* In Defence of National Interest: a critical examination of American foreign policy. N. Y.: A. Knopf, 1951. 283 p.
- Noel-Baker P.* The Arms Race: A Programme for World Disarmament. London: Atlantic Book Publishing Company; New York: Oceana Publications, 1958. 579 p.
- Nye J.S. Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. Public Affairs, 2005. 130 p.
- Osanka F.M.* Modern Guerrilla Warfare: Fighting Communist Guerrilla Movements 1941–1961. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1962. 519 p.
- Osgood Ch.E.* Suggestions for Winning the Real War with Communism // Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol. 3. No. 4. P. 295–325.
- Rowen H.* The Future of General War // Rowen N. National Security and the American Economy in the 1960's. U.S. Congress, Joint Economic Committee, Study Paper No. 18, 86th Congress, 2d Session. Washington: Government Printing Office, 1960. P. 26–45.
- Romm J.J.* Defining National Security. The Nonmilitary Aspects. New York: Council of Foreign Relations Press, 1993. 122 p.
- Stephan M.J., Chenoweth E.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict // International Security. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 7–44.
- Stephan M.J., Chenoweth E.* Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. N.Y.: Columbia University Press, 2012. 320 p.
- The Dispersion of Nuclear Weapons: Strategy and Politics / ed. by R.N. Rosecrance. New York: Columbia Univ. Press, 1964. 343 p.
- Wolfers A.* "National Security" as an Ambiguous Symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67. No. 4. P. 481–502.

ENHANCING SCIENTIFIC SUPPORT FOR NATIONAL SECURITY POLICY MAKING *INTERNATIONAL EXPERIENCE*

TATIANA ALEKSEEVA

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

VLADIMIR NAZAROV

Russian Federation Security Council, Moscow 103132, Russian Federation

DMITRY AFINOGENOV

Russian Academy of National Economy and Public Service under the President
of the Russian Federation, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

The article examines evolution of scholarly approaches towards the phenomenon of the “national security.” By the early 21st century this notion found its way in the official strategic documents of a wide range of states. The authors examine the Russian and international record of analysis in the field of national security, and assess the adequacy of existing views on this subject taking in the account emerging threats, risks and challenges, as well as the tasks of sustainable development of a country in the social, economic, political, information, spiritual and other areas. They start by presenting the early conceptualizations of this term in the debates of American experts in the 1950s and the 1960s. An important innovation of that period was disentanglement of the national security from purely territorial and military threat, by preparing for other types of contingencies. The article additionally examines the struggle between two alternative approaches towards protecting the national security in the United States: the one founded on unilateral domination and the other prioritizing collective actions. It demonstrates that the one important result of the Western debates was the emergence of a new field of study defined by policy relevant studies, which produce useful, original, and verifiable inferences, which are then injected in decision-making process. In order to promote a similar institutionalized expertise, the article suggests seceding the study of the national security in a separate discipline. This step will enable to further promote the training of specialists not only in the field of national security and strategic planning, but also political scientists and future specialists for the public service. The need for this is obviously related to the tasks of improving the quality of policy making and strategic planning in the Russian Federation, the implementation of national projects in an extremely complex international environment.

Keywords:

national security; new threats; governance; decision-making; strategic forecasting; national interests; think tanks.

References

- Aron R. (1966). *Peace and War: A Theory of International Relations*. New York: Doubleday & Company. 820 p.
- Barnett H.J. (1958). The Changing Relation of Natural Resources to National Security. *Economic Geography*. Vol. 34. No. 3. P. 189–201. DOI: 10.2307/142477
- Beaton L., Maddox J.R. (1962). *The Spread of Nuclear Weapons*. New York: Praeger. 216 p.
- Benoit E., Boulding K.E. (1963). *Disarmament and the Economy*. New York: Harper. 310 p.
- Berkowitz M., Bock P.G. (eds) (1965). *American National Security: A Reader in Theory and Policy*. New York: Free Press. 448 p.
- Bezruchko B.P. et al. (2020). Put' v sinergetiku: ekskurs v 10 lekciyakh [The Way to Synergies: a Tour in 10 Lectures]. In: *Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu*. Moscow: URSS. 304 p.
- Blackett P.M.S. (1962). Steps Toward Disarmament. *Scientific American*. Vol. 206. No. 4. P. 45–53.

- Bloomfield L.P. (1960). *The United Nations and U.S. Foreign Policy*. Boston: Atlantic-Little, Brown & Co. 276 p.
- Brodie B. (1959). *Strategy in the Missile Age*. Princeton: Princeton University Press. 423 p.
- Clark G., Sohn L.B. (1966). *World Peace Through World Law*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Oxford University Press. 535 p.
- Claude I.L. (1961). The Management of Power in the Changing United Nations. *International Organization*. Vol. 15. No. 2. P. 219–235.
- Deutsch K. (1986). *Nationalism and Social Communication*. Cambridge: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, and Wiley. 292 p.
- Enthoven A.C. (1963). Economic Analysis in the Department of Defense. *American Economic Review*. Vol. 53. No. 2. P. 413–423.
- Gallois P. (1961). *The Balance of Terror: Strategy for the Nuclear Age*. Boston: Houghton Mifflin. 234 p.
- Haas E.B. (1961). International Integration: The European and the Universal Process. *International Organization*. Vol. 15. No. 3. P. 366–392.
- Henkin L. (1960). Toward a “Rule of Law” Community In: Cleveland H. (ed.) *Promise of world tensions*. New York: Macmillan. P. 17–42.
- Hitch Ch.J., McKean R.N. (1960). *The Economics of Defense in the Nuclear Age*. Cambridge: Harvard University Press. 422 p.
- Holmes K.R. (2015). What Is National Security? In: Wood D.L. (ed.) *Index of U.S. Military Strength: Assessing America's Ability to Provide for the Common Defense*. Washington D.C.: The Heritage Foundation. P. 17–26.
- Kahn H. (1960). *On Thermonuclear War*. Princeton: Princeton University Press. 652 p.
- Kaplan M.A. (1957). *System and Process in International Politics*. New York: John Wiley & Sons. 283 p.
- Karaganov S., Suslov D. (2020). Rossiya v mire posle koronavirusa. Novye idei dlya vneshnej politiki [Russia in the World after the Coronavirus. New Ideas for Foreign Policy]. *Rossiia v global'noj politike*. Vol. 18. No. 3. P. 170–182.
- Kissinger H.A. (1997). *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow: Ladimir. 848 p.
- Kissinger H.A. (1957). *Nuclear Weapons and Foreign Policy*. New York: Harper and Brothers. 463 p.
- Klimenko A.V. et al. (2015). *O garmonizatsii dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya* [About Harmonization of Documents of State Strategic Planning]. Moscow.: Higher School of Economics. URL: <https://publications.hse.ru/preprints/178713799>
- Knorr K. (1957). The Concept of Economic Potential for War. *World Politics*. Vol. 10. No. 1. P. 49–62.
- Lasswell H.D. (1962). The Garrison-state Hypothesis Today. In: Huntington S.P. (ed.) *Changing Patterns of Military Politics*. New York: Free Press. P. 51–70.
- Lavrov S. (2019). Mir na pereput'e i sistema mezhdunarodnykh otnoshenij v buduschem [World at Crossroads and the System of International Relations in Future]. *Rossiia v global'noj politike*. Vol. 17. No. 5. P. C. 28–38.
- Liddel H., Basil H. (1960). *Deterrent or Defense: A Fresh Look at the West's Military Position*. New York: Frederick A. Praeger. 257 p.
- Lindberg L.N. (1963). *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford: Stanford University Press. 367 p.
- Lippmann W. (1943). *U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic*. Boston: Little. 177 p.
- Litvinov E.P. (2014). Bezopasnost' kak filosofskaya kategoriya. *Al'manakh Prostranstvo i vremya*. Vol. 7. No. 1. http://j-spacetime.com/actual%20content/t7v1/2227-9490e-aprov_r_e-ast7-1.2014.12.php
- Lyons G., Morton L. (1965). *Schools for Strategy: Education and Research in National Security Affairs*. New York: Frederick A. Praeger. P. xii, 356.
- Modelski G.A. (1962). *A Theory of Foreign Policy*. Princeton Studies in World Politics, No. 2. New York: Frederick A. Praeger. P. xi, 152.
- Modelski G.A. (1964). The International Relations of Internal War. In: Rosenau J. N. (ed.) *International Aspects of Civil Strife*. Princeton: Princeton University Press. P. 14–44.
- Morgenthau H. (1951). *In Defence of National Interest: a critical examination of American foreign policy*. New York: A. Knopf. 283 p.
- Nazarov V.P. (2007). Strategicheskoe planirovanie: sejchas ili opyat' potom? [Strategic Planning: Now or Not Yet Again?]. *Vlast'*. No. 11. P. 3–10.
- Nazarov V.P., Afinogenov D.A. (2020). Problemy razvitiya obshchej teorii nacional'noj bezopasnosti v kontekste korrekcirovki Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii [Problems of Developing the General National Security Theory in the Context of the Adjustment of the National Security Strategy of the Russian Federation]. *Vlast'*. № 1. P. 9–19.
- Nikulin E., Koval M., Ruban Yu. (2019). Sposobnost' pomeshat' vragu. Osobennosti radioelektronnoj bor'by v sovremennykh vooruzhyonnykh konfliktakh [Ability to Hamper the Adversary. Specifics of Radio-Electronic Struggle in the Modern Militarized Conflicts]. *Armejskij sbornik*. No. 3. P. 78–83.

- Noel-Baker P. (1958). *The Arms Race: A Programme for World Disarmament*. London: Atlantic Book Publishing Company; New York: Oceana Publications. 579 p.
- Nye Jr. J.S. (2005). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs. 130 p.
- Osanka F.M. (1962). *Modern Guerrilla Warfare: Fighting Communist Guerrilla Movements 1941–1961*. Glencoe, Illinois: The Free Press. 519 p.
- Osgood Ch.E. (1959). Suggestions for Winning the Real War with Communism. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 3. No. 4. P. 295–325.
- Podberezkin A.I., Harkevich M.V. (2017). Dolgosrochnoe prognozirovanie mezhdunarodnykh otnoshenij kak strategicheskoe planirovanie politiki natsional'noj bezopasnosti [Long-term Forecasting of International Relations as Strategic Planning of National Security Policy]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 8. No. 3. P. 20–37. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-3-20-37
- Quade E.S. (1964). *Analysis for Military Decisions*. Chicago: Rand McNally. 394 p.
- Rosecrance R.N. (1964). *The Dispersion of Nuclear Weapons: Strategy and Politics*. New York: Columbia Univ. Press. 343 p.
- Rowen H. (1960). The Future of General War. In Rowen H. *National Security and the American Economy in the 1960's*. U.S. Congress, Joint Economic Committee, Study Paper No. 18, 86th Congress, 2d Session. Washington: Government Printing Office. P. 26–45.
- Romm J.J. (1993). *Defining National Security. The Nonmilitary Aspects*. New York: Council of Foreign Relations Press. 122 p.
- Stephan M.J., Chenoweth E. (2008). Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*. Vol. 33. No. 1. P. 7–44.
- Stephan M.J., Chenoweth E. (2012). *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. Columbia University Press. 320 p.
- Suhanov K.N. (2012). Ponyatie ob'ekta nauki v sovremennoj filosofii nauki [The Concept of the Object of Science in the Modern Philosophy of Science. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kulturologiya*. Vyp. 24. No. 15 (269). P. 86–91.
- Tsygankov A.P. (1992). Gans Morgentau: Vzgl'yad na vneshnyuyu politiku [Hans Morgenthau: Views on Foreign Policy]. In: *Vlast' i demokratiya: Zarubezhnye uchenye o politicheskoy nauke*. Moscow. P. 163–164.
- Timofeev I.N. (2019). Politika sanktsij: odnopolyarnyj ili mnogopolyarnyj mir [Sanctions Policy: Unipolar or Multipolar World]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*. Vol. 14. No. 3. P. 9–26.
- Wolfer A. (1952). "National Security" as an Ambiguous Symbol. *Political Science Quarterly*. Vol. 67. No. 4. P. 481–502.

ЖЕНЩИНЫ И ПОЛИТИКА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАНАХ

МАРИНА ЛЕБЕДЕВА

СВЕТЛАНА СТОЛЯРОВА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

После распада СССР бывшие союзные республики стали вырабатывать собственные стратегии развития и выдвинули новые приоритетные направления внутренней политики. Особый научный интерес в этой связи представляет сравнительный анализ политических курсов центральноазиатских стран в области обеспечения прав и свобод женщин. Рассмотрению государственных мер по расширению участия женщин в политической жизни общества, проводимых в странах Центральной Азии, и посвящена настоящая статья. На основе анализа нормативно-правовой базы, а также оценки степени разработанности гендерной статистики и гендерно-ориентированного бюджетирования выделены примеры позитивного и негативного опыта в расширении политических возможностей женщин государств региона. В частности, авторы обращают внимание на такой ещё не получивший широкого распространения инструмент гендерной политики, как гендерное квотирование, который первыми из пяти стран внедрились Киргизия и Узбекистан. Указываются сложности перехода к данной практике, в частности существование легальных путей для обхода квот. Отмечается прогресс Казахстана в области сбора дифференцированной по полу статистики, которая соответствует критериям доступности, открытости и полноты. Авторы подчёркивают, что повышение репрезентативности данных облегчает выработку практических мер по устранению неравенства в политической жизни. В статье отмечается отход некоторых стран региона от выделения гендерной политики в качестве самостоятельного направления, что смещает фокус с преодоления гендерного разрыва на решение более широкого комплекса задач социальной политики. В статье показано, что рассматриваемые страны в целом проводят консервативную гендерную политику. Делается вывод о том, что для России открывается возможность выступить в качестве государства, задающего направление развития в рассматриваемой сфере, в том числе путём применения гендерно-чувствительного подхода при оказании помощи в целях развития странам Центральной Азии.

Ключевые слова:

Центральная Азия; политика гендерного равенства; политическое представительство; женщина в политике.

В СССР, несмотря на декларацию гендерного равенства и наличие квот для женщин в структурах власти, отношение к гендерным вопросам было скорее ироничным. В то же время отдельные советские примеры показательны. В частности, А.М. Кол-

лонтай была одной из первых в мире женщиной-министром, а также одной из первых женщин-послов.

Что касается научного осмысления, то гендерные отношения изучались в Советском Союзе мало, а сам термин «гендер»

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.11.2019

Дата принятия к публикации: 07.01.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: Mmlebedeva@gmail.com

был практически неизвестен. Тем не менее в СССР проводились значимые исследования о положении и роли женщин в исторической науке, где одним из основоположников стала Л.Н. Пушкарёва [Пушкарёва 1989], а также работы в экономике, социологии и ряде других наук. В постсоветской России гендерные исследования получили большее развитие. Появилось немало работ по проблемам гендера в различных научных областях, например в психологии и лингвистике [Милованова, Максимова 2011], в том числе и учебная литература [Введение в гендерные... 2001].

Однако в политологии и в области международных отношений женщина в Советском Союзе оставалась, скорее, «невидимкой» [Алексеева, Лебедева 2006: 8]. В современной России ситуация в политических исследованиях улучшилась. Появляется всё больше работ, посвящённых различным политическим аспектам гендерной проблематики в тех или иных странах (см., например, [Шведова 2007; 2016]).

Вместе с тем в отечественном академическом поле сохраняется дефицит изучения гендерной политики на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе. После распада СССР бывшие союзные республики выбрали различные траектории развития, что позволяет проследить многообразие вариантов эволюции гендерной политики. Их исследование, с одной стороны, поможет понять внешнюю и внутреннюю политику постсоветских государств, поскольку в данной области отражаются политические установки и подходы национальных правительств. С другой — оно будет способствовать выявлению общих и специфических черт политического развития различных частей постсоветского пространства.

Большой интерес представляет сравнительный анализ гендерной политики центральноазиатских стран. Географические границы региона определяются по-разно-

му. В советский период территория четырёх республик (Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) обозначалась как Средняя Азия. До сих пор это понятие часто используется в научной литературе. Словосочетание «Центральная Азия» применительно к пяти странам предложил использовать Казахстан на их саммите в 1992 году. В то же время нередко границы Центральноазиатского региона понимаются расширительно и включают в себя Афганистан, Монголию и часть Китая. В настоящей статье понятие «Центральная Азия» будет использоваться применительно к пяти бывшим советским республикам.

Причин для проведения анализа гендерной политики государств Центральной Азии, которые имеют непосредственное отношение к России, несколько. *Во-первых*, в конфессиональном отношении государства Центральной Азии относятся к мусульманским. Ислам широко распространён и в России: по числу последователей это вторая религия в стране¹. Религиозные представления вносят вклад в понимание роли и места женщины в обществе. *Во-вторых*, страны Центральной Азии ранее составляли с Россией единое государство, а сегодня они — её ближайшие соседи. Развитые цивилизации, в прошлом существовавшие на территории региона, были тесно связаны с ней. *В-третьих*, Россия и центральноазиатские государства активно сотрудничают. Ряд из них совместно с Москвой входит в такие международные объединения, как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств. Наконец, *в-четвёртых*, регион в силу своего географического положения, природных ресурсов, ряда логистических проектов всё больше привлекает внимание внешних игроков — США, стран Европейского Союза, Китая, Турции, Ирана, Пакистана. Россия, будучи в кон-

¹ Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe Diversity. 2017. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/> (дата обращения: 03.11.2019).

курентных отношениях с этими странами, стремится занять наиболее выгодные позиции в Центральной Азии. Соответственно, и исследователи всё чаще обращают внимание на этот регион. В силу вышесказанного следует с особым вниманием отнестись к его изучению, в том числе и гендерных аспектов в политических системах этих стран.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в выявлении того, существует ли гендерное неравенство в системах политической власти стран Центральной Азии, и если да, то в какой степени оно проявляется и какие общие черты и особенности можно выделить при рассмотрении гендерной политики, проводимой в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении? Дополнительный вопрос, ориентированный на практику, авторы формулируют так: как можно использовать положительный и негативный опыт центральноазиатских стран при проведении мер, направленных на расширение политических возможностей женщин в России?

Тематический фокус этого круга исследований вписывается в сферу интересов представителей реалистского подхода в теории международных отношений и позволяет оценить интересы государств в данной области. При этом в работе анализируется, через какие институты, в какой степени и каким образом женщины включаются в политику государства. Для этих целей используется институциональный подход. Подобное сочетание различных теоретических подходов допустимо в эмпирических исследованиях и основано на идеях Р. Сил и П. Катценштайна, которые обосновали правомерность аналитического эклектизма для проведения прикладных исследований в области международных отношений и мировой политики [Sil, Katzenstein 2010].

Для анализа использовалась нормативно-правовая база государств Центральной Азии и России, включающая в себя международно-правовые механизмы, направленные на защиту и расширение прав и свобод женщин, и нормативно-правовые акты в сфере защиты прав женщин, принятые в этих странах. Кроме того, использовались статистические данные: об участии женщин в парламентах и других органах власти; уровень финансирования и применения гендерно-ориентированного бюджетирования; полнота и доступность гендерной статистики.

1

Оценить эффективность системы мониторинга неравенства можно на основании статистических данных. Среди основных международных документов, содержащих рекомендации по сбору гендерной статистики, стоит выделить Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития. В частности, международное сообщество сформулировало конкретные индикаторы по выполнению цели «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»². Кроме того, минимальный набор гендерных показателей утверждён Статистической комиссией Экономического и Социального Совета ООН³. Первый документ рекомендует оценивать привлечение женщин к принятию политических решений исходя из доли мест, которую они занимают в национальных парламентах, местных органах власти, и доли женщин на руководящих должностях в стране. В перечень комиссии ЭКОСОС, помимо перечисленных выше, включены показатели: доля женщин на государственных министерских должностях, среди офицеров полиции и среди судей.

² Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2018). URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

³ Гендерная статистика ЭКОСОС (2013). URL: <https://undocs.org/ru/ECN.3/2013/10> (дата обращения: 04.11.2019).

Таблица 1

Включение индикаторов участия женщин в принятии решений в национальные сборники гендерной статистики

Индикаторы участия женщин в принятии решений	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения	Узбекистан
1. Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах	+	+	+	N/A	—
2. Доля мест, занимаемых женщинами в местных органах власти	+	+	+	N/A	—
3. Доля женщин на руководящих должностях	+	+	+	N/A	—
4. Доля женщин на государственных министерских должностях	+	—	—	N/A	—
5. Доля женщин среди офицеров полиции	—	—	—	N/A	—
6. Доля женщин среди судей	+	—	—	N/A	—

Источник: составлено авторами на основе национальных сборников гендерной статистики⁴.

В зависимости от того, насколько национальная система сбора статистики соответствует этим рекомендациям и от того, какие проблемные темы отражены в национальных статистических сборниках, можно сделать выводы о значении гендерных вопросов во внутренней политике и о репрезентативности данных по обеспечению прав женщин в политике.

Все рассматриваемые страны публикуют статистические отчёты о положении женщин. Большинство государств Центральной Азии делает это ежегодно или раз в два года. Тем не менее в Туркменистане соответствующие данные находятся в закрытом доступе, а Таджикистан не предоставляет актуальные данные, что затрудняет анализ. В этих случаях важно обеспечить доступность, открытость, полноту и точность ключевых дифференцированных по полу индикаторов. Более того, страны, регулярно публикующие гендерную статистику,

собирают данные не по всем индикаторам участия женщин в принятии решений, что ещё более осложняет международные сопоставления (табл. 1). Помимо прочего, недостаток статистических данных осложняет выработку плана действий для устранения неравенства в политической жизни.

Отдельно стоит отметить опыт Казахстана. Ежегодный статистический сборник «Женщины и мужчины Казахстана» не только предоставляет количественную информацию по большинству основных индикаторов, включённых в Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития, и минимальный набор гендерных показателей Статистической комиссии ЭКОСОС, но и даёт гендерную разбивку по другим статистическим данным (например, «численность государственных служащих», «характеристика состава политических партий по полу»)⁵.

⁴ Женщины и мужчины Казахстана. (2018). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/publicationsCompilations?lang=ru&_adf.ctrl-state=br452pefu_4&_afzLoop=715752169802623#%40%3F_afzLoop%3D715752169802623%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3D14ah95a9tr_4 (дата обращения: 04.11.2019); Женщины и мужчины Кыргызской Республики (2018). URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/20232a59-bc04-4b2f-b8da-5220d4afbecc.pdf> (дата обращения: 04.11.2019); Мужчины и женщины Узбекистана. URL: <http://docplayer.ru/60104623-Muzhchiny-i-zhenshchiny-respubliki-tadzhikistan.html> gender.stat.uz (дата обращения: 04.11.2018); Женщины и мужчины Республики Таджикистан. (2014). URL: http://oldstat.www.tj/ru/img/d976061967cd7672af7e083fead26bda_1420539196.pdf (дата обращения: 09.11.2019).

⁵ Женщины и мужчины Казахстана. (2018). URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/publicationsCompilations?lang=ru&_adf.ctrl-state=br452pefu_4&_afzLoop=715752169802623#%40%3F_afzLoop%3D715752169802623%26lang%3Dru%26_adf.ctrl-state%3D14ah95a9tr_4 (дата обращения: 04.11.2019).

2

Значения Индекса гендерного неравенства ООН⁶ в 2019 г. для стран Центральной Азии колебались от 0,20 в Казахстане до 0,38 в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (рис. 1)⁷. Это означает, что от 20 до 38% потенциала женщин в этих государствах не используется. Данный показатель отражает наличие высокого разрыва между правами и возможностями представителей различных полов. Если в Казахстане значение индекса примерно сопоставимо со средним по региону «Европа и Центральная Азия» (0,28), то в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане неравенство женщин и мужчин выше среднерегионального [Human Development Report 2019].

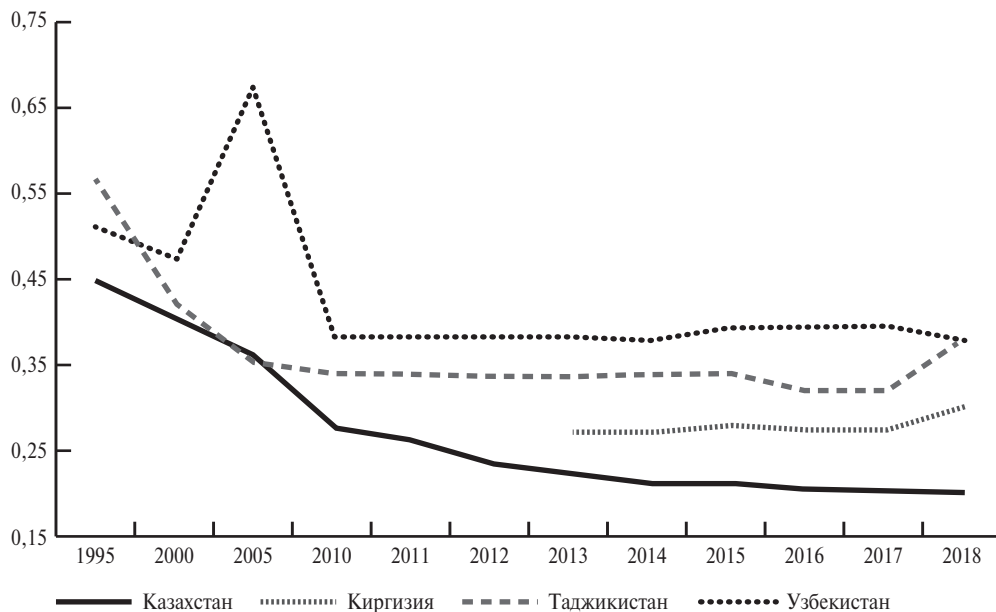
Один из основных показателей, применяемых для расчёта Индекса, — процент

женщин среди парламентариев страны. В настоящее время в законодательных органах центральноазиатских государств доля женщин, несколько выросшая с 1995 года, не превышает 25%, а в среднем составляет 20,5% (рис. 2). Более того, на политической арене рассматриваемых государств в целом преобладают мужчины. В Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркмении лишь по одной женщине входит в состав национальных правительств, в Киргизии — таковых три. За редким исключением, они занимают позиции, связанные со сферой социального обеспечения — это министры культуры и спорта, труда и социальной защиты, просвещения и образования.

При этом все страны Центральной Азии признают значимость поддержки участия

Рисунок 1

Индекс гендерного неравенства в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (1995–2018)

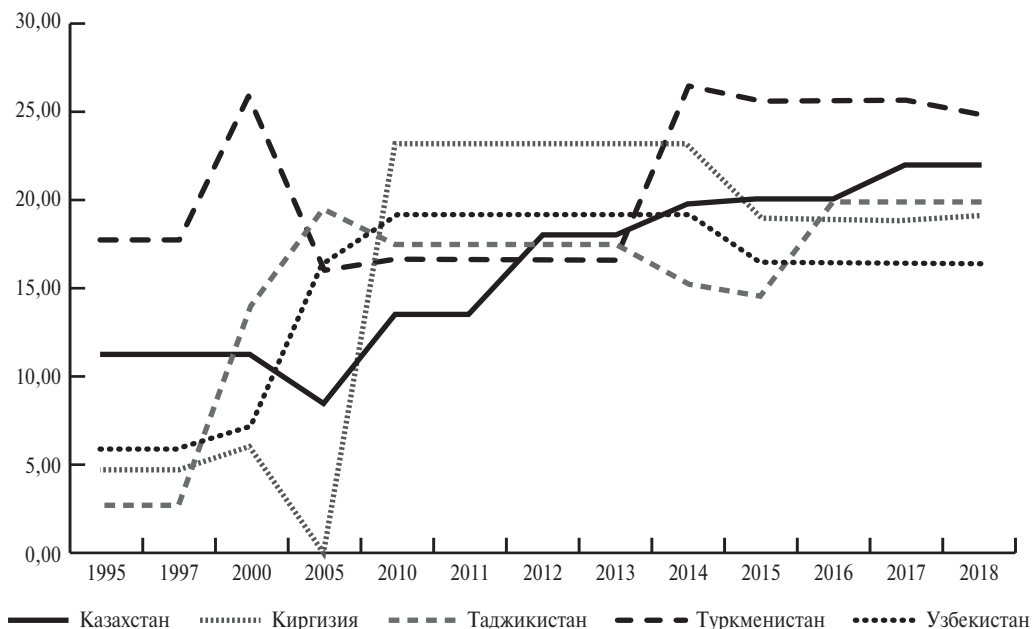

Источник: составлено авторами на основе данных UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf; <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

⁶ Индекс, разработанный в 2010 г. и ежегодно публикуемый в Докладе о человеческом развитии ПРООН, используется для оценки неравенства между мужчинами и женщинами и учитывает уровень репродуктивного здоровья, права и возможности женщин в политической жизни и на рынке труда.

⁷ Данные по Туркменистану отсутствуют.

Рисунок 2
Доля женщин в парламентах стран Центральной Азии в 1995–2018 годах (%)

Источник: составлено авторами на основе данных UNDP. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update.pdf; <http://hdr.undp.org/en/2019-report>

женщин в политической сфере. Косвенное свидетельство тому — присоединение государств региона к основным международно-правовым механизмам, направленным на обеспечение равноправного участия женщин в процессе выработки политических решений: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года⁸, Пекинская декларация и платформа действий⁹, а также Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Факультативный протокол к Конвенции не ратифицировал только Узбекистан)¹⁰. Таким образом, страны декларируют приверженность цели вовлечения женщин в полити-

ческую жизнь, готовность участвовать в международном сотрудничестве по обозначенному направлению и принимать меры на национальном уровне. Однако лишь часть центральноазиатских государств действительно совершенствует законодательство и делает практические шаги на пути к большему политическому равенству в политике.

З

Если судить по наличию комплексного подхода к преодолению разрыва в правах женщин и мужчин, то региональными лидерами выступают Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Эти страны разработали и

⁸ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 03.11.2019).

⁹ Fourth World Conference on Women. Beijing Declaration. 1995. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/platform/declar.htm> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁰ Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. 1979. URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-8&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 04.11.2019).

утвердили национальные стратегии¹¹, определяющие приоритетные направления государственной политики в отношении проблемы гендерного неравенства. Они также имеют проработанную нормативно-правовую базу в данной области. В 2010-х годах активизировалась гендерная политика в Туркменистане. В стране утверждён Национальный план действий по гендерному равенству на 2015–2020 годы, принят закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для женщин и мужчин». Несколько отличается ситуация в Узбекистане, где нет стратегического документа в области гендерной политики, а уровень законодательной активности в данной сфере низок.

В отдельных странах можно зафиксировать тенденцию к включению гендерных вопросов в более широкий контекст социальной политики. Например, новая гендерная стратегия Казахстана предполагает объединение семейной политики и вопросов, касающихся расширения прав женщин [Реализация гендерной политики в Казахстане 2017]. Между тем Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рекомендует сохранять чёткое разделение этих двух областей. Включение гендерной политики в семейную не уделяет должного внимания обеспечению прав всех женщин. Она также косвенно способствует формированию стереотипов об ограничении их социального призвания материнской и супружеской ролями. При этом семейная политика может выступать одним из инструментов расширения прав женщин.

Для некоторых государств региона в проведении гендерной политики характерно возвращение к квотированию для увеличе-

ния доли женщин во власти. Действовавшие до 1991 г. 30%-ные квоты частично восстановлены в Узбекистане и Киргизии. В последней конституционный закон о выборах предусматривает, что партии, принимающие участие в парламентских выборах, должны предоставлять избирательные списки, в которых доля кандидатов одного пола не превышает 70%¹². На практике после победы на выборах многие политические силы вносят изменения в их состав без учёта гендерной квоты, что киргизская Центральная избирательная комиссия не запрещает [Гендер и политика в Центральной Азии 2012].

Аналогичная картина наблюдается в Узбекистане. Согласно законодательным нормам, не менее 30% кандидатов в депутатский корпус нижней палаты парламента должны быть женщинами, но среди избранных парламентариев их гораздо меньше. По-видимому, это объясняется тем, что партии включают в списки кандидатов, не имеющих перспектив быть избранными.

О значимости борьбы с неравенством можно судить также по применению гендерного бюджетирования. Гендерное бюджетирование — это подход к осуществлению фискальной политики, направленный на расширение возможностей женщин в таких сферах, как образование, здравоохранение, рынок труда. Оно предполагает учёт гендерной проблематики на всех этапах бюджетного процесса: от планирования до внедрения и оценки. В зависимости от того, применяется такого рода бюджетирование или нет, можно сделать вывод — носит ли гендерная политика исключительно декларативный характер или же нацелена на достижение практических результатов. Его внедрение поддер-

¹¹ Концепция семейной и гендерной политики Республики Казахстан до 2030 года. 2016. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/U1600000384> (дата обращения: 04.01.2020); Национальная стратегия Кыргызской Республики по достижению гендерного равенства до 2020 года. 2012. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12728?cl=ru-ru> (дата обращения: 04.01.2020); Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011–2020 годы. 2011. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=15497&conttype=2 (дата обращения: 04.01.2020).

¹² Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики». 2011. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203244?cl=ru-ru> (дата обращения: 04.01.2020).

живает ряд международных организаций, среди которых объединение «ООН-Женщины», Секретариат Содружества Наций, Мировой банк.

Применительно к политическим правам женщин гендерное бюджетирование представляется значимым в контексте обеспечения их доступа к обучению. Получение образования, в особенности высшего, позволяет приобрести компетенции, необходимые для участия в политическом процессе, а также повышает социальный статус индивида в глазах политически активной части общества.

Среди стран Центральной Азии лидирующую позицию во внедрении гендерного бюджетирования занимает Казахстан. В этой стране в 2000-х годах Национальная комиссия по делам семьи и гендерной политике совместно с ЮНИФЕМ и Министерством экономики запустила соответствующий проект¹³. Более того, в его реализацию включились и общественные организации Казахстана¹⁴. Прочие центральноазиатские страны не принимали конкретных мер по проведению гендерного бюджетирования. Тем не менее в Таджикистане и Узбекистане проводились семинары по данному вопросу, что свидетельствует о потенциальном интересе к нему властей и обществ указанных государств [IMF Working Paper 2016].

* * *

После распада СССР центральноазиатские страны стали следовать самостоятельному курсу в вопросах гендерной политики, в том числе в сфере политической эмансипации женщин. Опираясь на количественные показатели, можно констатировать, что они добились улучшений в данной сфере, хотя представленность женщин в парламентах и на министерских должностях остаётся низкой. Кроме того, в четырёх из пяти стран Центральной Азии на-

блюдается значительный разрыв между правами и возможностями женщин и мужчин по сравнению со средними данными по региону «Европа и Центральная Азия». В Казахстане сложилась более благоприятная ситуация, чем в других рассматриваемых странах.

Оценивая гендерную политику Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, можно выделить ряд общих черт.

Во-первых, все страны присоединились к международно-правовым механизмам в сфере гендерного равенства. Следовательно, как минимум на декларативном уровне, есть общее понимание необходимости расширения прав и возможностей женщин: в частности, ликвидации их дискриминации в политической и общественной жизни страны и обеспечения их права участвовать в формулировании политики и занимать высшие должностные посты, а также работать на всех уровнях государственного управления.

Во-вторых, большинство рассмотренных стран приняли и начали осуществлять национальные стратегии, направленные на соблюдение прав и интересов женщин, в том числе в политической сфере, а также в той или иной степени совершенствуют законодательство. Вместе с тем на примере стратегии гендерного развития в Казахстане мы зафиксировали тенденцию отхода от выделения гендерной политики в качестве самостоятельного направления, в результате с преодоления гендерного разрыва фокус смещается на решение более широкого комплекса задач социальной политики.

В-третьих, все центральноазиатские страны признают значимую роль гендерной статистики, публикуют статистические отчёты о положении женщин. Тем не менее ни одна из них не предоставляет данные по всем основным индикаторам, включён-

¹³ Гендерная политика Республики Казахстан. (2018). URL: <https://www.zakon.kz/4912754-gendernaya-politika-respubliki-kazahstan.html> (дата обращения: 04.11.2019).

¹⁴ Kazakhstan Implements Millennium Development Goals. (2014). URL: <https://astanatimes.com/2014/12/kazakhstan-implements-millennium-development-goals/> (дата обращения: 04.11.2019).

ным в Систему глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и в набор гендерных показателей Статистической комиссии ЭКОСОС. Это затрудняет межстрановое сопоставление политического участия женщин. Отсутствие официальных статистических данных мы рассматриваем как попытку представить статистику по своей стране в более благоприятном виде, чем она есть на самом деле. Прогресс в области сбора статистики, дифференцированной по полу, которая соответствует критериям доступности, открытости и полноты, наблюдается в Казахстане. Повышение репрезентативности данных облегчит выработку практических мер для устранения гендерного неравенства в политической жизни.

В-четвёртых, в целом, несмотря на отдельные попытки, до сих пор не получил широкого распространения механизм гендерного бюджетирования, который мог бы косвенно повлиять на расширение возможностей женщин в политике.

В-пятых, в качестве характерного для постсоветского пространства инструмента политики необходимо отметить гендерное квотирование. Две страны — Киргизия и Узбекистан — ввели гендерные квоты в избирательных списках. Тем не менее, учитывая сложности в имплементации этой меры (в частности, существование легальных путей обхода квот), сложно оценить эффективность данного инструмента.

Государства региона проводят консервативную гендерную политику, не склонны к внедрению передовой практики гендерного бюджетирования и к сбору полной ген-

дерной статистики. Ликвидация дискриминации в отношении женщин в политике стран Центральной Азии внесёт вклад не только в укрепление социальной справедливости, но и в устойчивость общественного развития. Она позволит полнее использовать потенциал женщин, а политические решения будут отражать как мужской, так и женский социальный опыт и учитывать гендерные последствия принимаемых шагов [Шведова 2015: 18]. При наличии политической воли существенно увеличить представленность женщин во власти в центральноазиатских странах можно путём расширения их доступа к высшему образованию, а также посредством введения гендерных квот, обеспечивающих увеличение доли женщин в партийных структурах и парламентах данных государств.

России важно учитывать негативный и позитивный опыт центральноазиатских стран при проведении собственной гендерной политики. Кроме того, Москва могла бы выступить в качестве лидера, задающего вектор развития в данной области. Речь идёт о применении гендерно-чувствительного подхода при оказании помощи в целях развития в том числе странам Центральной Азии. Важным представляется стимулировать развитие гендерного равенства в совместных международных структурах, в которые наряду с Россией входят центральноазиатские государства, в частности в ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, имея в виду, что в этих государствах проявляется тенденция к более активному вовлечению женщин в политику.

Список литературы

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. «Женщина-невидимка» в мировой политике: уроки для России. Предисловие к русскому изданию // Тикнер Дж.Э. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006. С. 7–22.
- Введение в гендерные исследования. Ч.1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
- Гендер и политика в Центральной Азии. 2012. URL: <http://www.osce-academy.net/upload/CADGAT/CADGAT6Rus.pdf> (дата обращения: 03.11.2019).
- Милванова М.В., Максимова В.Е. Гендерные стереотипы и средства их выражения в речи молодёжи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 174–178.
- Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 288 с.

- Реализация гендерной политики в Казахстане. 2017. URL: http://www.oecd.org/gov/Russian_Gender_Kaz.pdf (дата обращения: 03.11.2019).
- Шведова Н.А. Женщины в США: механизм гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2007. № 4. С. 22–53.
- Шведова Н.А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 21–30.
- Шведова Н.А. Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4. С. 17–30.
- Human Development Report 2019. URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-report> (дата обращения: 03.01.2020).
- IMF Working Paper: Middle East and Central Asia: A Survey of Gender Budgeting Efforts. 2016. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16151.pdf> (дата обращения: 04.11.2019).
- Sil R., Katzenstein P.J. Beyond paradigms: analytic eclecticism in the study of world politics/ Palgrave Macmillan, 2010. 262 p.

PARTICIPATION OF WOMEN IN POLITICAL INSTITUTIONS OF POST-SOVIET COUNTRIES *EXPERIENCE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES*

MARINA LEBEDEVA

SVETLANA STOLYAROVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

After the disintegration of the USSR, the Central Asian countries started to pursue independent development strategies and identified new domestic policy priorities. It is of special scholarly interest to compare the efforts by Central Asian governments to improve female representation in politics. The article is devoted to the consideration of state policies and measures aimed at increasing the participation of women in political institutions in Central Asia. The most and the least effective strategies for women's political empowerment were highlighted based on the analysis of the regulatory framework in the field of women's empowerment, as well as on the degree of application of gender statistics and gender budgeting. In particular, the authors address the matter of electoral gender quotas, which are already introduced by Kyrgyzstan and Uzbekistan. It is stressed that the adoption of this policy tool in the two counties has had its limitations, taking into consideration the existence of legal ways to circumvent the gender-quota requirements. The authors also indicate Kazakhstan's progress in collecting gender data that is "open, accessible, comparable, free and understandable". Improving data quality and representativeness facilitates the development of practical steps to achieve gender equality in politics. At the same time, the authors point out a negative trend in the region: some countries are gradually moving away from having a distinct strategy pertaining to gender issues. Such approach may shift the focus from closing the gender gap to solving a wider range of social policy issues. The article shows that in general the countries in question implement a conservative gender policy and are not inclined to fully effect such practices as gender budgeting and the collection of relevant and complete gender statistics. It is concluded that Russia has an opportunity to act as a trendsetter, in particular by applying a gender-sensitive approach in providing development assistance to the countries of Central Asia.

Keywords:

Central Asia; women in politics; political participation; public policy; gender equality policy.

References

- Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. (2006). "Zhenshchina-nevidimka" v mirovoj politike: uroki dlya Rossii. Predislovie k russkomu izdaniyu ["Invisible woman" in world politics: lessons for Russia. Preface to the Russian edition]. Moscow: *Kul'turnaya revoliutsiya*. P. 7–22.
- IMF (2016). Working Paper: Middle East and Central Asia: A Survey of Gender Budgeting Efforts. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16151.pdf> (accessed: 04.11.2019).
- Milovanova M.V., Maksimova, V.E. (2011). Gendernye stereotipy i sredstva ih vyrazheniia v rechi molodezhi [Gender stereotypes and language means of their representation in youth's speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*. No. 2 (14). P. 174–178.
- OSCE. (2012). Gender and politics in Central Asia. URL: <http://www.osce-academy.net/upload/CADGAT/CADGAT6Rus.pdf> (accessed: 03.11.2019).
- Pushkaryova N.L. (1989). *Zhenshchiny Drevnej Rusi* [Women of ancient Rus]. Moscow: Mysl'. 288 p.
- Shvedova N.A. (2007). Zhenshchiny v SShA: mekhanizm gendernogo ravenstva [Women in the USA: the mechanism of gender equality]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 4. P. 22–53.
- Shvedova N.A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaia gendernaia politika [Human capital development and gender equality: smart gender politics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 3–4. P. 17–30.
- Shvedova N.A. (2016) Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo [Political parties and gender equality]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 4. P. 21–30.
- Sil R., Katzenstein P.J. (2010) *Beyond paradigms: analytic eclecticism in the study of world politics*. Palgrave Macmillan. 262 p.
- UNDP. (2019). Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-report> (accessed: 03.01.2020).
- Zherebkina I.A. (2001). *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch.1.* [Introduction to gender studies. Part 1]. Saint Petersburg: Aleteya. 708 p.

АНТИ-МЯГКАЯ СИЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Настоящая статья посвящена феномену «анти-мягкой силы». В современном политологическом дискурсе понятие «мягкая сила» (soft power) занимает одно из центральных мест. При этом до настоящего времени малоизученной остаётся возможность противодействия государствам чужой мягкой силе. Изучение этого явления в рамках либеральной парадигмы не представлялось возможным ввиду навязываемого ею тезиса о безальтернативности либеральной идеологии. В настоящей статье автор пытается выйти за рамки устоявшихся догм и ответить на вопрос: существует ли анти-мягкая сила как идеология и тип практической политики, которые используют набор средств, призванных защитить государство от воздействия чужой мягкой силы? Теория мягкой силы построена на том, что объект её применения будет готов признать свое вторичное, то есть подчинённое, положение. По этой причине использование мягкой силы возможно только в отношении субъекта, который не обладает большими политическими амбициями, готов взаимодействовать в рамках существующего мирового порядка и, главное, согласиться с превосходством другого игрока и выдвигаемых им норм. Анти-мягкая сила построена на иной основе. Она предполагает, что субъект изначально не готов признать ни превосходство оппонента, ни его правила игры. Он обладает серьёзными политическими амбициями, не признаёт власти над собой каких-либо норм и не готов согласиться на подчинённое положение. Вне зависимости от своей силы или слабости он не будет готов стать «младшим» или «вторым» в сообществе. В период глобализации таких субъектов было не много. Тем не менее обозначившийся в последние пятнадцать лет кризис глобализации может снова сделать их заметной силой в межгосударственных отношениях. Автор утверждает, что анти-мягкая сила неоднократно блокировала влияние одной страны на другую. В её истории можно выделить три основных типа политики: 1) на основе шовинизма; 2) на основе альтернативного идеологического проекта; 3) на основе частичных (сегментарных) ограничений мягкой силы противника. Каждый из них может принести своим основателям как дивиденды, так и политические издержки.

Ключевые слова:

мягкая сила; анти-мягкая сила; культурная политика; идеология; пропаганда; контрпропаганда; либерализм.

В современном политологическом дискурсе понятие «мягкая сила» занимает одно из центральных мест [Алексеева 2016: 5–21]. Библиография по данной проблеме

настолько обширна, что уже требует справочных обзоров [Косачев 2013: 11–18; Лобанова 2017: 77–88]. При этом до настоящего времени малоизученной остаётся

Тезисы настоящей статьи были ранее опубликованы автором в аналитическом комментарии на сайте Российского совета по международным делам. См.: *Фененко А.В.* Возможна ли «анти-мягкая сила»? РСМД. 16 ноября 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-anti-myagkaya-sila/>

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.11.2019

Дата принятия к публикации: 15.01.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: afenenko@gmail.com

возможность противодействия такому типу воздействия. Это оставляет без ответа ряд вопросов: существует ли в принципе анти-мягкая сила как идеология и разновидность политической стратегии, призванная защитить государство от воздействия чужой мягкой силы? При каких условиях они становятся востребованными? Каковы их особенности?

Наличие подобной лакуны в современных исследованиях объяснимо. Для изучения анти-мягкой силы следует отказаться от политической корректности и поставить ряд неудобных, но неизбежных исследовательских вопросов. Политологи изучают, как воздействовать с помощью мягкой силы на политического субъекта, оставляя в стороне вопрос о том, как объект влияния может защищаться. При изучении «меча» (каковым на сегодняшний день является мягкая сила) встаёт проблема понимания «щита» (каковой теоретически должна стать анти-мягкая сила). В настоящей статье автор делает попытку представить теоретические обоснования концепции анти-мягкой силы, определить её содержание и показать модели реализации в практической политике. В процессе анализа «анти-мягкая сила» будет рассматриваться исключительно как научный концепт, не зависящий от каких-либо политических или идеологических предпочтений исследователя.

1

Несмотря на широкое многообразие работ по теории мягкой силы, в истории интерпретации данного феномена можно выделить три этапа.

Первый — появление самой идеи, что государство способно достичь своих стратегических целей идеологическими и культурными средствами. Её выдвинул ещё в начале XX в. британский политолог Норман Энджелл (1872–1967). В работе «Великая иллюзия», появившейся накануне Первой мировой войны, он указывал, что по мере развития научно-технического прогресса межгосударственные войны становятся всё более разрушительными и не оправдывают затраченных на них финан-

совых средств [Angell 1910]. Гораздо эффективнее, по мнению Н. Энджелла, было бы использовать экономические связи и привлекательные идеологии для отстаивания собственных интересов. Способность государства нравиться своим примером может привлекать на его сторону другие общества и обеспечивать политическое присутствие без оккупации противника.

К концепции Н. Энджелла примыкала теория «культурной гегемонии» итальянского марксиста Антонио Грамши (1891–1937). Последний утверждал, что власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии: механизм власти есть одновременно и принуждение, и убеждение. Гегемония предполагает активное согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу: «управление с согласия самих управляемых». Грамши выделял технологию формирования культурной гегемонии, опирающуюся на три основные группы: 1) «органических интеллектуалов» (идеологов-практиков), формирующих интеллектуальный климат в обществе; 2) традиционную интеллигенцию, состоящую из наёмных работников умственного труда, которые находятся на службе правящего класса; 3) средства массовой информации и систему образования, которые определяют интеллектуальные настроения общества [Грамши 1959: 460–462].

Второй этап, который можно датировать началом 1990-х годов, характеризовался разработкой системного понимания мягкой силы. Им занимался американский политолог Джозеф Най, который предложил понимать под ней «способность добиваться желаемых результатов в отношениях с другими государствами за счёт привлекательности, а не принуждения или подкупа» [Nye 2004: 3]. В структуре внешней политики великих держав он выделял три инструмента: принуждение, плата и притягательность (мягкая сила). Определение Дж. Нае закрепилось в политической науке в качестве общепризнанного. Правда, в письме 2006 года, написанном в журнал *Foreign Policy* [Nye 2006], он указал, что в других

странах (в первую очередь в России и КНР) мягкую силу трактуют как пропаганду, что неверно. Мягкая сила, по словам Дж. Наю, это именно способность государства нравиться своим примером.

В этой связи исключительно важна этимология понятия «мягкая сила». В американском законодательстве право делится на две составляющие: «жесткое» (hard) и «мягкое» (soft). Первое охватывает акты, обязательные для исполнения; а второе — право, отклонение от которого не приводит к санкциям. Оно означает скорее этические нормы, присущие данному обществу, которые предполагается защищать с помощью общественного мнения. Мягкая сила не имеет карательных санкций за неподчинение, но создаёт ситуацию, когда моральный призыв невозможно игнорировать. В такой интерпретации понятие «мягкая сила» эквивалентно скорее терминам «гуманитарная сила» или «привлекательная сила» в русском языке.

В период преобладания «классического» (по Дж. Наю) понимания мягкой силы в начале 2000-х годов в американской литературе были выделены её основные структурные компоненты:

- экономический — инвестиционная и финансовая привлекательность государства;
- гуманитарный — привлекательность образовательной системы страны, её научной и технологической деятельности;
- культурный — международное признание культурного наследия государства; расширение межкультурных коммуникаций; популяризация национального языка; туристическая привлекательность;
- политический — развитие политических институтов демократии; защита прав человека;
- дипломатический — эффективность переговорного процесса; способность к предотвращению агрессии; нейтрализация угроз [Holik 2011: 223 — 254].

Механизмами для реализации мягкой силы должны были стать экономическая,

публичная и культурная дипломатия. Они были призваны не просто создать привлекательный образ субъекта в глазах населения и истеблишмента другого государства. Гораздо большее значение уделялось опутыванию элит других стран комплексом взаимосвязанных отношений, содействие усвоению ими чужих экономических норм и моделей [Cooper, Hocking, Maley 2008]. Публичная дипломатия получила новое наполнение, став механизмом формирования положительного образа страны в глазах общественности другого государства и одновременно воздействия на его элиту [Leonard 2002]. Этот процесс облегчался появлением системы спутникового телевидения, а затем и спутникового интернета — впервые в истории государства получили возможность транслировать свою точку зрения и, соответственно, воздействовать на зарубежную общественность. Политика информационного воздействия интегрировала два элемента: технологический (регулирование процесса развития компонентов информационной среды) и содержательный (приоритеты коммуникационной деятельности участников общественно-политического процесса).

Третий этап в понимании мягкой силы стоит отсчитывать с начала 2010-х годов, когда этот термин стал обозначать набор манипулятивных технологий, призванных разрушать отдельное общество. В России такая трактовка стала утверждаться после публикации 27 февраля 2012 г. статьи премьер-министра В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»¹. В ней российский лидер указал на опасность, которую может представлять использование мягкой силы внешними субъектами. «В ходу всё чаще такое понятие, как “мягкая сила” — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счёт информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстре-

¹ Путин В. Россия и меняющийся мир. Московские новости, 27.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>

мизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств», — писал В.В. Путин. Этот подход к пониманию мягкой силы породил серию работ, рассматривающих её как систему вмешательства во внутреннюю политику государств [Бурлинова 2014: 28–35; Паршин 2014: 14–21].

Похожая ревизия понимания мягкой силы происходила и на Западе. Ещё в 2004 г. британский историк Найл Фергюссон указал на её связь с империализмом [Fergusson 2004]. «Мягкая сила» — согласно его определению, лишь «бархатная перчатка, скрывающая железную руку» [Fergusson 2004: 24]. В 2017 г. американские политологи Кристофер Уолкер и Джессика Людвиг из Национального фонда в поддержку демократии предложили термин «острая сила» (*sharp power*) [Walker; Ludwig 2017: 6–94], которую они определяли как форму внешнеполитической деятельности, предполагающую использование средств манипулирования общественным мнением в других странах и направленную на подрыв их политических систем. По мнению К. Уолкера и Дж. Людвиг, данный термин можно применять только к авторитарным режимам. Причём авторы не скрывали, что имеют в виду Россию и КНР, а «острая сила» обозначает воздействие этих двух государств на демократические страны с целью подрыва их политических систем, введения их общественности в заблуждение, ограничения свободы слова, сокрытия или отвлечения внимания от негативной информации о своей стране за рубежом. Такое определение острой силы политически наивно. Авторы словно удивлялись самому факту, что какие-то крупные игроки могут применить мягкую силу в отношении самих США, хотя идеологическая борьба — неотъемлемая часть всей мировой истории.

Тем не менее за этой кажущейся наивностью скрывается важное политическое явление: концепция мягкой силы в её современном понимании — продукт американской политической культуры. Соединённые Штаты до настоящего времени ещё не сталкивались с противником, отрицающим их *a priori* и не желающим не только принимать, но даже обсуждать американскую привлекательность. Политика мягкой силы США реализовывалась в благоприятной среде, будучи направленной на государства:

- находящиеся под прямым военно-политическим контролем (Германия, Италия, Япония после Второй мировой войны);
- воспринимающие США как защитника своей безопасности (страны Западной Европы в период «холодной войны», страны Восточной Европы после её окончания);
- имеющие элитные группы, симпатизирующие культуре и идеологии Соединённых Штатов (поздний СССР, страны постсоветского пространства).

На последней группе объектов воздействия США следует остановиться особо. В американской литературе по мягкой силе распад «социалистического сообщества» и СССР нередко преподносится как триумф американской привлекательности². Такая трактовка игнорирует то, что Советский Союз не был для США экзистенциальным противником, отрицающим их право на существование. Здесь уместно вспомнить размышления отечественного американиста В.О. Печатнова: «Любопытно, что в советское время официальная пропаганда СССР не пыталась сеять ненависть к американскому народу, отделяя его от “реакционных кругов США”» [Печатнов 2006: 51]. Даже в пиковые кризисы «холодной войны» в советском обществе не было ни милитаризма, ни болезненной ненависти к гражданам США, которые характеризовали взаимное восприятие граждан евро-

² *Figes O.* Who Lost the Soviet Union? // The New York Times. 20 January 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/2002/01/20/books/who-lost-the-soviet-union.html>; Laiiy, Kathy. Crimea-happy Russians want Gorbachev to pay for loss of Soviet empire // Washington Post. 10 April 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/crimea-happy-russians-want-gorbachev-to-pay-for-loss-of-soviet-empire/2014/04/10/ffa0f545-8923-4acda016-4a25a937b32a_story.html

пейских стран до Первой мировой войны. Примечательный факт: в СССР не было снято ни одного фильма о победе над странами НАТО в гипотетической «третьей мировой войне» (никаких «Сто часов до Рейна» или «Парад в Брюсселе») напоподобие довоенных фильмов «Первый удар» и «Моряки».

Советская идеология преподносила «холодную войну» как соревнование двух систем, а не борьбу советского и американского народов. При этом понятие «соревнование» означает, что мы признаем противника равным себе и считаем, что у него есть нечто позитивное, что можно перенять и превзойти. Советское общество (прежде всего интеллигенция и либеральные группы партийной элиты) увлекалось американской культурой и образом жизни. Советские аналитические центры знакомили советских читателей с американской литературой под видом «критики буржуазных концепций», а не писали о превосходстве советского народа над американским и/или неполноценности последнего. Советская интеллигенция ловила зарубежные радиоголоса, не испытывая ненависти к США при прослушивании негативной информации о своей стране. Ещё интереснее отношение в позднем СССР к атрибутам американской культуры: консерваторы боролись за их запрет, либералы пытались их достать на полуполюгальной основе, но ни те, ни другие не испытывали прилива ненависти при их виде.

Интересна и сама постановка вопроса об идеологическом воздействии стран Запада на советское общество. *Во-первых*, не ясно, почему идеологическая пропаганда США не действовала на Германию и Японию в годы Второй мировой войны. Для перекодировки (по крайней мере, внешней) сознания их населения понадобилась оккупация данных стран. *Во-вторых*, сама постановка вопроса об идеологической диверсии предполагает, что объект применения мягкой силы будет готов выслушать соответствующую информацию извне. Опыт показывает: такая пропаганда может достигать целей, только если граж-

дане государства, на которое направлено её применение, готовы (1) прислушиваться к оппоненту; (2) относиться к себе критично и допускать критику со стороны иностранцев и (3) иметь культуру национальной и личной самоиронии. При отсутствии этих характеристик применение мягкой силы не будет возможным.

На обратимость политики мягкой силы указал российский политолог А.А. Байков. Если «жесткая сила» — это исторически преобладающий инструмент влияния и ресурс политики государства или наиболее влиятельных бизнес-структур (действующих как проводник государственных интересов), то «мягкая сила» — это «функция» общества, фактор и призма его восприятия в мире [Байков 2014: 38]. Но восприятие — категория субъективная, а не объективная. Проекция мягкой силы требует наличия миролюбивого общества, которое готово признать, что другое государство может превосходить его. Если мы, например, имеем дело с народом, рассуждающим по принципу «нет крови выше нашей крови» или «нет права выше права нашей нации», то он едва ли воспримет позитивно другую страну, превосходящую этот народ хоть в чём-то.

Можно возразить, что эти условия отсутствуют в трактовке мягкой силы, предложенной Дж. Наем, как способности «добиваться желаемых результатов в отношениях с другими государствами за счёт привлекательности, а не принуждения или подкупа». Однако это не так. Все три определения теории мягкой силы встраиваются в общую концепцию «культурной гегемонии». Они построены на следующих постулатах:

1. *Аксиологический*. Теория мягкой силы предполагает, что потенциальный адресат заинтересуется вашим рассказом о собственных достижениях и попытается посмотреть на вашу страну позитивно. На деле реакция на этот рассказ может быть самой различной и необязательно позитивной — от желания уберечь своих граждан от контактов с носителем мягкой силы до всплеска завистливой ненависти к более успешному конкуренту. Тем не менее апри-

орное неприятие культурного воздействия со стороны адресата мягкой силы заранее выводится за скобки как потенциально невозможная альтернатива.

2. *Системный*. Адресат мягкой силы должен хотеть перенять достижения более успешного государства, а не уничтожить его силовым путем, — например, с целью забрать себе его богатства или повысить свой статус в системе международных отношений. Мягкая сила может быть применена с большей результативностью против противника, дорожащего существующим мировым порядком, но не против ревизионистской державы.

3. *Нормативный*. Объект политики мягкой силы должен принять предложенные ему правила игры. Этот тезис иллюстрирует набор мер, предложенный Дж. Наем. Жёсткая сила предполагает, что у противника нет аналогичной палки, которую он способен применить в ответ. Подкуп означает, что противник готов взять плату, а не рассматривает способ уничтожения субъекта-транслятора. Притягательность возможна, если оппонент готов воспринять превосходство носителя мягкой силы, а не отрицает его безусловно. Если он не принимает оппонента как такового, то три способа навязывания ему силы будут бессмысленны.

4. *Типологический*. Общества, проецирующие мягкую силу и усваивающие её, выступают как идеологически однотипные. Они должны разделять общие ценности, быть относительно миролюбивы, ориентированы на высокий уровень потребления для граждан и, главное, оказаться готовыми взаимодействовать с другими странами в рамках существующего мирового порядка, а не ориентироваться на его слом. Американцы могли воздействовать на советского интеллигента брежневской эпохи, говоря о том, что «СССР незаконно ввёл войска в Афганистан». Воздействовать подобным образом на немца или японца до Второй мировой войны было невозможно, ибо на это последовал бы ответ в духе: «Вот и хорошо, что ввели. А ваша ничтожная страна будет следующей, если посмеет

читать нам морали». В отсутствие хотя бы относительного ценностного консенсуса проекция мягкой силы невозможна.

Совокупность этих методологических аксиом задаёт то понимание мягкой силы, которое сложилось в американской политической науке. Оно в самом деле означает не ведение прямой пропаганды, а способность страны нравиться своим примером, опутывать элиты других стран комплексом связей, а при необходимости влиять и направлять внутриэлитные процессы — вплоть до поддержки смены политического режима. Тем не менее применение мягкой силы возможно лишь там и тогда, где объект воздействия готов её принять или, по крайней мере, относится к ней нейтрально. Там, где элиты настроены к стране-субъекту мягкой силы изначально враждебно или воспринимают её как более низкую культуру, по сравнению со своей, она теряет влияние. Этот вывод позволяет предположить, что противостояние мягкой силе возможно, а значит, возможно и построение анти-мягкой силы. *Если мягкая сила — это способность субъекта нравиться своим примером, то анти-мягкая сила — способность государства сделать оппонента «непривлекательным», «ненравящимся», а в некоторых случаях и «неприемлемым» в глазах своего общества.*

2

Предмет науки о международных отношениях отличается от предмета социальных наук. Объектом изучения первой выступает взаимодействие международно-политических субъектов, комплекс связей между ними. Объектом изучения вторых — сами эти субъекты и происходящие в них внутриполитические процессы, в том числе направленные на формирование их внешнеполитических стратегий. Несмотря на сходство терминов, понятие «власть» (power) во внутриполитическом или социально-политическом контексте, известное из классических работ М. Вебера и Т. Парсонса [Parsons 1951; Weber 1978], не подходит для анализа межгосударственных отношений.

Традиционное понимание власти имело бы смысл в исследованиях международных отношений, если мир был бы единой империей или закрытой иерархической системой вроде средневековой Европы. Поскольку мы продолжаем жить в условиях конкуренции национальных государств, то, говоря о мягкой силе, международники вслед за Г. Моргентау продолжают рассматривать силу (power) как способность конвертировать ресурсы (силовые, экономические, культурные, организационные) в международно-политическое влияние. Мягкая сила в международных отношениях — это способность государств мобилизовывать культурные, информационные и организационные ресурсы в рамках системы межгосударственного взаимодействия.

Терминология анти-мягкой силы должна быть построена на закрытии лакуны в концепции Дж. Ная. Его мягкая сила выступает как вариант «нормативной силы» — способности субъекта производить определенные социокультурные и политические нормы и популяризировать их нормативными методами и инструментами. Соответственно, анти-мягкую силу можно определить как способность объекта воздействия отрицать предлагаемые ему правила игры и/или противопоставлять им собственную альтернативу. *Анти-мягкая сила — предельный вариант нормативной силы, который основан на способности объекта применения мягкой силы отвергать чужие нормы.*

Структуры мягкой и анти-мягкой силы различны. Первая имеет четыре компонента:

- субъект: государство, которое производит и транслирует нормы;
- объект: государство, на которое транслируются нормы субъекта;
- стратегия: наличие у субъекта комплексного плана применения мягкой силы или её спонтанного использования (например, за счёт остатков сформированной в прошлом привлекательности данного субъекта);
- инструменты: набор технологий и практик, с помощью которых субъект проецирует свою мягкую силу на выбранный объект.

Структура анти-мягкой силы выглядит иначе. В ней можно выделить:

- субъект: государство, использующее стратегию отражения мягкой силы другого государства;
- объект: собственное население и население стран-партнёров, которые должны быть защищены от воздействия оппонента;
- стратегия как целеполагание использования анти-мягкой силы внутри страны и за рубежом;
- инструменты: набор технологий и практик, с помощью которых ведётся борьба с оппонентом.

Предметное поле мягкой силы и анти-мягкой силы также различны. Обе эти категории относятся к сфере культурного в широком смысле этого слова противоборства. Однако если к предметному полю мягкой силы относятся преимущественно средства трансляции образа страны вовне, то к сфере анти-мягкой силы — блокировка такой трансляции и одновременно повышение привлекательности образа своей страны для собственного населения. Системы спутникового телевидения, транслирующие новостную картину на окружающий мир, относятся, например, к первой сфере. Системы информационного противодействия им в других странах относятся ко второй.

Анти-мягкая сила не тождественна и контрпропаганде как комплексу мер, направленных на борьбу с идеологическим воздействием противника [Почепцов 2003: 239]. Задачей контрпропаганды выступает дискредитация вражеских идей, разрушение нежелательных информационных сущностей и недопущение их возникновения в будущем. Цель анти-мягкой силы — формирование самой способности общества отвергать (или, как минимум, не воспринимать) подобные сущности. Иначе говоря — формирование общественно-политического дискурса, в рамках которого становится практически невозможным ведение пропаганды. «Контрпропаганда почти всегда стремится к тому, чтобы раздробить возникающие крупные аудитории той или иной идеи, внести раскол в образующиеся сооб-

щества, показать и проявить противоречие в пропагандируемой идее», — писал российский исследователь В. Гатов [Гатов 2015]. Анти-мягкая сила — это формирование способности общества не воспринимать предлагаемые другим обществом дискурсы.

Разницу можно пояснить на нескольких примерах. Оборонительная контрпропаганда использует технологию «контрастной пропаганды» — тенденциозного подбора информации, на фоне которой оценка деталей имиджа принимает нужный оттенок. Такой подбор осуществляется на уровне идей и тем, освещённых в СМИ. Тем не менее он возможен только в рамках общества, которое разделяет некие базовые ценности с носителем пропаганды. Бессмысленно пугать избирателей «гонкой вооружений» в обществе, которое считает войну нормой, а не аномалией. Так же бессмысленно пугать угрозой товарного дефицита общество, ориентированное на решение данной проблемы путём внешней экспансии. В своё время В.И. Ленин писал об опасности «комчванства»³, что говорит об отсутствии в России развитой традиции военного феодализма, где «чванство» исторически воспринималось бы как норма.

Аналогично наступательная контрпропаганда использует технологию «имитационной дезинформации» — внесения изменений в пропаганду противника, придающих ей другое направление и содержание, подрывающих к ней доверие, создающих отрицательный образ. Это требуется только в случае, если общество готово хоть в какой-то форме выслушивать информацию от оппонента. Если же в обществе преобладает отношение к противоположной стороне, как к врагу (по логике: «что бы они ни сказали — мы не верим заранее»), то подобная технология маловостребованна.

Если контрпропаганда нацелена на решение сиюминутной, конкретной проблемы, то анти-мягкая сила призвана сформировать в обществе идеологический дискурс, превращающий его в невосприимчивое к пропаганде. Понятие «анти-мягкой силы» не тождественно разрабатываемой в ЕС концепции «стрессоустойчивости» («resilience»)⁴. Данный термин пока слабо отрефлексирован. *Во-первых*, «стрессоустойчивость» не означает блокировки внешнего воздействия: политическая система определённой страны может быть весьма устойчивой даже при его наличии. (Государства-протектораты, например, могли существовать столетиями, что не мешало им быть зависимыми от внешнего воздействия.) *Во-вторых*, понятие «стрессоустойчивость» ставит вопрос о том, что мы понимаем под «стрессом». Традиционно речь идёт о войнах и революциях. Но войны могут укреплять политическую систему и обеспечивать её стабильность, как, например, Столетняя война (1337–1453) или современные войны на Ближнем Востоке. Революции не всегда ведут к слому политической системы: например, европейские революции 1848 г. свелись по итогам к смене правящей династии во Франции. Анти-мягкая сила как способность не принимать внешнее воздействие может как вызывать «стрессы», так и обходиться без них.

Методологию анти-мягкой силы следует скорее сравнить с теорией «политической культуры». Ещё в 1956 г. американский политолог Габриель Алмонд предположил, что «каждая политическая система встроена в особый структурный образец (pattern) ориентаций на политическое действие», и определил его как «политическую культуру» [Almond 1956: 396–397]. Он также подчёркивал, что термин «идеология» должен пониматься исключительно как «систематическая и эксплицитная формулировка

³ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 44. С. 173. [Электронный ресурс]. URL: <http://leninvi.com/t44/p173>

⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. European Union. Brussels, 12 December 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en/european-security-strategy-secureeurope-better-world>

общей ориентации на политику»; на долю политической культуры достались бы «более неопределённые и имплицитные ориентации». Позднее Г. Алмонд, следуя традиции Т. Парсонса, выделил в рамках политической культуры три типа ориентаций: когнитивную, аффективную и оценочную [Almond, Verba 1963]. Иначе говоря, мягкая сила — это теория повышения привлекательности своей политической культуры и, соответственно, ослабления других политических культур. Анти-мягкая сила — это теория блокировки привлекательности и даже отторжения политических культур оппонента.

В 1971 г. критик теории политической культуры Кэроул Пейтмен обратила внимание на исходную посылку, на которой она держится: образцы участия и культура, лежащая в их основании, «не подвержены существенным изменениям» [Pateman 1971: 292, 296]. Американская исследовательница считала это слабостью теории политической культуры. Между тем с точки зрения современного понимания мягкой силы более сильная и стабильная в своей основе политическая культура побеждает более гибкие и нестабильные. Например, распространение американской мягкой силы происходит без какой-либо рефлексии по поводу права США осуществлять лидирующую роль в мире — критикуется только политика отдельных президентов. Соответственно анти-мягкая сила будет комплексом мер по повышению устойчивости собственной политической культуры, её способности не принимать ценности и нормы других политических культур. Удачной или нет оказалась подобная политика — это уже иной вопрос.

Проецировать непосредственно на оппонента свою анти-мягкую силу её субъект не может: ему сначала необходимо прикрыть собственное общество, и только потом он может перейти в контрнаступление. Анти-мягкая сила не может также быть спонтанной: она предполагает изначально запланированный комплекс мер по противодействию мягкой силе противника. Она требует не просто тотального неприятия

оппонента, но и наличия альтернативной ему притягательной идеологии и технических средств информационной и культурной политики. *Такая политика может достигнуть своих целей в случае, если она опирается на целенаправленную государственную стратегию противодействия, которая включает в себя комплекс конкретных мер, превосходящих по эффективности внешнее воздействие.*

3

Французский социолог Серж Московичи в работе «Век толп» [Московичи 1998] попытался смоделировать общество, неуязвимое для пропаганды. Результат ошеломил самого автора и не позволил ему нарисовать картину до конца. «Совершенно неуязвимый» для чужой мягкой силы народ должен обладать следующими характеристиками:

- видеть себя как центр мироздания, относясь к другим обществам с чванливым высокомерием;
- воспринимать войну как нормальное и естественное состояние бытия;
- смотреть на более успешные нации с чувством зависти и ненависти, а не видеть в них эталон для подражания;
- иметь развитую культуру мести и экзальтации своих обид;
- не воспринимать критику со стороны иностранцев, видя в ней недопустимый акт враждебности.

Идеальной оппозицией мягкой силе по С. Московичи выступает шовинизм. Название этой идеологии происходит от имени полугендарного наполеоновского солдата Николя Шовена, который стал символом крайних форм патриотизма. Шовинизм представляет собой идеологию национального превосходства с целью обоснования права на дискриминацию других народов. Шовинизм отличается от простого национализма, поскольку отвергает не только права другого народа, но и народ как таковой: провозглашает обязательную ненависть к его культуре, обычаям, образу жизни и мировоззрению. На уровне практической политики он выражается в подо-

зрении к собственной власти, если она вступает в диалог со страной, настроенной враждебно, и недоверии к соотечественникам, имеющим личные контакты с представителями другого государства. В истории последних трёх веков можно выделить, как минимум, два случая реализации шовинистического варианта анти-мягкой силы.

Первая — *императорская Япония*. С середины XVI в. японские власти наладили морскую торговлю с Португалией и Испанией и лояльно относились к проникновению в страну миссионеров-христиан. Тем не менее с 1603 г. титулом сёгуна овладели представители клана Токугава, негативно относившиеся к иностранцам и начавшие проводить политику самоизоляции — сакоку. Она предполагала введение запрета на вероисповедание любой иноземной религии и выезда японцев (под страхом смертной казни) из страны без разрешения правительства. В 1614 г. в Японии был введён запрет на исповедание христианства под страхом смертной казни; с 1636 г. иностранцы (португальцы, впоследствии голландцы) могли находиться только на искусственном островке Дэдзима в гавани Нагасаки. Новый режим внешней торговли Японии, введённый в 1641 году, разрешал только китайским и голландским судам два раза в год заходить на рейд порта Нагасаки.

Идеологической основой политики сакоку стало самовосприятие японского общества. Государственное мировоззрение Японии строилось на синтезе религиозных учений — синтоизма, конфуцианства, даосизма и буддизма. Последний Япония позаимствовала в VIII в. в китайском варианте Фасян с характерным для него конфуцианским этатизмом, что предполагало культ государства и власти императора (микадо) как основу идеологии. В синтоистском троекнижии «Кодзики», «Нихонги» и «Кудзики» было заложено обоснование права микадо на престол как потомка

солнечной богини Аматаэрасу [Елисеефф, Елисеефф 1974]. Японцы объявлялись потомками божеств — ками, у каждого клана имелся свой божественный прародитель. Эту концепцию осовременил историк Токугава Мицукуни (1628–1700), создавший исследовательский институт для написания «Великой истории Японии», которую он представил сёгуну в 1720 г. Идеология Мицукуни заложила основу государственного национализма (тэйкосюге), основой которого стал лозунг «Сонно дзёи» («Да здравствует император, долой варваров!») [Купянко, Арешидзе 2010: 193].

Иностранцы (гайдзин) в систему синто не вписывались, что обеспечило им изначально низкое положение в японском мировоззрении. В начале XIX в. японский мыслитель Хирата Ацутанэ, описывая голландцев, утверждал, что у них собачьи глаза, они носят каблуки ввиду отсутствия на ногах пяток и похотливы, как собаки⁵. Японская пресса с удивлением писала, что иностранцы не едят риса, но поглощают мясо, становясь дикими и агрессивными. Отношение к другим народам передавал японский эстамп около 1840 года. «Типы иностранцев: русский, рюкюсец, голландец, кореец и китаец»⁶. Художник свысока показывал соотечественникам, какие типы людей существовали за рубежом. В 1850-х годах, когда западные державы навязывали Японии неравноправные договоры, отношение к иностранцам выражал образ «Белая обезьяна у яшмовых ворот» [Гиля-Новицкая 1990: 6].

Любой иностранец, говорящий по-японски и интересующийся местной культурой, получал наименование «хэнна гайдзин» — странный иностранец. С точки зрения японского мировоззрения иностранцы были неспособны понять японскую культуру как изначально более высокую, в то время как японцы были способны изучить зарубежные культуры. Высшей честью для иностранца в Японии эпохи Эдо (1603–1867)

⁵ Родин С. Краткая история любви и ненависти к европейцам. Arzamas. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/723>

⁶ В настоящее время хранится в Гарвардском музее искусства.

было изображение их в образе японцев. Её удостоились, например, американский коммодор М. Пэрри и русский адмирал Е.В. Путятин, посетившие страну с военными миссиями в 1853–1855 гг.

Принудительное открытие Японии западными державами в 1850-х породило в местном обществе массовое негативное отношение к иностранцам [Симс 2001]. Русский путешественник Ф.П. Купчинский отмечал: «они как бы рады сбрасывать с себя европейские одежды и манеры... Любят вспоминать настроения старины в играх и самурайских маскарадах, в публичных национальных шествиях, празднествах, на которых единым духом слетает всё наносное, чуждое им, и живёт только дико весёлая пёстрая толпа азиатов, просыпается жаргон — быстрая крикливая простонародная сокращённая речь, — вспоминаются песни старины о подвигах самурайских воителей. И не любит европейцев такая толпа. Встречая их на улицах дикими криками, хохотом и отборной японской бранью, такая процессия даже небезопасна для европейца-прохожего, если последний не обладает инстинктивным тактом, выдержкой и хладнокровием...» [Купчинский 1911: 62]. Немецкий исследователь К. Ратген отмечал, что сразу после открытия Японии массы требовали изгнания иностранцев, защитником которых выступил микадо [Ратген 1903: 12].

Японская идеология отличалась от идейного наследия русских славянофилов XIX в. культом войны и внешней экспансии. Это мировоззрение восходило к кодексу «Бусидо» — своду правил поведения воина [Кодекс бусидо 2008]. Можно привести несколько показательных цитат из этой книги: «Истинная храбрость заключается в том, чтобы жить, когда правомерно жить, и умереть, когда правомерно умереть»; «На войне верность самурая проявляется в том, чтобы без страха идти на вражеские стрелы и копыя, жертвуя жизнью, если того требует долг»; «Если на войне самурая случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать своё имя и умереть с улыбкой

без унижительной поспешности»; «Самурай должен, прежде всего, постоянно помнить, что он может умереть в любой момент, и если такой момент настанет, то умереть самурай должен с честью. Вот его главное дело». Хотя сословие самураев было ликвидировано к 1877 году, на его моральный кодекс продолжали смотреть как на эталон для подражания.

Подобное мировоззрение отвергало слабость. Символичным стал указ императора Муцухито 1871 года, предписывавший всем чиновникам являться на службу не в кимоно, а в европейском костюме [Мещерякова 2009: 246 – 265]. Такое распоряжение обосновывалось тем, что японское одеяние ассоциировалось со слабостью. Пример поданным явил сам микадо на официальных портретах 1873 и 1888 годов, на которых он был изображён облачённым в мундир.

Показательна и эволюция представлений японского общества о Китае. До середины XIX в. значительная часть японской литературы была написана на китайском языке. Между тем в 1882 г. Фукузава Юкичи, один из наиболее влиятельных мыслителей своего времени, писал, что он «целиком завидует британцам и был восхищён их гнётom», будучи в Гонконге. Влиятельный журналист Такаяма Чогёу в 1899 г. утверждал: «Мы восхищены англосаксонским империализмом и надеемся, что наш империализм не отличается от их империализма» [Kitahara 1989]. Китай потерял привлекательность для японцев как слабая держава, которая не выстояла в ходе войн. Соответственно, в китайской культуре не было более ничего ценного.

Подобное мировоззрение обеспечило Японии мощную анти-мягкую силу. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) императорская власть использовала общественные настроения для выработки особой идеологии. Страна начала политику вестернизации, заимствуя западные достижения и политическую систему. Эти мероприятия были призваны увеличить военно-технические ресурсы Японии, в том числе — с целью территориальной экспансии. Усвоение западного (прежде всего — англосаксонского

наследия) успешно купировалось глубокой верой японского общества в изначальное превосходство своей страны над другими народами [Васильева 2002: 49–63]. Конечной целью усвоения зарубежных достижений считалось создание военного потенциала, способного в будущем разгромить европейские державы или, как минимум, подорвать их позиции на Тихом океане.

Транслятором этой идеологии стала японская система государственного образования. Его идеологическую основу составлял императорский рескрипт от 30 октября 1890 года, который зачитывался каждый день в школах страны: «Наши императорские предки создавали нашу империю на широком и прочном фундаменте беспримерной доблести; наших подданных всегда объединяла верность и сыновнее благочестие, красоту которых они демонстрировали из поколения в поколение. Именно в этом состоит слава непоколебимости нашей империи, и именно в этом источник нашего воспитания (...) если когда-нибудь возникнет опасность для государства, отважно вставайте на его защиту; и так оберегайте и поддерживайте благополучие нашего императорского трона, столь же древнего, как небо и земля. Тогда вы будете не только нашими добрыми и верными подданными, но и прославите наилучшие традиции наших предков. <...> Дорога, указанная здесь, несомненно, завещана нашими императорскими предками: ею должны следовать и их потомки, и их подданные, эта дорога — истина на все времена»⁷.

Иной вариант анти-мягкой силы был реализован в *императорской Германии*. Здесь в отличие от Японии она была не результатом традиционного мировоззрения, а конструировалась государственной политикой. Романтическая философия рубежа XVIII–XIX вв. разработала представления о германской культуре как об особой цивилизации, противостоящей «просветительской» Франции. «Германия сделала для идеологии консерватизма то,

что Франция сделала для Просвещения — использовала её до логического конца», — писал немецкий социолог К. Маннгейм [Маннгейм 1994: 578]. Немецкий философ И.Г. Фихте утвердил идею, что воля субъекта конструирует окружающий мир [Фихте 1993: 2–641]; другой философ, Г.В.Ф. Гегель, и вовсе утверждал, что лишь в германском мире «абсолютная идея» познала саму себя [Гегель 1993: 571]. В период революции 1848 г. австрийцы К.Л. фон Брук и Л. фон Штейн разработали концепцию «Срединной Европы» (*Mittel Europa*). Она апеллировала к опыту Священной Римской империи германской нации периода её расцвета (X–XIII веков), когда её правитель считался ведущим монархом Европы [Kann 1980: 88–96].

Германская империя, созданная в 1871 году, стала превращать эти настроения в государственную идеологию. Благоприятный политический фон сформировали быстрые победы Пруссии в трёх войнах с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870), резко усилившие патриотизм и культ армии. В такой атмосфере правительство О. фон Бисмарка (1862 – 1890) создало государственную систему образования, основанную на германском национализме. Важнейшим компонентом этого курса стала «Культурkampf» (*Kulturkampf* – «борьба за культуру») — политика по установлению государственного контроля над Римско-католической церковью. Имперское правительство упразднило Комитет Римско-католической церкви в прусском министерстве культуры, лишило священников права высказываться на политические темы, запретило деятельность Иезуитского ордена и разорвало дипломатические отношения со Святым Престолом. В 1873 г. рейхстаг принял «майские законы», установившие контроль государства над школами, назначениями на церковные должности, отношениями между духовенством и паствой. В 1875 г. в Германии был объявлен обязательным гражданский брак.

⁷ Imperial Rescript on Education. 1890. [Electronic source]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Imperial_Rescript_on_Education

«Культуркампф» позволила взять под государственный контроль систему школьного образования и отстранить от неё Католическую церковь как силу, проповедовавшую космополитические ценности.

Противовесом космополитизму стала концепция пангерманизма: идеология, призывавшая превратить Германию в «большое пространство» за счёт присоединения к ней всех германоязычных территорий [Chiskering 1984]. Как политическое движение пангерманизм зародился в начале 1880-х годов в Австро-Венгрии. В её австрийской части усиливались настроения в пользу отделения немецких земель от Венгрии и присоединения к Германской империи. К концу XIX в. множество народных кружков «ферайнов» (нем. *Verein*) действовали в провинциях и в Вене. В 1886 г. в Зальцбурге Антон Ланггасснер основал Союз ферайнов (*Germanenbund*). В 1890 г. во Франкфурте-на-Майне был создан Пангерманский союз (с 1894 года — Всегерманский союз), почетным членом которого стал и вышедший в отставку канцлер О. фон Бисмарк. Целями движения были объявлены оживление патриотического сознания, поддержка немецких интересов за рубежом, содействие энергичной германской политике и колониальной экспансии.

Идеология пангерманизма приобретала при этом высокую эстетизацию. Германское руководство сразу оценило потенциал композитора Рихарда Вагнера (1813–1883). Под покровительством короля Баварии Людвига II (1864–1886) в городе Байройте (Бавария) в 1876 г. прошёл первый вагнеровский фестиваль в специально построенном театре, на котором состоялась премьера полного цикла «Кольцо Нибелунга» [Buchner 2013]. На следующем Байройтском (Вагнеровском) фестивале 1882 г. состоялась премьера «Парцифалья». С этого времени до 1936 года (с перерывом в 1914–1924 годах) Байройтский фестиваль проводился раз в год или раз в два года [Акопян 2010: 52]. Позднее, в Третьем рейхе, он был официальным мероприятием. Значимую роль в этом сыграла невестка композитора — Винифред Вагнер (1897–1980), став-

шая членом НСДАП и другом Гитлера [Stunz 2007: 237–268]. *Музыкально-мистические произведения Вагнера были превращены не просто в государственную идеологию Германии, но и в сконструированное германским обществом представление о своём прошлом.*

Символом немецкой анти-мягкой силы выступил знаменитый замок Нойшванштайн (*Schloss Neuschwanstein* — «Новый лебединый утёс»). Он был построен в 1886 г. баварским королём Людвигом II около городка Фюссен (юго-западная Бавария). Настенные полотна иллюстрируют мотивы из средневековой легенды о Парцифале, вдохновившей Вагнера к созданию оперы с одноимённым названием [Petzet, Bunz 1995: 46–123]. В интерьере замка важную роль играли также иллюстрации к другим произведениям композитора и старинным германским легендам. В Третьем рейхе начиная с 1933 года, то есть пятидесятой годовщины со дня смерти Р. Вагнера, и вплоть до начала войны в 1939 г. в замке проводились праздничные вагнеровские концерты.

Другим направлением эстетизации пангерманизма стал культ античности. В конце XIX в. под влиянием Рихарда Вагнера и английского философа-германофила Хьюстона Стюарта Чемберлена Европу накрыла волна ариософии: паранаучных теорий об «арийской расе» и поиске мистической «прародины арийцев» [Goodrick-Clarke 1985]. В Германии увлечения ей накладывалось на колоссальное развитие антиковедения. Ещё немецкий историк Якоб Фальмерайер (1790–1861) выдвинул концепцию, что современные греки — это эллинизированные славяне, не имеющие отношения к античным эллинам. Его точка зрения была популярна в немецкой исторической науке: «Не только северная часть [Балкан. — А.Ф.] становится совершенно славянской, но и в Греции поселяются вторгающиеся славянские орды; они не были, правда, настолько многочисленны, чтобы уничтожить... потомков древних эллинов и создать славянскую Грецию, но сильная примесь славянской крови являет-

ся вполне доказанной» [История человечества... 1896: 47–49]. Ещё более жёсткую точку зрения высказывал немецкий историк Фердинанд Грегоровиус (1821–1891): «Ввиду подобных свидетельств со стороны византийцев, ославянение древнегреческих земель следует принять за исторический факт» [Грегоровиус 1900: 54–55]. Немецкие историки разработали концепцию, согласно которой древние эллины были особым вымершим этносом, родственным германцам. «Северные народы» создали на Балканах, как утверждали они, почти идеальные «арийские государства»: ахейскую Грецию, Спарту, Фивы, империю Александра Македонского [Strohm 1997].

Приватизация античности позволяла решить важную политическую задачу. Наследницей Священной Римской империи была держава Габсбургов. Пруссия объединила германские земли, которые до этого не были центром имперского строительства⁸. «Ариософия» позволяла подключить к немецкой истории не только «цивилизацию готов», но также античную Грецию (включая Микенскую культуру II тыс. до нашей эры), а затем и Древнюю Индию. Германская империя получала необходимую легитимизацию за счёт искусственного удревления своей истории на четыре тысячи лет. С точки зрения анти-мягкой силы это был сильный ход: она избавлялась от комплекса неполноценности по отношению к другим ведущим державам (Британской, Российской, Австро-Венгерской) и приобретала комплекс превосходства.

Огосударствление культа античности состоялось в Германии в 1886 году, когда инженер-археолог К. Хуман доставил в Берлин из Османской империи (современная Турция) почти весь Пергамский алтарь. Юбилейная выставка Берлинской академии художеств, проходившая в мае – июне 1886 года, показывала археологические достижения из Олимпии и Пергама [Vickers 1985: 516–519]. Демонстрировалась копия пергамского храма, представлявшая собой

выполненный в натуральную величину западный фасад алтарного цоколя с копиями избранных фрагментов фриза, в том числе группы Зевса и Афины. На выставке также была представлена модель города Пергама II в. до н.э. Фрески Пергамского алтаря, изображавшие победу богов Олимпа в битве с титанами, хорошо вписывались в дух Германской империи с её идеологией нетерпимости к слабости. Здание Музея Пергамского алтаря, построенное в Берлине по проекту А. Месселя в 1912–1930 годах, стало гигантской копией его фасада.

Позднее, в Третьем рейхе, визуальный культ античных образов стал основой массовой пропаганды. Фильм «Олимпия» о берлинской Олимпиаде 1936 г. начинался с медленного оживления статуи древнегреческого атлета, которая превращалась в немецкого спортсмена. Архитектор В. Крайс выбрал Пергамский алтарь как прообраз для Солдатского зала в здании Верховного командования сухопутных войск в Берлине, а также для нереализованного проекта памятника погибшим воинам у подножия греческого Олимпа. Официальные скульпторы Третьего рейха Й. Торак и А. Брекер создали по «пергамской модели» статуи идеальных типажей арийского мужчины и женщины («Суд Париса», «Десятиборец», «Геракл и Иола»).

С середины 1870-х годов культ античной Греции стал неотъемлемой чертой немецкого школьного образования. Дети изучали естественное превосходство эллинов над варварами, культ силы и культ гения, для которого неважно превосходство варваров в материальных ресурсах. Троянская война (XIII в. до нашей эры) и греко-персидские войны (V в. до нашей эры) подавались как символы превосходства арийского духа над другими цивилизациями. Это мировоззрение было близко немецкой стратегической культуре, сформированной ещё в начале XIX столетия военным мыслителем Карлом фон Клаузевицем. Именно он рассматривал войну как «акт насилия, имеющий

⁸ Не случайно, что в немецком языке все германские земли именуются “land”, и только Австрия словом “Reich”, «империя» — Österreich.

целью заставить противника выполнить нашу волю», то есть как торжество воли субъекта (Я) над объективным миром (Не-Я). «Военный гений обуславливается своеобразным направлением духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений», — писал Клаузевиц⁹. В рамках его теории страна с малыми ресурсами могла нанести поражение стране с большим военным бюджетом, населением и экономикой за счёт правильно выбранной стратегии, то есть наличия выдающегося полководца.

Идеология пангерманизма и ариософия перепрограммировали немецкий идеологический дискурс с социального противостояния на идею «строительства империи»: идеологию, постулирующую, что немцам ещё предстоит создать свою империю. У немецкой интеллигенции, в отличие от русской, в то время не была популярной концепция прогресса. Она видела мир как набор дискретных культур, у каждой из которых свой путь и своё восприятие времени [Алленов 2003]. Немецкая школа геополитики, основанная в середине XIX в. Г. Рюккертом и П.А. де Лагардом, рассматривала историю как перманентную борьбу государств за территории, ресурсы и статус. Немецкий философ Ф. Ницше, кумир поколения рубежа веков, возродил популярную в восточной философии концепцию «вечного возвращения»: человечество обречено проходить по своеобразному кругу один и те же ситуации. «У “человечества” нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей». «“Человечество” — пустое слово», — развивал его мысль известный историк О. Шпенглер [Шпенглер 1993: 151]. Между

тем если в мире существует только национальное, то нет и не может быть сравнения одних культур с другими. Германская мысль того времени в отличие от русской отказывала Западу (Великобритании и Франции) в праве быть эталоном прогресса. На него смотрели скорее как на досадную помеху на пути к восхождению германской культуры, которую в идеале следует устранить.

В Германии (особенно прирейнской) существовала и либеральная традиция, однако она была придавлена прусским интеллектуальным дискурсом. Критерием оценки эффективности государства становилась его способность выигрывать войны. Такая интеллектуальная атмосфера делала немецкое общество малоуязвимым для иностранной пропаганды. Последняя могла действовать на советского интеллигента брежневской эпохи, доказывая ему, что уровень жизни (а также политические свободы) на Западе выше, чем в его стране. Немецкая интеллигенция начала XX в. была настроена иначе. «Мир принадлежит герою, а не торговцу», — писал Артур Мёллер ван ден Брук в 1906 г. Макс Шелер издал в 1915 г. книгу «Гений войны и немецкая война». «Мы — Божий народ. Как немецкая птица — орёл — летит выше всякой твари земной, так и немец вправе чувствовать себя превыше всех окружающих его народов и взирать на них с безграничной высоты...» — писал Вернер Зомбарт. — Милитаризм — вот проявление немецкого героизма. Это Потсдам и Веймар в их высшем синтезе. Это «Фауст» и «Заратустра» и бетховенская партитура в окопах». «Народ “в хорошей форме” — это изначально воинство, глубоко прочувствованный внутренним образом общность способных носить оружие», — развивал его мысль Освальд Шпенглер¹⁰. Не Гитлер, а А. Мёллер ван ден Брук предложил делить историю Германии на «Рейхи»: Первый (Священная Римская империя X–XIII веков), Второй (кайзеровский 1871–1918) и Третий (будущий).

⁹ Клаузевиц К. О войне. М.: Госвоениздат, 1934. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/01.html>

¹⁰ Приведённые цитаты взяты из статьи: [Свасьян 1993: 106–107].

Итоги немецкой политики в области анти-мягкой силы подвёл русский философ Н.А. Бердяев. Описывая немецкое общество времён Первой мировой войны в статье «Религия германизма», он указывал: «Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организованно и дисциплинированно» [Бердяев 2007: 174]. Ему вторила британский историк Барбара Такман: «Изобилуя энергией и честолюбием, сознавая свою силу, впитав идеи Ницше и Трейчке, эта нация считала себя наделённой правом господствовать и в то же время обманутой, потому что остальной мир отказывался признать это право»¹¹. С её мнением перекликается точка зрения видного немецкого историка Эрнста Нольте, что нацисты не создали принципиально новой идеологии: они просто придали массовый характер элитарным проектам Второго рейха [Nolte 2006].

Можно спорить о том, насколько точно Н. Бердяев и Б. Такман описали Германию того времени, но сложно не согласиться с тем, что перед нами — описание культуры, непроницаемой для воздействия чужой мягкой силы. Её можно сокрушить войной, но ей нельзя «понравиться примером». Тем не менее шовинизм как анти-мягкая сила имеет ограничения:

- неспособность долго существовать в мире: его негативная энергия неизбежно потребует выхода в виде войны;

- невозможность проецировать свою мягкую силу: у соседних народов шовинистическая культура может вызывать только отторжение и ненависть;

- возможность построения «манипулятивных шовинизмов» в малых и средних странах посредством информационных технологий.

Последний случай хорошо демонстрирует опыт «цветных революций» начала

XXI в. Главными лозунгами переворотов в Грузии (2003) и на Украине (2014) были крайний национализм — вражда по отношению к национальным меньшинствам и России. Это означает, что великие державы с помощью имеющихся технологий могут выращивать шовинизм малых и средних стран, натравливая его на стратегических конкурентов. Подобный «манипулятивный шовинизм» будет порождением чужой мягкой силы и может быть использован ей в своих интересах.

4

Другой вариант анти-мягкой силы — создание позитивного идеологического проекта, альтернативного иностранному воздействию. Его суть состоит в том, чтобы противопоставить чужой мягкой силе свою идеологию. Такой вариант сложнее простого шовинизма. Альтернативный проект должен давать всеобъемлющее объяснение настоящему и предлагать позитивную историческую перспективу. По логике: «пусть мы живём хуже, но зато мы строим новое общество, и будущее за нами, а не за нашими врагами».

Пионером создания альтернативного проекта защиты от чужой мягкой силы можно считать *Великобританию*. Её длительная борьба с Францией в XVIII — начале XIX в. носила не только военный, но и культурно-идеологический характер. Французская революция под влиянием Просвещения апеллировала к образцам классической античной культуры — республиканским Афинам и Риму. Стиль державы Наполеона Бонапарта — ампи́р — строился на подражании образцам ранней Римской империи. Великобритания, в противовес Франции, начала создавать культуру романтизма, основанную на культе европейского Средневековья. Французским ценностям рационализма она противопоставляла идеи христианства и национальные традиции развития страны. Британский культ Средневековья получил практическое воплоще-

¹¹ Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/tuchman/01.html>

ние в виде исторического романа как литературного жанра, возрождения архитектуры средневековых замков как прообраза жилых и административных зданий и концепции английского парка как заброшенного романтического сада с псевдосредневековыми руинами.

В результате Великобритания стала практически единственной страной Европы, элита которой избежала общего увлечения французским языком, культурой и идеями французского Просвещения. Британское влияние шагнуло на континент, став прибежищем для всех недовольных французской гегемонией¹². После окончания Наполеоновских войн в 1815 г. Европу на полвека и вовсе охватила «эпоха романтизма», то есть увлечения британской культурой. Для неё были характерны (1) представления о самоценности творческого индивида; (2) культ сильной личности и рыцарской культуры европейского Средневековья. Британская анти-мягкая сила превратилась в мощную мягкую силу Лондона, которая позволяла укреплять его влияние на элиты континентальной Европы.

Похожий путь проделала анти-мягкая сила США. Историк А. Шлезингер-мл. доказал, что в основе американской политической культуры лежало мировоззрение переселенцев-пуритан, которые после Английской революции середины XVII столетия отправились за океан с идеей построения «Града на холме» — общества, создаваемого «с чистого листа» на основе единственно верного учения [Шлезингер 1992: 15–40]. Их преемниками стали «отцы-основатели» США в конце XVIII века, которые позиционировали создаваемую страну как мессианское государство свободы — возрождение Древнего Рима¹³. При вступлении в должность президента Дж. Вашингтон так определил предназначение Америки: «Сохранение священного огня

свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Ему вторил А. Гамильтон: «Американцы имеют возможность своим поведением и примером решить важный вопрос: действительно ли человеческие сообщества способны устанавливать хорошее правление, опираясь на свои рассуждения и свободу выбора, или же им навсегда суждено в деле своего политического устройства зависеть от случайностей и силы?» (цит. по: [Шлезингер 1992: 26]).

Отсюда проистекает важная черта американского мировоззрения, делающая американцев малоуязвимыми для чужой мягкой силы — подчёркнутая внеисторичность. «Сегодня, несмотря на все меры по сохранению исторических памятников и многочисленные празднования юбилеев по рецептам шоу-бизнеса, мы в основе своей стали в том, что касается интереса и познаний, народом без истории, — писал тот же А. Шлезингер. — Бизнесмены согласны с Генри Фордом-ст., что история — это чепуха. Молодёжь больше не изучает историю. К ней поворачиваются спиной учёные, весь энтузиазм которых сосредоточен на отрицающих историю бихевиористских “науках”. По мере ослабления исторического самосознания американцев в образующийся вакуум хлынула “мессианская надежда”». Американцам кажется, что каждый их шаг — единственный и не имеющий аналогов в истории, и всё, что они делают, происходит в первый раз [Almond 1950: 29–68]. Едва ли случайно, что именно в США появилась концепция «конца истории», постулирующая, что либеральная цивилизация ликвидирует все противоречия.

С конца XIX в. американский мессианизм стал выходить на международную арену. В послании конгрессу 2 декабря

¹² Можно вспомнить Английский парк в Мюнхене, «парковое королевство» Дессау-Вёрлитц в Саксонии, парки в Гатчине и Павловске под Санкт-Петербургом или Воронцовский парк в Алушке.

¹³ Вовсе не случайно, что в Вашингтоне есть свой Капитолийский холм, на котором — как когда-то в Риме — заседает свой, американский Сенат.

1904 г. президент Теодор Рузвельт заявил: «...бывает мир, которого мы не можем желать, который в долгосрочной перспективе разрушителен не менее, чем война... Мир деспотического террора, мир, в котором притесняются слабые, мир несправедливости должен быть отвергнут, как мы отвергаем несправедливую войну». «Америка единственная идеалистическая нация в мире, — заявил президент Вудро Вильсон в 1919 году, — Сердце этого народа чистое. Сердце этого народа верное... Это великая идеалистическая сила в истории... Я, например, верю в судьбу Соединённых Штатов глубже, чем в любое иное из дел человеческих. Я верю, что она содержит в себе духовную энергию, которую ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества...» (цит. по: [Шлезингер 1992: 23]).

На первый взгляд идея свободы, приватизированная американцами, стала основой их мягкой силы. Вместе с тем в ней заложен и потенциал анти-мягкой силы как самозащитного механизма. «Американцам трудно понять, почему другие страны не хотят скопировать практики и институты, доказавшие своё преимущество в США... — писал об этом российский политолог А.Д. Богатуров. — Стремление “обратить в демократию” против воли обращаемых (в Ираке и Афганистане) — болезненная черта американского мировосприятия. Ирония по этому поводу вызывает в Америке недоумение или холодную отстранённость» [Богатуров 2004]. Российскому политологу, хотя и в более мягкой форме, вторит британский исследователь Анатоль Ливен: «Тех, кто приезжает в Соединённые Штаты, зачастую поражают эти назойливые внешние проявления и изобилие символов осознанного национализма. Детей учат отдавать честь государственному флагу, а граждане, стремящиеся продемонстрировать свой патриотизм, вывешивают национальный флаг над своим домом. Слово “американский”

произносится с таким пафосом, что сразу же становится ясно: “американский” гражданин, или обычай, или какой-либо институт обладает широким набором исключительно положительных качеств. Выражение “типичный американский парень” приобрело уже иронический оттенок, но тем не менее большинство американских родителей страстно желают видеть своих сыновей именно такими» [Ливен 2015: 23–24]. *Вера американцев, что их страна выступает «незаменимой» для человечества, сделала сами США малоуязвимыми для чужой мягкой силы.*

Поздний СССР не смог защититься от американского идеологического влияния. Изначально Советская Россия обладала мощной мягкой силой: после создания в 1919 г. Коминтерна она выступала глобальной левой альтернативой создающемуся Версальско-Вашингтонскому порядку. Прошедший летом 1920 г. II конгресс Коминтерна принял Устав, который определил его как «партию революционного восстания международного пролетариата»¹⁴. Был создан отдел международных связей Коминтерна, призванный повысить координацию действий коммунистических партий — по сути спецслужба. В Советской России стали открываться представительства зарубежных компартий, учебные центры Коминтерна, где готовились кадры профессиональных революционеров из числа иностранных граждан для работы в соответствующих странах. Выдвинутый И.В. Сталиным в 1924 г. тезис о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране» первоначально не отвергал, а лишь подтверждал эту стратегию: речь шла о построении альтернативы всем существовавшим на тот момент государствам.

Сильной стороной советской мягкой силы была её антиколониальная направленность. На II конгрессе Коминтерна В.И. Ленин подготовил тезисы, в которых предложил воспользоваться позицией стран Антанты и Лиги Наций по колони-

¹⁴ Устав Коммунистического Интернационала. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agitclub.ru/front/com/congress022.htm>

альному вопросу¹⁵. Коминтерн, по его мнению, должен был сблизить трудящихся всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение капитализма. В сентябре 1920 г. под эгидой ассоциации в Баку состоялся I съезд народов Востока, на котором председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев определил российско-британское противостояние «узловым пунктом» современности — противоборство возникающей мировой коммунистической системы (пока в лице Советской России) с планетарной капиталистической (в образе Великобритании). Эти положения закрепил принятый делегатами съезда «Манифест к народам Востока» [Соркин 1961]. Для реализации провозглашённых на съезде задач был образован Совет пропаганды и действия народов Востока. Успех советской мягкой силы был настолько велик, что страны Запада приняли ряд законов об ограничении деятельности Коминтерна.

Однако попытки СССР предпринять комплекс защитных мер против американской (шире — западной) мягкой силы в годы «холодной войны» оказались неудачными. Меры информационного противодействия, используемые Советским Союзом (прежде всего — ограничение западного вещания на своей территории), во многом осуществлялись по американской модели. В 1960 г. ЦК КПСС и Верховный Совет СССР приняли постановление «О мерах активного противодействия враждебной радиопропаганде»¹⁶. Радиоприёмники и магнитолы, завозимые в страну официально, были выпущены специально для СССР и имели только советские КВ и УКВ диапазоны. Дальнее распространение радиоволн короче 20–25 метров нестабильно — приём заметно ухудшается ночью, особен-

но зимой, и сильнее зависит от солнечной активности, чем на более длинных волнах.

Дело было не только в том, что для опытного радиолюбителя не составляло труда перестроить приёмник на другие диапазоны. О неспособности советской антимягкой силы противостоять американской пропаганде свидетельствовала озвученная в 1987 г. инструкция для «Радио свободы». Её сотрудникам запрещалось (1) подстрекать или провоцировать свою аудиторию к бегству из стран проживания в западные страны; (2) озвучивать факты о быте сбежавших из соцстран на новом месте жительства и озвучивать информацию, которая может вызвать у аудитории потребительские настроения; (3) рассказывать о конкретных обстоятельствах предоставления политического убежища ранее сбежавшим гражданам соцстран¹⁷. Это означало, что тема эмиграции интересовала значительный сегмент граждан социалистических стран. Запад не воспринимался ими ни как реальный враг, ни как объект для экспансии, ни просто как неинтересное пространство.

Перемену в настроениях «довоенного» и «послевоенного» социализма уловил писатель В. Войнович. «Давно прошли те счастливые для советской пропаганды времена, когда массы народа откликались на противоречивые призывы партии, с энтузиазмом строили заводы в Сибири или “защищали” свободу в Испании, на демонстрациях восторженно размахивали флагами и портретами вождей, сходили с ума от счастья, если удавалось увидеть хотя бы издаലെка Ленина, Троцкого или Сталина, прикалывали к груди красные банты и давали своим детям революционные имена. (...) Теперь советский молодой и не очень молодой человек с душевным волнением произно-

¹⁵ Ленин В.И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 41. С. 141–212. [Электронный ресурс]. URL: <https://leninism.su/works/80-tom-41/1211-tezisy-ko-ii-kongressu-kommunisticheskogo-internatsionala.html>

¹⁶ Пыжиков А. Как в СССР впервые услышали «вражеский голос» из-за океана // Аргументы недели. 24 февраля 2015. [Электронный ресурс]: <https://argumenti.ru/history/2015/02/389855>

¹⁷ Voice of America and Liberty: Strange Policies. // Hearings on Federal Government's Handling of Soviet and Communist Bloc Defectors before the United States Senate Permanent Subcommittee on Investigations, Washington, D.C., October 8, 1987. P. 6 (406).

сят не революционные лозунги, а названия разных западных фирм и вещей. Слова “Честерфильд”, “Панасоник” или “Мерседес” говорят его сердцу гораздо больше, чем “Свобода, равенство и братство”. Иностранная одежда предпочитается не только благодаря её истинным достоинствам. Стоимость джинсов резко возрастает в цене, если на заднем кармане есть заметная этикетка с надписью “Мустанг” или “Ли”, и резко падает, если такой этикетки нет»¹⁸.

Любопытная деталь: в годы «холодной войны» КГБ требовал от выезжавших за рубеж советских граждан вступать как можно реже в контакты с иностранцами. В 1920-х годах, напротив, преобладал подход «вступайте за границей в дискуссии с иностранцами и побеждайте в них!». (Отсюда вырос знаменитый призыв В.В. Маяковского: «Читайте, завидуйте: я — гражданин Советского Союза!») В первом случае господствовала пассивная оборона; во втором — активное наступление. Неудивительно, что в годы «холодной войны» СССР глушил западные радиоголоса, а до Второй мировой войны — Запад (включая США) глушил радиостанции Коминтерна.

Негативным моментом в развитии социалистической идеологии стал подрыв веры в советский проект самих его носителей после XX съезда КПСС (1956). Здесь уместно процитировать советского писателя А.Н. Рыбакова, который в романе «Дети Арбата», характеризуя граждан СССР начала 1930-х годов, подчёркивал: «Они могли спорить, ссориться, но были непоколебимы в том, что составляло смысл их жизни: марксизм — идеология их класса, мировая революция — конечная цель их борьбы, Советское государство — несокрушимый бастион международного пролетариата (...) Их сердца наполнялись гордостью. Вот она, их страна, ударная бригада мирового пролетариата, оплот грядущей мировой революции. Да, они живут по карточкам, от-

казывают себе во всём, зато они строят новый мир»¹⁹. Потеря веры в строительство нового мира позволила США навязать советским гражданам иной дискурс: сравнение своих материальных успехов с достижениями СССР.

Другой причиной слабости советской анти-мягкой силы стало появление большого числа латентно антикоммунистических государств. Социализм крепко утвердился в странах, где он был самостоятельно установлен: СССР, Китай, КНДР, Куба, Югославия. Он очень плохо приживался в странах Восточной Европы, где население считало его навязанным извне. В первом случае народы считали социализм «своим»; во втором — «чужим». Массовые антисоветские выступления в Восточной Европе 1956 г. продемонстрировали Москве всю ненадёжность союзников по Варшавскому договору. С этого времени СССР заключил с ними своеобразную сделку: «Стройте свой социализм в ответ на внешнюю лояльность». Неудача советского опыта в этих странах сама по себе порождала сомнения у граждан СССР в перспективах социалистического проекта. В не меньшей степени их стимулировали успехи социал-демократии в ряде европейских стран вроде Швеции, Норвегии и Австрии. Они демонстрировали, что можно строить более успешный (по крайней мере, с точки зрения товарного насыщения рынка) социализм без КПСС.

США в 1960-х годах перехватили у СССР его традиционный проект: борьбу за освобождение всевозможных меньшинств. Американской мягкой силой стала не столько идея величия Соединённых Штатов, сколько предложение молодёжи левоберальной идеологии через коммерческую масскультуру. Произошло то, о чём писал российский искусствовед Александр Генис: «С тех пор как внешнее вытеснило внутреннее и мир надел джинсы, у коммунизма не осталось шансов» [Генис 1994].

¹⁸ Войнович В. Антисоветский Советский Союз. М.: Материк, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=29755&p=9>

¹⁹ Рыбаков А.Н. Дети Арбата. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=34985&p=7>

Возникает проблема сохранения позитивной привлекательности не разово, а на долговременную перспективу. Тем не менее найти анти-мягкую силу сложнее, чем средства мягкой силы. Американский молодёжный проект оказался удачным, поскольку предполагал:

- высокий уровень личной свободы (отсутствие авторитетов);
- низкий уровень требований к респонденту (главное не победа, а участие);
- возможность ведения расслабленного образа жизни, прежде всего – в период получения образования (главное – получить опыт и компетенции).

Победе американской идеологии над анти-мягкой силой СССР способствовало раскрепощение советского общества на фоне дискредитированной после XX съезда государственной идеологии. Появление «системного диссидентства» вроде КВН или кружков «золотой молодёжи» неизбежно снижало репрессивный потенциал системы без предложения позитива. В 1930-х годах на Западе не было «альтернативной» СССР культуры: и большевики, и капиталисты были людьми единой классической культуры, упакованной в пиджаки, классические платья, слушавшими одну и ту же музыку и лишёнными современных представлений о толерантности. Теперь идея «свободного Запада» получила зримое воплощение в виде «запрещённой рок-культуры».

Параллельно в советских фильмах 1970-х годов (вроде кинолент Э. Рязанова или Г. Данелии) формировался культ слабых и неволевых мужчин. Позднесоветский интеллигент, старавшийся уйти от традиционных форм маскулинности вроде службы в армии, был не прочь посидеть у телевизора, пока жена гладит бельё и ругает его за безделье. Для «старых большевиков» 1920-х годов (равно, как и для «старых солдат» Э.М. Ремарка или Э. Хемингуэя) трудно было представить большее унижение. Тип героической личности отбрасывался в советских фильмах в далёкое прошлое Октябрьской революции и Великой Отечественной войны. *Американский леволибе-*

ральный проект попал в позднем СССР на благодатную почву, что сделало мягкую силу США весьма эффективной.

Для нейтрализации последней СССР требовалось предложить такую альтернативу, которая была бы способна привлекательность западной модели превзойти, что само по себе задача сложная. Разумеется, теоретически контрпроект можно было найти – например, за счёт героизации облика участников локальных конфликтов, которые из раза в раз беспощадно побеждали бы в трудных боях детей масскульта. Тем не менее такой вариант требовал от позднесоветского общества потенциала мобилизации, которого оно с 1960-х годов уже не имело.

Альтернативный идеологический проект анти-мягкой силы сложнее шовинизма. Он должен транслировать позитивные и доступные образы, а не только культивировать ненависть. В противном случае он лишается своей привлекательности. Альтернативный проект также не должен знать крупных неудач, которые привели бы к переоценке ценностей его участниками. Противостоять мягкой силе с помощью альтернативной идеологии вполне можно. Тем не менее это потребует создания идеологии с мощным энергетическим потенциалом, её принятия населением и наличия элиты, готовой её распространять. Иначе говоря – мобилизации, причём как технической, так и духовной.

5

В современном мире жёсткие формы анти-мягкой силы не используются. Попытки противодействия мягкой силе перешли в область частичных информационных ограничений. Здесь есть ряд интересных примеров, которые в совокупности начинают формировать новый тип – анти-мягкой силы как политики культурных барьеров.

Её родоначальником можно считать *Францию*. Идеология голлизма, направленная на сохранение культурной идентичности страны, предполагала проведение мер защиты собственного языка от иностран-

ного влияния. Они получили название политики лингвистического дирижизма. Ещё 7 января 1972 г. был принят закон «Об обогащении французского языка», который ввёл для обязательного употребления термины в ряде отраслей, призванные заменить английские заимствования. 31 декабря 1975 г. президент Франции Валери Жискар д'Эстен (1974–1981) подписал закон о защите французского языка от вторжения английского и любого другого языка, а значит, и чужой культуры. Он касался гарантий языкового статуса в коммерческих и некоторых других сферах во Франции. Запрещалось использование иноязычных терминов, если имелись французские аналоги. В общественных местах и на транспорте все вывески должны были быть на французском языке, и лишь в случае необходимости они могли дублироваться на иностранном. В 1977 г. была организована ассоциация AGULF, наблюдающая за претворением в жизнь закона 1975 года. Созданный в 1984 г. Генеральный коммисариат французского языка предполагал ужесточить санкции за нарушение закона 1975 года, расширить создание терминологических систем, а также стимулировать переводческую работу с тем, чтобы французский язык имел необходимые средства для отображения современного мира.

4 августа 1994 г. был принят «Закон Тубона» (Закон 94-665 от 4 августа 1994 г. касательно использования французского языка)²⁰, который закрепил статус французского языка как основного официального в документах правительства, на рабочем месте, в вывесках и маркировках товаров, коммерческих договорах, деловом общении и некоторых других областях. Автором нормативного акта стал консервативный министр культуры Жак Тубон. Важнейшим требованием законодательства стал обязательный поиск французского эквивалента любому английскому термину и использование последнего только при необходимости. При этом действие

закона не распространяется на сетевые и электронные средства информации, частные и некоммерческие структуры.

Языковое законодательство было дополнено Декретом от 3 июля 1996 г. об обогащении французского языка, составляющим юридическую основу для деятельности терминологических комиссий. На основе данного документа Французская Академия ежегодно утверждает новые лексические нормативы, хотя её решения носят рекомендательный характер. Французские толковые словари должны предлагать заимствованному (преимущественно английскому) термину эквивалент, с пометой *rec.offic.* «официально рекомендуемый», например: *joint-venture* — *coentreprise*; *voucher* — *bon d'échange*; *camping-car* — *autocaravane*. Такие попытки оказываются далеко не всегда удачными, поскольку нередко французские термины представляют собой сложные, многокомпонентные образования, эксплицирующие значение краткого и потому более удобного английского понятия (ср.: англ. *discount* и фр. *rabais sur un prix*).

Многие французские лингвисты встревожены не только нарастающим числом англицизмов, но и возникновением так называемых гибридных (смешанных) форм, имеющих в своём составе английскую и французскую основу. Например, *billet open* — билет с открытой датой, *surf aerien* — воздушный серфинг, а также возникновением смешанного языка, который получил название «франглийский» или «франгле» (*franglais*) [Deroy 1980: 12]. Сегодня франгле используется во Франции повсеместно: в живой речи, в Интернете, на телевидении, в печати, в музыке, в фильмах, в книгах. Особой популярностью он пользуется у молодёжи, тесно связанной с англоязычным культурным пространством. Подобные факты доказывают низкую результативность французской политики лингвистического дирижизма.

Компоненты политики языкового дирижизма использует *Польша*. Закон о поль-

²⁰ Loi n° 94-665 du 4 août 1994 (dite Loi Toubon. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Congress_of_the_Peoples_of_the_East

ском языке от 7 октября 1999 года²¹, предусматривает обязательность перевода международных соглашений на государственный язык, размещения надписей и информации в офисах и коммунальных службах на нём, а также обучения на польском языке в учебных заведениях всех уровней образования. Распространению польского языка, определению грамматических, орфографических, пунктуационных и других правил содействует созданный при Президиуме Польской академии наук Совет польского языка. При этом принятый 6 января 2005 г. Закон о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке²² подтвердил право граждан свободно использовать язык меньшинства в частной, общественной жизни.

В отличие от Франции *Иран* пошёл на более жёсткие меры по защите своего культурного пространства. Для этой страны, находящейся с начала 1980-х годов в противостоянии с США, Израилем и блоком нефтяных монархий, возглавляемым Саудовской Аравией, необходимость обеспечения информационной безопасности — одна из приоритетных задач. До начала 2010-х годов английский язык изучали в большинстве школ с шестого класса в качестве обязательного предмета, на него выделяли четыре урока в неделю. Позже его стали преподавать с первого класса начальной школы. В 2012 г. в государстве прошла реформа образования, одной из целей которой ставилось расширение преподавания иностранных языков в Исламской республике. Однако в 2016 г. аятолла Хаменеи выразил недовольство растущей популярностью курсов английского в иранских детских садах. «Моя позиция вовсе

не означает, что [я] вообще против изучения иностранных языков, однако рост популярности этих курсов является популяризацией иностранной культуры в нашей стране среди детей, а также молодых людей», — сказал он. Хаменеи подчеркнул, что в наши дни «колониалисты вместо того, чтобы заселять территории чужих стран, избрали более надёжный и дешёвый способ колонизации — внедрение образа мысли и культуры в головы представителей молодого поколения других государств»²³. В 2018 г. власти Ирана решили вывести изучение английского языка из программы начальной школы.

В укреплении анти-мягкой силы Иран делает ставку на информационное и киберпротивоборство. Функции пропаганды и контрпропаганды возложены на Министерство культуры и исламской ориентации (МКИО) и подчинённую ему Организацию культуры и исламских связей (ОКИС). В сентябре 2002 г. иранское ведомство приняло решение, согласно которому услуги по предоставлению доступа в Интернет могут оказывать только государственные телекоммуникационные компании. Провайдером разрешается предоставлять доступ в Интернет только через государственную телекоммуникационную сеть. Решением парламента в апреле 2003 г. в Иране был создан Высший совет по информационным технологиям и информационной политике²⁴. Главными его задачами стали выработка концепции информационной политики государства, подготовка концепции формирования информационного общества в Иране.

В марте 2012 г. был создан Верховный совет по киберпространству, определяю-

²¹ Закон Республики Польша от 07.10.1999 о польском языке. [Электронный ресурс]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/10/19/zakon_respubliki_polsha_ot_07101999_o_polskom_yazyke

²² Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [Zasób elektroniczny] / Sejm. — Dostęp. [Электронный ресурс] URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU200501701411>

²³ «Иран сейчас как СССР в начале 80-х» // Газета.ру. 11 января 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2018/01/10/11604386.shtml?updated_

²⁴ Сурков В.Н. Проблема информационной безопасности в Исламской Республике Иран // Институт Ближнего Востока. 14 мая 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3636>

щий и координирующий государственную политику в сфере кибербезопасности. Этот орган, который возглавляет президент Ирана, формируется из руководителей ключевых госструктур и ведомств — меджлиса (парламента), Корпуса стражей исламской революции, Министерства разведки, Министерства науки, исследований и технологий, Министерства культуры, Министерства связи и информации, полиции, судебной системы, государственных телерадиокоммуникационных компаний, научных организаций. Известно также о создании в структуре Верховного совета по киберпространству Центра национальной кибербезопасности Ирана.

Примеры Франции и Ирана нередко противопоставляются в публицистике как успешный (иранский) и малоуспешный (французский). При этом часто игнорируются три важных момента. *Во-первых*, Тегерану намного легче защищать свою культуру от «англицизмов» из-за различия алфавитов и принадлежности не только к разным даже типам языков: английский относится к аналитическим, персидский — к флективным. *Во-вторых*, Иран отвергает американское лидерство, в то время как Франция в целом его принимает. *В-третьих*, неизвестна и степень влияния «англицизмов» на современную молодёжную культуру Ирана. Английский язык сохраняет статус международного, и лингвистическая анти-мягкая сила пока обеспечивает лишь частичное ограничение его влияния. Вопрос заключается в том, как далеко смогут государства пойти в создании таких барьеров, какой сегмент национального культурного пространства им удастся вновь забрать у англоязычного поля.

6

В современном мире отсутствуют всеобъемлющие проекты анти-мягкой силы.

Возможно, это связано с отсутствием сильных ревизионистских режимов и преобладанием с конца 1980-х годов либеральной идеологии. В этих условиях появление искусственного интеллекта (ИИ) создаёт потенциал для возрождения проектов анти-мягкой силы на качественно новой основе.

Идея технической защиты своего информационного пространства от иностранного воздействия зародилась в США. Закон о радио 1912 г. запретил иностранцам владеть американскими радиостанциями²⁵; одноимённый акт 1927 г. ограничил участие иностранцев в американских радиостанциях 20% пакета акций и / или уставного капитала²⁶. Акт о регистрации иностранных агентов 1938 г. требовал, чтобы организации, представляющие в американской политике иностранные правительства, а также зарубежные физические и юридические лица раскрывали свои занятия и источники финансирования. Акт о регистрации находящихся под контролем иностранных государств организаций, осуществляющих политическую деятельность в США (Акт Вурхиса), 1940 г. регулировал деятельность организаций, связанных с международными или иностранными политическими структурами, или, согласно определению правительства США, «организаций, являющихся субъектами иностранного влияния»²⁷.

Период «холодной войны» был в этом смысле двойственным. Обе сверхдержавы внешне ограничивали проникновение идеологии противника. Вместе с тем общественное мнение и в СССР, и в США не принимало логику «осаждённой крепости», в отличие от межвоенного периода. Американцы ответили массовыми демонстрациями протеста на маккартизм 1950-х годов с его призывом повсюду искать коммунистических шпионов. Для советского общества пассивной формой протеста ста-

²⁵ An Act to Regulate Radio Communication" (37 Stat. 302) URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hnfe4a&view=1up&seq=10]

²⁶ Radio Act of 1927 (Public Law 69-632), URL: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.\$b45924&view=1up&seq=204]

²⁷ The Foreign Agents Registration Act. URL: [https://web.archive.org/web/20141121095831/http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/crm02063.htm]

ли массовое увлечение импортными товарами и высокий престиж поездок в капиталистические страны. Ментальности «поиска шпионов повсюду» в стиле 1930-х годов в СССР и США не было. С какого-то момента общественность и в Советском Союзе, и в Соединённых Штатах начала смотреть на шпиономанию и гонку вооружений с изрядной долей иронии — достаточно вспомнить «бондиану» или песни Владимира Высоцкого.

Пока информационные технологии защиты на порядок уступают технологиям нападения. Тем не менее средства противодействия постепенно совершенствуются, и соотношение между мягкой и анти-мягкой силами может начать выравниваться. Тренд 2010-х годов — медленный распад глобального информационного пространства на национальные сегменты. Это неизбежно повысит контролируемость информационных ресурсов со стороны государств. Современные технологии наполняют новым содержанием политику анти-мягкой силы. Они укрепляют четыре направления, с помощью которых можно успешно бороться с МС противника.

1. *Создание информационной альтернативы.* В данном случае речь идёт о создании альтернативы американскому спутниковому телевидению. Пионером этого направления выступил катарский канал «Аль-Джахира», открытый в 1996 г. Его примеру последовал канал ЕС «Евроњюз», затем Россия, создавшая канал «Russia Today» и информационную систему «Спутник». Попытка оказалась настолько успешной, что США и Великобритания стали активно противодействовать их деятельности. Между тем попытки ограничить нередко поднимают популярность того, против кого они направлены. Лишение оппонента возможности информационного доминирования само по себе сужает его ресурсы для распространения мягкой силы.

2. *Контроль над сегментами Интернета.* До середины 2000-х годов американцы изображали эту меру как «самозащиту авторитарных режимов». Имелась в виду практика блокировки ряда сайтов и соци-

альных сетей в Китае, странах Центральной Азии, арабских государствах. В 2010-х годах сами страны Запада стали использовать эту практику: достаточно вспомнить законодательные инициативы в США о борьбе с российским вмешательством в выборы. Речь в данном случае идёт не об ограничении информации оппонента, а, скорее, об облегчении формирования собственной картины мира.

В пылу дискуссий о российском вмешательстве в американские выборы в стороне остаётся важный вопрос: что же происходит с американским обществом, если на него могут воздействовать какие-то иностранные хакеры? В предшествующие периоды в США вопрос о создании «фейковых аккаунтов» вызвал бы смех, по логике: не нравится — не читай. Гражданин информационно защищённого общества отвергнет пост, выходящий за рамки устоявшегося консенсуса. Как утверждал немецкий философ Иммануил Кант, «таково свойство неверия: оно подвергнет сомнению сами предъявленные факты». Похоже, что логика Канта перестаёт действовать в США. Информация становится настолько влиятельной, что ищутся пути противодействия её распространению.

3. *Переформатирование дискуссий.* Эту технологию в своё время хорошо освоили американские аналитические центры. В ходе дискуссий вполне допускается критика оппонента, но в заранее определённом ключе [Кубышкин, Цветкова; 2013]. Например, можно критиковать США за «чрезмерное применение силы» в Ираке, но при этом игнорируется принципиальный вопрос о том, а кто, собственно, дал Вашингтону право применять военную мощь за пределами своих границ. При определённых условиях такое перепрограммирование дискуссии можно использовать и против самого транслятора мягкой силы.

Для субъекта мягкой силы болезненным ударом будет сомнение в его моральном авторитете. Разрушение его дискурса производится, как правило, двумя путями. Первый — постановка вопроса о том, что

он такой, чтобы выступать авторитетом? Второй — навязывание оппоненту дискуссии об относительности его моральных норм в чеховской логике «никто не знает настоящей правды». В этом случае транслятор мягкой силы должен будет перейти от наступления в позицию обороны. Вместе с тем для этого нужны: а) наличие у оппонента мощного информационного оружия; б) его готовность не принимать блага транслятора мягкой силы или переформатировать их в свою пользу

4. *Маргинализация оппонента.* Мягкая сила представляет собой инструмент борьбы за колеблющихся, а не за переубеждение врагов, поэтому её внедрение проводится в три этапа. Первый — максимальное привлечение на свою сторону колеблющихся. Второй — разделение врагов на умеренных и радикалов, с последующим заключением соглашения с первыми. Третий этап — неизбежно наступающий вслед за этим раскол среди радикалов, где пример встроенных в систему умеренных сам по себе провоцирует часть оставшихся оппонентов к поиску соглашения. Только на четвёртом этапе происходит маргинализация наиболее непримиримых противников и создаются предпосылки для их уничтожения. Соответственно, применение анти-мягкой силы требует блокировки мягкой силы противника уже на самом первом этапе, за счёт сокращения количества колеблющихся.

Успех будущей анти-мягкой силы связан с ключевым вопросом: способностью общества к мобилизации. Понятие «мобилизация» означает совокупность мероприятий, направленных на приведение вооружённых сил и государственных институтов в военное положение. В широком смысле мобилизационный проект — это использование военных (силовых) методов управления для достижения национальных целей. В современном мире с сохраняющимся культом глобализации, открытости и всевозможных прав он кажется чем-то уста-

ревшим. Однако мобилизационные проекты вполне могут и вернуться, пусть и на новой основе.

Потенциал для предыдущей мобилизации начал закладываться в 1870-х годах. Именно в это десятилетие ведущие державы отказались от политики «свободной торговли» и сделали ставку на протекционизм — создание национальных промышленных комплексов. Тогда же почти все великие державы перешли к системе общей воинской обязанности. Этому способствовали технические новации конца XIX века: быстрый рост сети железных дорог, телеграфных линий, изобретение радио, прогресс в воздухоплавании. Именно эти достижения впервые в истории сделали технически возможным управление крупными массами. Последующие мобилизации времён Первой и Второй мировых войн стали продуктом идейно-технологического прорыва.

Период «холодной войны» был временем упадка мобилизационных проектов. Советское и американское общества не желали повторения Второй мировой войны и не были готовы воспринять взаимную вражду и нетерпимость как естественное состояние двусторонних отношений. Отсутствие «больших войн» снижало необходимость в институте общей воинской обязанности и делало нецелесообразным содержание переразвитых военно-промышленных комплексов (ВПК). Расширяющийся культ потребления, молодёжные протесты, «шестидесятники» и самоирония — всё это было симптомами сокращения влияния мобилизационной идеи развития. Ирония над «шпиономанией» также была его частью.

Кризис глобализации ставит вопрос о том, что придёт ей на смену. Торговые войны, санкции и эмбарго 2010-х годов означают постепенный отказ от глобальной экономики в пользу национального протекционизма. Государствам вновь потребуется внутренняя мобилизация для до-

²⁸ Если движение капиталов и товаров ограничено, то мобилизация — единственно реальная форма его компенсации.

стижения экономических прорывов²⁸. Современные электронные СМИ могут формировать массовое сознание граждан, а цифровые технологии увеличивают возможность наблюдения за их частной жизнью. Тем не менее могут ли они мобилизовать их на решение коллективных задач, пока неизвестно.

К началу XXI в. либеральная демократия столкнулась с новым вызовом. Развитие информационных технологий позволило быстро манипулировать общественными настроениями и голосованиями на выборах [Косолапов 2004: 10–11]. Даже в США заговорили об опасности выхолащивания политического содержания из институций, которые внешне остаются демократическими. Мобилизация против «опасного врага», возможно, позволит американскому обществу зафиксировать переход к более управляемому демократическим процессам.

Нам трудно представить себе, что мобилизационный мир может вернуться. Тем не менее столь же трудно было благополучному европейцу времен Марселя Пруста и Льва Толстого предположить, что в его мире поворот к мобилизационному развитию уже произошёл. Ещё меньше люди 1870-х годов могли представить, что мобилизационные эксперименты создадут в итоге базу для Второй мировой войны. Между тем по мере увеличения мобилизационных компонентов враждебность между США и Россией (как и между другими государствами) будет не ослабевать, а нарастать. Эта враждебность будет напоминать скорее не времена «холодной войны», а более отдалённое прошлое.

* * *

Анти-мягкая сила выступала в истории мощным средством блокировки влияния одной страны на другую. Изучение этого явления в рамках либеральной парадигмы не представлялось возможным ввиду навязываемого ей тезиса о безальтернативности либеральной идеологии. Между тем анти-мягкая сила как совокупность технологий

противодействия идеологическому влиянию не раз успешно реализовывалась в политической практике. В её структуре можно выделить три основных типа политики: (1) анти-мягкая сила на основе шовинизма; (2) анти-мягкая сила на основе альтернативного проекта; (3) анти-мягкая сила на основе частичных (сегментарных) ограничений информационного воздействия противника. Каждый из них может принести своим основателям как дивиденды, так и политические издержки.

В основе мягкой и анти-мягкой сил лежит «Я-концепция»: совокупность представлений субъекта о самом себе и своём месте в окружающем мире. Теория мягкой силы построена на том, что объект её применения будет готов признать своё вторичное, то есть подчинённое, положение. Принятие чужих норм означает для субъекта закрепление зависимого или, точнее, младшего положения в некоей иерархии. Применение мягкой силы возможно только в отношении субъекта, который не обладает большими политическими амбициями, готов взаимодействовать в рамках существующего мирового порядка и, главное, признать превосходство носителя оппонента. Если субъект считает себя превосходящим носителя мягкой силы, то воздействие на него невозможно.

Анти-мягкая сила построена на иной основе. Её «Я-концепция» предполагает, что субъект изначально не готов признать превосходство оппонента, а главное, его правила игры. Такой субъект обладает серьёзными политическими амбициями, не признаёт превосходства над собой каких-либо норм и не готов принять подчинённое положение. Такой субъект может быть сильным или слабым, но он не будет готов согласиться с тем, чтобы стать «младшим» или «вторым» в сообществе. В период глобализации таких субъектов было немного. Однако обозначившийся глобализационный кризис может снова сделать таких субъектов заметной силой в межгосударственных отношениях.

Список литературы

- Акопян Л. Музыка XX века: энциклопедический словарь // Науч. ред. Е. Двоскина. М.: Практика, 2010. 855 с.
- Алексеева Т. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений / Политическое пространство и социальное время. Идентичность и повседневность в структуре жизненного мира. XXX Харакский форум. 2016. Ялта. С. 5–21.
- Алленов С. «Консервативная революция» в Германии 1920-х — начала 1930-х годов (Проблемы интерпретации) // Полис. 2003. № 4. С. 94–107.
- Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского Союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 36–46.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 640 с.
- Богатуров А. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–97.
- Бурлинова Н. Публичная дипломатия России: практика и проблемы становления // Вестник аналитики. 2014. № 3 (57). С. 28–45.
- Васильева В. Проблемы культурной идентификации японцев в эпоху Мэйдзи (1868–1912) глазами европейцев // Известия Восточного института. 2002. № 4. С. 49–63.
- Гатов В. Postjournalist: Журналистика после «цифрового перехода». М.: Издат. решения, 2015. 299 с.
- Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 350 с.
- Гиля-Новицкая Т. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 206 с.
- Грамши А. Избранные произведения. Т. 3 Тюремные тетради. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 565 с.
- Грегориус Ф. История города Афин в Средние века. СПб., 1900. 392 с.
- Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация / Пер. с фр. И. Эльфонд. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 528 с.
- История человечества. Всемирная история. Т. 5 / Пер. с нем. Под общ. ред. Г. Гельмольца. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1896. 612 с.
- Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. М.: Эксмо, 2018. 188 с.
- Косачёв К. Мягкая сила и жёсткая сила — не сумма, но произведение // Индекс Безопасности. 2013. Т. 19. № 4 (107). С. 11–18.
- Косолапов Н.А. Свобода и несвобода в глобальном миропорядке // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6). С. 4–17.
- Крутянко М., Арешидзе Л. Япония: идеология национализма // История и современность. 2010. № 2. С. 185–215.
- Кубышкин А., Цветкова Н. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.
- Купчинский Ф. Новая Япония. СПб.: Посев, 1911. 264 с.
- Ливен А. Анатолия американского национализма. М.: «Э», 2015. 512 с.
- Лобанова Д. Концептуальные подходы к определению понятия силы в международных отношениях // Международные процессы. Т. 15. № 2 (49). С. 77–88.
- Мангейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ.; Отв.ред. и сост. Я. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Мецераков А. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 246–265.
- Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
- Паршин П. Два понимания «мягкой силы»: Предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14–21.
- Печатнов В. «Любовь-горечь» к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 30–40.
- Почепцов Г. Информационно-политические технологии. М.: Центр, 2003. 381 с.
- Ратген К. Возрождение Японии / Пер. с нем. СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1903. 24 с.
- Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., 1993. С. 5–151.
- Соркин Г.З. Первый съезд народов Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 80 с.
- Фихте И.Г. Сочинения. В 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. 1485 с.
- Шлезингер А. Циклы американской истории / Пер. с англ.; Закл. ст. Терехова В. М.: Изд. группа «Прогресс»; Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 672 с.
- Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol.18. No. 3. P. 396–397.
- Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. 562 p.

- Almond G.* The American People and Foreign Policy. New York: Praeger, 1950. 269 p.
- Angell N.* The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage. New York: G.P. Putnam's & Sons, 1910. 388 p.
- Buchner B.* Wagners Welttheater. Die Geschichte der Bayreuther Festspiele zwischen Kunst und Politik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2013. 256 s.
- Chickering R.* We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914. London: Harper Collins Publishers, 1984. 267 p.
- Deroy L.* L'emprunt linguistique. [Borrowing of Language]. Paris: Les Belles Lettres, 1980. 485 p.
- Ferguson N.* Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004. 400 p.
- Global Governance and Diplomacy / ed. by A. Cooper, B. Hocking, W. Maley. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 330 p.
- Goodrick-Clarke N.* The Occult Roots of Nazism: The Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935. Wellingborough: The Aquarian Press. 1985. 296 p.
- Holik G.* Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. 2011. Vol. 126. No. 2. P. 223–254.
- Kann R.* A History of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkeley: University of California Press, 1980. 662 p.
- Kitahara M.* Children of the Sun: the Japanese and the Outside World. Sandgate: Paul Norbury Publications, 1989. 160 p.
- Leonard M., Stead C., Smewing C.* Public Diplomacy. London: Foreign Policy Centre, 2002.
- Nolte E.* Die Weimarer Republik: Demokratie zwischen Lenin und Hitler. München: Herbig, 2006. 432 p.
- Nye J.* Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 2006. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>
- Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
- Parsons T.* The Social System. New York: The Free Press, 1951. 575 p.
- Pateman C.* Political Culture, Political Structure and Political Change // British Journal of Political Science. 1971. Vol. 1. No. 3. P. 291–305.
- Petzelt M., Bunz A.* Gebaute Träume: Die Schlösser Ludwigs II [Built dreams: The castles of Ludwig II]. München: Hirmer, 1995. 305 p.
- Sims R.* Japanese Political History since the Meiji Revolution, 1868–2000. New York: Palgrave Macmillan, 2001. 395 p.
- Strohm H.* Die Gnosis und der Nationalsozialismus [Gnosis and National Socialism]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997. 292 p.
- Stunz H.* Hitler und die "Gleichschaltung" der Bayreuther Festspiele // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2007. Vol. 55. No. 2. P. 237–268.
- Vickers M.* The Thunderbolt of Zeus: Yet More Fragments of the Pergamon Altar in the Arundel Collection // American Journal of Archaeology. 1985. Vol. 89. No 3. P. 516–519.
- Walker C., Ludwig J.* Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies, 2017. 124 p.
- Weber M.* Selections in Translation, Cambridge University Press, 1978. 410 p.

ANTI-SOFT POWER IN POLITICAL THEORY AND PRACTICE

ALEXEY FENENKO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

The article deals with the study of the anti-soft power. The concept of soft power took over the modern political discourse. The opportunities to counteract such power have not been considered properly so far. The proponents of liberal paradigm, trapped in ideology of its exclusiveness, failed to study this issue.

Thus, the present article aims at answering the question whether there exists an anti-soft power, both as ideology and practice, which could be efficient enough for the state to protect itself from the impact of external informational and cultural influence. The theory of soft power is based on the idea that its object accepts normative subordination. Consequently, such object should not pursue major political ambitions, should be ready to collaborate within the established world order and, above all, agree with superiority of the world leaders and the rules they impose. Anti-soft power is different. The core idea is that its holder is not willing to comply with the opponent's superiority as well as its rules of the game. The subject of anti-soft power is politically ambitious and never recognizes its dependence or inferiority. Regardless of being strong or weak, it will not admit its junior or secondary position in a community. We saw a few such subjects during the era of globalization. However, the globalization crisis may change the situation and thus give rise to a new political trend, that is the resurgence of anti-soft power. The article states that anti-soft power has repeatedly blocked the attempts of one country to influence another country. In the course of history, we can single out three main types of policy: 1) the policy based on supremacism, or chauvinism; 2) the policy based on ideological alternatives; 3) the policy based on segment restrictions of the opponent's soft power. Each of these, though, can bring its subjects both political benefits and unwanted costs.

Keywords:

soft power; anti-soft power; cultural policy; ideology; propaganda; counter-propaganda; liberalism.

References

- (2018). *Kodeks Bushido. Khagakure. Sokrytoe v listve* [Bushido Code. Hagakure. Hidden by the Leaves]. Moscow: Eksmo. 188 p.
- Akopyan L. (2010). *Muzyka XX veka: entsiklopedicheskij slovar'* [Music of the XX century: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Praktika. 855 p.
- Alekseeva T. (2016). "Myagkaya sila" v teorii i praktike mezhdunarodnyh otnoshenij ["Soft power" in the theory and practice of international relations]. *Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya. Identichnost' i povsednevnost' v strukture zhiznennogo mira. XXX Harakskij forum*. Yalta. P. 5–21.
- Allenov S. (2003). "Konservativnaya revolyutsiya" v Germanii 1920-kh — nachala 1930-kh godov (Problemy interpretatsii) [The "Conservative Revolution" in Germany in the 1920s and early 1930s (Problems of Interpretation)]. *Polis*. No 4. P. 94–207.
- Almond G. (1950). *The American People and Foreign Policy*. New York: Praeger. 269 p.
- Almond G. (1956). Comparative Political Systems. *Journal of Politics*. Vol. 18. No. 3. P. 396–397.
- Almond G., Verba S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press. 562 p.
- Angell N. (1910). *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage*. New York: G.P. Putnam's & Sons. 388 p.
- Bajkov A. (2014). «Myagkaya moshch'» Evropejskogo Soyuza v global'nom silovom ravnovesii: evro-rossijskij trek [The EU Soft Power in the Global Equilibrium] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. No. 2 (35). P. 36–46.
- Berdyayev N. (2007). *Sud'ba Rossii*. [The Fate of Russia]. Moscow: Eksmo. 640 p.
- Bogaturov A. (2004). Istoki amerikanskogo povedeniya [The sources of American conduct]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 6. P. 80–97.
- Buchner B. (2013). *Wagners Welttheater. Die Geschichte der Bayreuther Festspiele zwischen Kunst und Politik*. [Wagner's world theater. The history of the Bayreuth Festival between art and politics]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Burlinova N. (2014). Publichnaya diplomatiya Rossii: praktika i problemy stanovleniya [Russian public diplomacy: practice and problems of formation]. *Vestnik analitiki*. Vol. 57. No. 3. P. 28–35.
- Chickering R. (1984). *We Men Who Feel Most German: Cultural Study of the Pan-German League, 1886–1914*. London: Harper Collins Publishers. 267 p.
- Cooper A., Hocking B., Maley W. (eds). (2008). *Global Governance and Diplomacy*. New York: Palgrave Macmillan. 330 p.
- Deroy L. (1980). *L'emprunt linguistique*. Paris: Les Belles Lettres. 485 p.
- Eliseeff V., Eliseeff D. (2006). *Yaponskaya tsivilizatsiya* [Japanese civilization]. Yekaterinburg: U-Factoria. 528 p.
- Ferguson N. (2004). *Colossus: The Price of America's Empire*. New York: Penguin Press. 400 p.
- Fihte I. G. (1993) *Sochineniya v 2-h tomah*. Sankt-Peterburg.: Mifril. 1485 s.

- Gatov V. (2015). *Postjournalist: Zhurnalistska posle "tsifrovogo perekhoda"* [Postjournalist: Journalism after the "Digital Transition"]. Moscow: Izdat. resheniya. 299 p.
- Gila-Novickaya T. (1990). *Kul't imperatora v Yaponii: mify, istoriya, doktriny, politika*. [The cult of the Emperor in Japan: myths, history, doctrines, politics]. Moscow: Nauka. 206 p.
- Goodrick-Clarke N. (1985). *The Occult Roots of Nazism: The Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935*. Wellingborough: The Aquarian Press. 296 p.
- Gramsci A. (1959). *Izbrannye proizvedeniya. T.3 Tyuremnye tetradi*. [Selected works. Prison notebooks]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury. 565 p.
- Gregorovius F. (1900). *Istoriya goroda Afin v srednie veka*. [History of the city of Athens in the Middle Ages]. Saint Petersburg. 392 p.
- Hegel G. (1993). *Lekcii po filosofii istorii*. [Lectures on the philosophy of history]. Sankt-Petersburg: Nauka. 350 p.
- Holik G. (2011). Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia. *Political Science Quarterly*. Vol. 126. No 2. P. 223–254.
- Gelmolt G. (ed.) (1896). *Istoriya chelovechestva. Vsemirnaya istoriya*. [History of mankind. World history]. Vol. 5. Saint Petersburg: Prosveshchenie.
- Kann R. (1980). *A History of the Habsburg Empire, 1526–1918*. Berkeley: University of California Press. 662 p.
- Kitahara M. (1989). *Children of the Sun: the Japanese and the Outside World*. Sandgate: Paul Norbury Publications. 160 p.
- Kosachev K. (2013). Myagkaya sila i zhyostkaya sila – ne summa, no proizvedenie [Soft power and hard power are not the sum, but the product]. *Indeks Bezopasnosti*. Vol. 19. No. 4. P. 11–18.
- Kosolapov N.A. (2004). Svoboda i nesvoboda v global'nom miroporyadke [Freedom and Non-Freedom in the Global Order] // *Mezhdunarodnye processy*. 2004. T 2. № 3 (6). S. 4–17.
- Krupnyanko M., Areshidze L. (2010). Yaponiya: ideologiya natsionalizma [Japan: ideology of nationalism]. *Istoriya i sovremennost'*. No. 2. P. 185–215.
- Kubyshekin A., Cvetkova N. (2013). *Publichnaya diplomatiya SShA*. [Public diplomacy of the USA]. Moscow: Aspekt Press. 271 p.
- Kupchinskij F. (1911). *Novaya Yaponiya* [New Japan]. Saint-Petersburg: Posev. 264 p.
- Leonard M., Stead C., Smewing C. (2002). *Public Diplomacy*. London: Foreign Policy Centre.
- Liven A. (2015). *Anatomiya amerikanskogo natsionalizma*. [Anatomy of American nationalism]. Moscow: E. 512 p.
- Lobanova D. (2017). Kontseptual'nye podkhody k opredeleniyu ponyatiya sily v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Conceptual approaches to Definition of Power in IR Theory]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 15. No. 2. P. 77– 88.
- Manheim K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni (sbornik)* [Diagnosis of our time (Edited Volume)]. Moscow: Yurist. 700 p.
- Meshcheryakov A. (2009). Otkrytie Yaponii i reforma yaponskogo tela (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The discovery of Japan and the reform of the Japanese body (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 100. P. 246–265.
- Moskovich S. (1996). *Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psikhologii mass*. [The age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. Moscow. 478 p.
- Nolte E. (2006). *Die Weimarer Republik: Demokratie zwischen Lenin und Hitler*. Munchen: Herbig. 432 p.
- Nye J. (2006). Think Again: Soft Power. *Foreign Policy*. 2006. URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>
- Nye J. (2004). *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 191 p.
- Parshin P. (2014). Dva ponimaniya "myagkoj sily": Predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two Understandings of Soft Power: Preconditions, Correlations and Consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 2. P. 14–21.
- Parsons T. (1951). *The Social System*. New York: The Free Press. 575 p.
- Pateman C. (1971). Political Culture, Political Structure and Political Change. *British Journal of Political Science*. Vol. 1. No. 3. P. 291–305.
- Pechatnov V. (2006). "Lyubov'-gorech" k Amerike [Bitter love for America]. *Mezhdunarodnye processy*. Vol. 4. No. 1. P. 30–40.
- Petzet M., Bunz A. (1995). *Gebaute Träume: Die Schlösser Ludwigs II. von Bayern*. Munchen: Hirmer. 305 p.
- Pochepcov G. (2003). *Informatsionno-politicheskie tekhnologii* [Information and political technologies]. Moscow: Centr. 2003. 381 p.
- Ratgen K. (1903). *Vozrozhdenie Yaponii* [The Revival Of Japan]. Saint Petersburg: A.V.Orlov press. 24 p.
- Shlesinger A. (1992). *Tsikly amerikanskoy istorii* [Cycles of American history]. Moscow: Progress. 688 p.

- Sorkin G. (1961). *Pervyj s'ezd narodov Vostoka*. [First Congress of the peoples of the East]. Moscow : Izdatelstvo vostochnoy literatury. 80 p.
- Spengler O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. [The Decline of the West.Essays on the morphology of world history]. Vol. I. Moscow.: Mysl'. 672 p.
- Sims R. (2001). *Japanese Political History since the Meiji Revolution, 1868–2000*. New York: Palgrave Macmillan. 395 p.
- Strohm H. (1997). *Die Gnosis und der Nationalsozialismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 292 p.
- Stunz H. (2007). Hitler und die „Gleichschaltung“ der Bayreuther Festspiele. *Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte*. Vol. 55. No. 2. P. 237–268.
- Svas'yan K. (1993). Osval'd Shpengler i ego rekvium po Zapadu [Osvald Spengler and his Requiem for the West]. In: Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii*. Vol. I. M.: Mysl'. P. 3–151.
- Vasil'eva V.(2002). Problemy kul'turnoj identifikatsii yaponcev v epokhu Mejdzi (1868–1912) glazami evropejtssev [Problems of cultural identification of the Japanese in the Meiji era (1868–1912) through the eyes of Europeans]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. No. 4. P. 49–63.
- Vickers M. (1985). The Thunderbolt of Zeus: Yet More Fragments of the Pergamon Altar in the Arundel Collection. *American Journal of Archaeology*. Vol. 89. No. 3. P. 516–519.
- Vojnovich V. (2002). *Antisovetskij Sovetskij Soyuz* [Anti-Soviet Soviet Union]. Moscow: Masterik. 209 p.
- Walker C., Ludwig J. (2017). *Sharp Power: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World*. Washington D.C.: National Endowment for Democracy: International Forum for Democratic Studies. 124 p.
- Weber M. (1978). *Selections in Translation*, Cambridge University Press. 410 p.

БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВЛАДИМИР ПУЧКОВ

Объединённая авиастроительная корпорация, Москва, Россия

Резюме

Актуальность исследования определяется тем, что в современных условиях обостряется экономическая, технологическая, социальная, культурная, религиозная конкуренция между государствами. Возрастают глобальные опасности, о чём свидетельствует совместная работа многих стран мира по уменьшению угрозы масштабной эпидемии острых респираторных вирусных заболеваний. Она также доказывает необходимость международного взаимодействия в этой области. Появляются новые вызовы планетарного масштаба, сохраняются риски природных, техногенных, биолого-социальных и иных катастроф, которые могут привести к глобальным кризисным ситуациям, что требует усиления роли России. Настоящая статья посвящена выбору национальных инновационно-технологических стратегий, позволяющих придать новый импульс международному гуманитарному сотрудничеству и чрезвычайному гуманитарному реагированию. Исследованы методические и правовые основы инновационного управления международной экономической кооперацией при выполнении взаимосвязанных мероприятий по оказанию широкомасштабной помощи в зонах крупных катастроф. При проведении анализа источниками информации выступали открытые материалы и публикации отечественных, зарубежных специалистов, работающих в гуманитарной области. Целью исследования стало обоснование перспектив инновационного менеджмента международной экономической кооперацией в гуманитарной сфере и области уменьшения опасности бедствий. В соответствии с ней решены ключевые задачи по обоснованию организационных основ формирования комплексной системы международного чрезвычайного гуманитарного реагирования, созданию новой экономической модели инновационного управления международным взаимодействием в гуманитарной области в целях повышения экономической безопасности. Методологические основы исследования предусматривают теории конструирования новой системы экономического межгосударственного гуманитарного взаимодействия. В статье проанализированы перспективные направления международной экономической кооперации гуманитарного сотрудничества, выявленные на конкретном историческом анализе развития подобного взаимодействия. Проведена оценка не только этапов построения системы международного гуманитарного реагирования с различными странами, но и рассмотрен опыт создания институциональных совместных организаций в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности на международном уровне. На этой основе предложена современная экономическая модель инновационного менеджмента международной гуманитарной помощи, отвечающая принципам и духу международного права. Обоснованы практические рекомендации по

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2020

Дата принятия к публикации: 23.07.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vladimir.a.puchkov@gmail.com

повышению значимости Российской Федерации в международной системе чрезвычайного гуманитарного реагирования. Разработаны предложения, позволяющие нашей стране совершить технологический прорыв в международной гуманитарной сфере. Результаты исследования могут быть применены при формировании и реализации национальной международной политики гуманитарного сотрудничества в области безопасности жизнедеятельности.

Ключевые слова:

международная кооперация; инновационное управление; международное право; уменьшение опасности; борьба с катастрофами; экономическая безопасность; гуманитарное сотрудничество.

В настоящее время обостряется экономическая, технологическая, социальная, культурная конкуренция между странами. Возрастают глобальные опасности и угрозы, появляются новые вызовы планетарного масштаба, формируются новые тенденции в развитии мировой экономики [Афонцев 2019]. На этом фоне международное сотрудничество в гуманитарной области в современных условиях способствует гармонизации отношений между государствами.

Сохраняются планетарные риски, о чём свидетельствует широкомасштабная работа по выполнению противозидемических мероприятий в большинстве стран мира, вызванная угрозой коронавируса. Увеличивается значимость международного взаимодействия в связи с угрозой распространения пандемии. Требуется тесная кооперация в сферах медицины, информации, транспорта, экономики, финансов, туризма и других областях. Это обуславливает необходимость усиления инновационного менеджмента в сфере международного гуманитарного сотрудничества.

Параллельно сохраняется тенденция увеличения потерь от стихийных бедствий в различных регионах мира, опасность техногенных катастроф и других бедствий, которые остаются одной из первоочередных мировых проблем [Тихомиров 2017]. Принятая ООН Международная рамочная программа уменьшения опасности, не имея юридически обязательных постановлений и правовых гарантий реализации, обуславливает необходимость создания системы нормативных и институциональных регу-

ляторов, эффективность действия которой поддерживается международным правом, обеспечивающим глобальное управление рисками природно-техногенных катастроф и иных бедствий¹.

Российская Федерация — активный участник межгосударственных процессов, поэтому ей требуется стратегия в сфере международной кооперации по обеспечению безопасности жизнедеятельности и гуманитарного взаимодействия. В центре Концепции внешней политики России находится интеграция национальных усилий на организацию и проведение гуманитарных операций, формирование нормативной правовой базы международных отношений с учётом гуманитарной составляющей. Авторитет России в этой области базируется на выполнении всех многосторонних и двусторонних межгосударственных соглашений в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, оперативности принятия решений, быстроте реагирования на бедствия и профессиональном управлении в гуманитарной области. Международное сотрудничество по данным вопросам осуществляется в установленном порядке на договорной основе, а также путём участия в работе авторитетных международных организаций и проведения международных гуманитарных акций. За последние годы Россия реализовала значительное число мероприятий гуманитарной направленности на двусторонней и многосторонней основе. При этом представляется необходимым сфокусировать международное сотрудничество на повышении значимости гуманитарных опера-

¹ Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. Sendai, Japan, 14–18 March 2015. (Doc. UN A/CONF.224/L.2.2015.7 April). 35 p.

ций в динамично изменяющихся условиях международных отношений.

Проблемы исследования методических и правовых основ инновационного управления международной экономической кооперацией при выполнении взаимосвязанных мероприятий по оказанию широкомасштабной помощи в зонах масштабных катастроф рассматривалась рядом международных исследователей. В ходе подготовки настоящей статьи источниками информации выступали публикации отечественных, зарубежных специалистов, работающих в гуманитарной сфере. Проведённое исследование опирается на теории международного инновационного управления гуманитарной сферой и конструирования новой системы межгосударственного гуманитарного сотрудничества. Вопросы формирования стратегии инноваций в рамках программы уменьшения опасности бедствий рассматривались в контексте выполнения программ взаимодействия с международными гуманитарными организациями.

1

За последние годы Российская Федерация в рамках инновационного управления международной кооперацией безопасности жизнедеятельности населения провела большое число сложных гуманитарных операций в различных уголках земного шара. В том числе были осуществлены операции по доставке грузов гуманитарной помощи в ряд стран: США, Куба, Эквадор, Мали, Намибия, Кения, Мозамбик, Ливан, Палестина, Иордания, Ирак, Афганистан, Филиппины и другие страны. Особенно следует отметить доставку в 2005–2012 годах самолетами ИЛ-76 российской гуманитарной помощи в Соединённые Штаты при разрушительных ураганах, которая имела колоссальное значение для сближения двух стран. Жители пострадавших районов сердечно благодарили российских спасателей. Все эти годы продолжалось взаимодействие, однако в последнее время из-за сложностей двусторонних взаимоотношений работа над некоторыми актуальными

гуманитарными проектами приостановлена. Учитывая потребность в совместной работе России и США над инновационными проектами в гуманитарной сфере, стоит поэтапно восстанавливать доверительные отношения пожарно-спасательных служб.

Кроме вышеперечисленного, необходимо отметить проведение аварийно-спасательных, поисковых работ, а также специальных работ международными силами по разминированию территорий в Сербии, Никарагуа, Индонезии, Непале, Египте и иных странах. Среди прочего была организована работа по передаче в декабре 2016 г. в дар от Российской Федерации Сирийской Республике аэромобильного госпиталя отряда «Центроспас», который первым в России получил сертификат Всемирной организации здравоохранения. Этот госпиталь продолжает работу, оказывая медицинскую помощь детям, людям пожилого возраста и нуждающимся во врачебном вмешательстве в условиях уничтоженной инфраструктуры.

Россия также внедрила инновационное управление международной кооперацией в ходе мероприятий по эвакуации из опасных регионов мира более двух тысяч человек (в том числе из Сирии, Туниса, Непала, Йемена, Армении). Спасательная авиация принимала участие в операциях по тушению природных пожаров в Сербии, Индонезии, Португалии, Израиле, Чили, Армении. Было организовано проведение значительного числа операций по санитарно-авиационной эвакуации тяжелобольных и пострадавших российских граждан из зарубежных государств, большинство из которых успешно доставлены на родину. Россия имеет уникальных специалистов и инновационные технологии оказания специализированной медицинской помощи в ходе эвакуации, которые необходимо сохранять и развивать.

За счёт взносов Российской Федерации в фонды международных организаций в последние годы была оказана существенная помощь населению тридцати государств, которым доставлено более ста пятидесяти тысяч тонн гуманитарных грузов.

Среди их получателей такие страны, как Куба, Танзания, Лесото, Камерун, Тунис, Сьерра-Леоне, Либерия, Гвинея, Таджикистан, Киргизия, Палестина, Армения, Ирак, Иордания, Никарагуа, Эфиопия, а также ряд других². Реальную гуманитарную помощь в виде продовольствия, медикаментов, предметов первой необходимости получили миллионы людей в зонах бедствий. Данные форматы международного взаимодействия и инновационного менеджмента позволяют продвигать российские технологии и современные инновационные подходы в зарубежные страны. Россия становится серьёзным игроком на международной арене, наращивая мягкую силу для продвижения своих интересов, уменьшая санкционное давление. Подписанное в Москве в марте 2013 г. Министром В. Пучковым и Еврокомиссаром К. Георгиевой совместное заявление Российской Федерации и Европейского Союза о расширении и углублении сотрудничества по гуманитарной помощи и гражданской защите стало историческим событием и важной вехой выстраивания современной системы совместного противодействия катастрофам. Это важный новый формат работы нашей страны в гуманитарной сфере.

При этом взаимодействие с такими международными гуманитарными организациями, как Всемирная продовольственная программа Организации Объединенных Наций (ВПП ООН), Международная организация гражданской обороны (МОГО), Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ ООН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), строится на новых принципах [Кувшинов 2016]. Оценка современного состояния системы гуманитарных агентств ООН, в мандат которых входит реагирование на чрезвычайные ситуации и помощь пострадавшим от стихийных бедствий и конфликтов, дока-

зывает необходимость усиления координации в сфере оказания помощи между различными агентствами ООН, национальными правительствами и другими гуманитарными организациями. Возникновение новых вызовов и рисков, характерных для современной системы международной гуманитарной помощи, связанных с трансформацией международных отношений, усилением информационного давления, особенностями финансирования, требуют совершенствования системы ООН [Хариотонова 2018].

В этой связи финансовые средства, выделяемые в виде российских донорских взносов, целесообразно возвращать в отечественную экономику путём закупки в гуманитарных целях продукции российского производства и доставки её в пострадавшие государства российскими организациями, что обеспечивает загрузку местных предприятий³. Представляется необходимым наращивать потенциал новой экономической модели международной гуманитарной деятельности в этой области в дальнейшем, увеличивая значимость российского присутствия в экономической, образовательной, культурной сферах и продвижения современных отечественных технологий за рубеж.

Одним из значимых примеров российского участия в многосторонних проектах стала уникальная международная гуманитарная миссия «Фокус», в реализации которой сотрудничали также Австрия, Греция, Швейцария. Она организовала разноплановую помощь населению и восстановление социальной инфраструктуры, пострадавшим в 1999 г. в результате бомбёжек Югославии. Об этой трагедии уже неоднократно публиковались обширные материалы и исследования. Вместе с тем представляется необходимым детально рассмотреть гуманитарную составляющую.

² ООН. Оказание гуманитарной помощи. <https://www.un.org/ru/sections/what-we-do/deliver-humanitarian-aid/> (дата обращения: 25.09.2019).

³ Текущая ситуация с донорскими взносами Российской Федерации на оказание продовольственной помощи по линии международных организаций. http://www.mid.ru/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/189674 (дата обращения: 25.09.2019).

Международная группа экспертов, включающая в себя специалистов различного профиля, провела анализ состояния городов и населённых пунктов, промышленных и других объектов, а также оценила экологическую обстановку и выполнила радиационный мониторинг местности на территории Сербии, Воеводины, Косово и Метохии⁴. Кроме этого, международная группа экспертов подготовила и организовала выполнение более десяти гуманитарных проектов по восстановлению объектов здравоохранения и жизнеобеспечения, энергоснабжения, нефтеперерабатывающих комплексов, фармацевтической индустрии, горно-обогатительного комбината, автомобильных, авиационных и других предприятий экономики, разрушенных в результате авианалётов⁵. Она детально обследовала более сорока объектов в четырнадцати городах и населённых пунктах. Наблюдение и контроль проводились силами химической и радиометрической лабораторий, оснащённых современными сертифицированными приборами.

Работа экспертной группы осуществлялась при поддержке правительств всех стран-участниц. Деятельность на территории Косово и Метохии реализовывалась по согласованию с Временной администрацией ООН и силами КФОР⁶. В ходе работы международной группы экспертов в сложных условиях приходилось выполнять многочисленные задачи. Кроме того, были проведены рабочие консультации с представителями Сербии и Воеводины, общин различных организаций и учреждений, в том числе ЮНЕП.

На основании проведённых обследований было выявлено, что в результате разрушения большого количества потенци-

ально опасных объектов на пострадавших территориях сложилась тяжёлая экономическая, социальная и экологическая обстановка. Пострадали энергетика, транспортные магистрали и мосты, системы жилищно-коммунального хозяйства, связи. Наибольшую степень поражения и загрязнения получили промышленные зоны и прилегающие территории нефтеперерабатывающего завода, нефтехимического комплекса и завода минеральных удобрений, трансформаторных подстанций, горно-обогатительного комбината в городе Бор, бассейне реки Дунай и других объектов.

Автор перечисляет разнообразные пострадавшие предприятия, чтобы привлечь внимание читателей на необходимость планирования большого перечня первоочередных мероприятий по уменьшению объёмов вторичных поражающих факторов и сложности восстановления различных объектов. В ходе работы международной экспертной группой были проведены рабочие встречи с руководством пострадавших городов и населённых пунктов. Они поблагодарили участников уникальной гуманитарной операции, одобрили планы международной миссии и обратили внимание на принятие мер безопасности для специалистов миссии, работавших в опасных условиях.

Основная работа по реализации экономических проектов восстановления разрушенных объектов была организована международной экспертной группой под руководством автора настоящей статьи. Результаты этой уникальной операции были представлены в структуры ООН, правительства стран-участниц международной гуманитарной операции «Фокус», а также доведены до мировой общественности [Булетти 2000].

⁴ Заключение Комиссии по международно-правовой оценке событий вокруг Союзной Республики Югославии. <http://docs.cntd.ru/document/901741244> (дата обращения: 25.09.2019).

⁵ Раскрыты детали уникальной гуманитарной операции в Югославии. https://news.rambler.ru/army/41920147/?utm_content=rnews&utm_medium=ead_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.09.2019).

⁶ Доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединённых Наций по делам временной администрации в Косово. <http://av.disus.ru/doklad/1721666-1-doklad-generalnogo-sekretarya-missii-organizacii-obedinennih-naciy-dela-vremennoy-administracii-kosovo-vvedenie-nastoyaschiy-doklad.php> (дата обращения: 25.09.2019).

Анализ целей, задач, структуры организации, состава сил и средств, оперативно привлечённых для практической реализации проектов, доказывает необходимость гуманитарной помощи населению в сложных условиях, которая должна оказываться быстро, адресно, комплексно без каких либо условий. Изучение организации проведения операции «Фокус» позволяет сделать выводы, актуальность которых в современных условиях возрастает.

В первую очередь, увеличивается потребность наращивания потенциала управления, координации и реализации крупномасштабных гуманитарных операций, направленных на оказание помощи пострадавшему населению и восстановление устойчивой работы социальной инфраструктуры при катастрофах различного характера. Кроме того, становится очевидным, что продолжение политики военными средствами с применением современных средств поражения по сложной инфраструктуре различных стран в XXI столетии уже не решает в краткосрочной и стратегической перспективе поставленных задач, а порождает новые долгосрочные проблемы, приводит к масштабным потерям, страданиям населения, возрастанию миграционных потоков и сложной социальной ситуации в регионах мира. Наконец, требуется пересмотреть традиционные подходы по организации международной кооперации путём создания резервов мобильных электрогенераторов, теплогенерирующих мощностей, станков, оборудования, мостовых переходов и различных расходных материалов, медикаментов, продовольствия, а также сохранения проектной и иной документации основных объектов экономики на электронных и иных носителях.

Уникальный опыт совместных действий Австрии, Греции, России, Швейцарии и ряда других стран в сложных условиях позволил модернизировать механизмы международного чрезвычайного реагирования, которые используются в настоящее время,

и организовать подготовку специалистов международных миссий. Кроме этого, были обоснованы основные постулаты перспектив инновационного управления международной экономической кооперацией в гуманитарной сфере.

2

Проведённые исследования с привлечением зарубежных экспертов доказывают, что, согласно общепринятым мировым оценкам, служба российских спасателей является одной из самых передовых и обеспеченных техническими средствами чрезвычайных служб в мире, готовой к оперативным действиям и выполнению профессиональных задач в сжатые сроки в любой точке земного шара [Госс 2000]. В этой связи необходимо дальнейшее расширение сфер взаимопонимания и доверия, активизация интеграционных процессов, использование научного потенциала, учитывая новые тренды, дилеммы, возникающие противоречия, направления изменений мировой экономики и корпоративных отношений⁷. Повышение эффективности гуманитарных операций — основа усиления международного взаимодействия с использованием современных инструментов цифрового формата и инновационной политики [Бражников, Какуша 2005].

Российская Федерация активно участвует в совершенствовании системы международного чрезвычайного гуманитарного реагирования, укреплении потенциала стран и регионов в борьбе с бедствиями и катастрофами, развитии международного взаимодействия и сотрудничества на основе новых норм индустриального развития десятков мировых лидеров мощных экономик [Иванова 2016: 161]. Проведённые гуманитарные операции позволили накопить уникальный опыт выполнения сложных нестандартных задач, который используется пожарно-спасательными службами развитых стран. Например, работа российских мобильных лабораторий и экспертов

⁷ Redefining Capitalism. McKinsey Quarterly. September 2014. URL: <https://www.mckinsey.com/global-themes/long-term-capitalism/redefining-capitalism> (accessed: 07.03.2017).

в пострадавших районах Италии после разрушительных землетрясений в 2009–2016 гг. позволила организовать в короткие сроки обследования повреждённых зданий и сооружений, а также восстановление школ, детских садов, уникальных исторических зданий, мостов и других сооружений. Совместная работа российских и итальянских спасателей и специалистов создала прочную основу сотрудничества в области безопасности жизнедеятельности, что способствует борьбе с бедствиями в европейских странах. Динамичное и всестороннее развитие тесной международной экономической кооперации позволяет приобрести ценный опыт, наметить перспективы развития международной системы чрезвычайного гуманитарного реагирования и защиты населения от крупномасштабных бедствий.

Отмечу, что Россия – надёжный стратегический партнёр Международной организации гражданской обороны и выполняла большую роль в укреплении и развитии данной авторитетной международной организации на базе Рамочного соглашения о стратегическом партнёрстве [Кувшинов 2016]. Подписание этого документа создало стратегические условия формирования прочной нормативной правовой основы для дальнейшего продвижения согласованного курса на развитие всестороннего сотрудничества в области гражданской защиты, что становится особенно актуальным в связи с нарастающими кризисными явлениями в экономической, финансовой и других сферах.

Таким образом, требуется рассмотреть перспективы национальных инновационно-технологических стратегий, позволяющих придать новый импульс международному экономическому гуманитарному сотрудничеству и чрезвычайному гуманитарному реагированию. Необходимо выявить методические и правовые основы инновационного управления международной кооперацией при выполнении взаимосвя-

занных мероприятий по оказанию широкомасштабной помощи в зонах масштабных катастроф. Требуется обосновать приоритеты инновационного менеджмента международного взаимодействия обеспечения экономической безопасности и решения иных приоритетных задач.

3

Основная цель настоящего исследования – обоснование перспектив инновационного управления международной экономической кооперацией в гуманитарной сфере и области уменьшения опасности бедствий.

В соответствии с заявленной целью исследования решены следующие ключевые задачи:

- обоснованы организационные основы формирования комплексной системы международного чрезвычайного реагирования при гуманитарных катастрофах, охватывающих значительные территории сопредельных государств и их населения;
- созданы основы новой экономической модели инновационного управления международным взаимодействием в гуманитарной области в целях повышения экономической безопасности;
- разработаны методические рекомендации по инновационному управлению международной кооперацией в области реализации программы уменьшения опасности бедствий и преодоления кризисных ситуаций, усиления процессов международного гуманитарного содействия [Пучков 2019: 431].

Проведённые исследования позволяют выявить перспективы инновационного управления международной кооперацией по обеспечению безопасности жизнедеятельности населения, обосновать необходимость дальнейшего изучения и определить направления последующей работы на основе оценки повестки дня будущего глобального бизнеса⁸. В результате исследований предложена модель инновационного

⁸ *An Agenda for the Future of Global Business*, 30.03.2017. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/strategyagenda-for-future-global-business.aspx> (accessed: 08.04.2017).

развития международного гуманитарного взаимодействия.

В первую очередь, требуется продвижение российских инициатив в контексте перспектив и особенностей нового этапа мирового развития. Эксперты полагают, что мировая экономика входит в новую фазу глобализации, которая будет характеризоваться изменениями международной торговли, потоков капитала, изменениями транснациональных корпораций, доминированием международных институтов [Кондратьев 2018].

Данные факторы приобретают особую актуальность в условиях борьбы с пандемией, снижения цен на энергоносители и падения акций крупнейших международных компаний и экономик некоторых государств, что может привести к затяжной рецессии в развитых странах [Пучков 2019]. Принимая во внимание длительность и сложность разработки инновационной высокотехнологичной продукции, представляется необходимым обеспечить целевое финансирование из доступных источников готового российского продукта в области космоса, авиации, транспорта, цифрового формата и иных наукоёмких сферах, обеспечивая его продвижение на международных рынках [Ленчук 2010].

Одним из направлений работы может стать проект формирования глобальной сети кризисных центров, а также центров гуманитарного реагирования и учебно-практического профиля на основе российских инновационных платформ, апробированных в европейских странах и других регионах мира. По решению Правительства Российской Федерации в Швейцарии в женевских подразделениях ООН и МОГО созданы Международные координационно-информационные центры гуманитарной деятельности, что обеспечивает продвижение российских инновационных цифровых технологий в европейских странах [Кувшинов 2016]. Автор принимал лич-

ное участие в открытии центра, на которое, несмотря на санкции, пришли десятки представителей европейских и других стран, что создало хороший фон для наращивания его возможностей и дальнейшего развития. Европейские коллеги отметили высокий уровень российских информационных и управленческих технологий, а также подготовку менеджеров антикризисного управления. Это способствует продвижению отечественных технологий инновационного управления на зарубежные рынки и укрепляет взаимное доверие. Требуется продолжить работу российских государственных компаний в этом направлении.

В Сербии создан и достаточно эффективно функционирует Российско-сербский гуманитарный центр, который был учреждён на основании соглашения между правительствами двух стран. Он сформирован в целях обеспечения гуманитарного реагирования на чрезвычайные ситуации на территории Сербии и других стран Балканского региона. Он является межправительственной гуманитарной организацией, пользующейся правами юридического лица, и на него возложен широкий круг задач⁹.

Центр провёл ряд спасательных операций по оказанию помощи и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории Сербии, Албании, Греции, Словении: участвовал в ликвидации последствий разрушительного наводнения на Балканах, оказывал помощь населению в сложных погодных условиях в зимний период, участвовал в тушении природных пожаров на горе Афон и организовывал другие общественно значимые гуманитарные операции. Российско-сербский отряд продолжает гуманитарное разминирование. В итоге очищено от мин и кассетных боеприпасов более пяти миллионов квадратных метров земель, которые возвращены в хозяйственный оборот, найдено и обезврежено почти четырнадцать тысяч боеприпасов¹⁰.

⁹ Российско-сербский гуманитарный центр. URL: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/rossiisko-serbskii-gumanitarnii-centr> (дата обращения: 25.09.2019).

¹⁰ Там же.

На основе опыта деятельности данного центра представляется целесообразным активизировать международное взаимодействие с европейскими странами по вопросам борьбы с чрезвычайными ситуациями, природными пожарами и иными бедствиями, совместного противодействия масштабным катастрофам и решения современных глобальных проблем [Пучков 2019].

В Армении открыт и развивается Российско-армянский центр гуманитарного реагирования. Он осуществляет поддержку поисково-спасательных операций, гуманитарного разминирования, тушения пожаров, предоставления и доставки срочной гуманитарной помощи населению, а также готовит специалистов для противопожарных и аварийно-спасательных органов¹¹.

Основа совместного центра – ситуационный зал для прогнозирования и анализа чрезвычайных ситуаций, а также для оперативного реагирования на них. Центр оснащён техникой российского производства, поступают машины горноспасательных частей, аварийно-спасательные автомобили высокой проходимости, инженерная техника для устранения завалов, борьбы с оползнями, пожарные автоцистерны с расширенным набором аварийно-спасательного оборудования и другая отечественная техника. Деятельность центра свидетельствует о значительном потенциале международного взаимодействия в регионе в сфере предупреждения бедствий, внедрения отечественных разработок антикризисного управления. Это может позволить сформировать условия международного согласованного решения региональных проблем, консолидировать ресурсы для устранения неравенства общества и государства слаборазвитых стран, а также сформировать предпосылки создания эффективных систем гражданской защиты [Stiglitz 2015].

В латиноамериканском регионе по поручению Президента Российской Федера-

ции открыт и функционирует Российско-Кубинский учебный центр, осуществляющий подготовку специалистов пожарно-спасательного профиля для государств Карибского бассейна. Специалисты разных стран смогут пройти обучение и совершенствовать свои навыки. Помимо аудиторий, центр, занимающий площадь десять тысяч квадратных метров, располагает специальным оборудованием для слушателей, которое предоставлено в Никарагуа российской стороной. В центре функционируют лаборатории по изучению основ электротехники, электробезопасности и исследованию материалов, автотренажёр для водителей пожарных машин, мини-полигоны и полоса препятствий для тренировок, комплексы специальной физической подготовки.

В условиях цифровой глобализации и растущего информационного потока, глобальных энергетических, экологических, биолого-социальных и других вызовов, опасностей и угроз требуется новая парадигма развития международной образовательной деятельности [Захаров 2017]. Приоритетом является наращивание современной учебно-методической базы на основе инновационных разработок, привлечения к работе квалифицированных преподавателей. Специалисты из России должны осуществлять комплексную подготовку преподавателей и инструкторов, работающих в странах Южноамериканского континента (Венесуэлы, Парагвая, Чили, Мексики и других), постоянно проводить стажировки и учебные программы повышения квалификации. Эффективная работа вышеупомянутого центра повысит качество и глубину подготовки специалистов пожарно-спасательного профиля, что станет мощным стимулом для дальнейшего развития и совершенствования как кубинских пожарных и спасательных подразделений, так и чрезвычайных служб стран Латинской Америки, а также станет важ-

¹¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о создании Российско-армянского центра гуманитарного реагирования. <http://docs.cntd.ru/document/420295816> (дата обращения: 25.09.2019).

ным шагом к продвижению за рубежом современных отечественных технологий в сфере безопасности жизнедеятельности населения [Пучков 2019].

Открытие Международного центра гуманитарного разминирования в Никарагуа в окрестностях столицы Манагуа, также созданного при поддержке России, явилось важной вехой развития гуманитарного сотрудничества в регионе, центр осуществляет подготовку специалистов по обнаружению и ликвидации противопехотных мин¹². Представляется необходимым продолжить поддержку данного проекта.

Россия проводила значительную работу по взаимодействию с Организацией по запрещению химического оружия, что позволило добиться существенных позитивных результатов в этой области.

Параллельно с развитием отношений с иностранными партнёрами необходимо выполнение комплекса дополнительных программных мероприятий по реализации опыта инновационного управления международной экономической кооперацией безопасности жизнедеятельности населения на федеральном уровне и в регионах страны, в том числе в рамках реализации национальных проектов и государственных программ на основе глобальных тенденций цифровой глобализации¹³.

Последовательное обеспечение реализации стратегических и программных документов рамочной программы требует активизации международного сотрудничества по реализации рамочной программы по уменьшению опасности бедствий на 2015–2030 годы, которая была одобрена в Сендае (Япония) на третьей Всемирной конфе-

ренции ООН по уменьшению опасности бедствий¹⁴.

Знаковым историческим событием в международной деятельности стал визит делегации спасательной службы России в США. Впервые в истории Спасательной Службы в декабре 2016 г. на пленарном заседании в Нью-Йорке в рамках семьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН с повесткой дня: «Укрепление координации в области гуманитарной помощи и помощи в случае стихийных бедствий, предоставляемой ООН, включая специальную экономическую помощь» Российская Федерация представила предложения по теме: «Возрастающая роль России в международной системе чрезвычайного гуманитарного реагирования и перспективы её развития на современном этапе»¹⁵.

Выступление руководителя Российской спасательной службы было единогласно поддержано странами-участницами: США, Германией, Францией, Китаем и др. Основываясь на предложениях российской делегации содействуют усилению координирующей роли ООН и объединению усилий всех государственных институтов, общественных объединений развитых стран, а также активному подключению к этой работе развивающихся государств. Данные подходы реализуются в качестве инструмента внешней политики многих государств и поддержаны в рамках ООН и других авторитетных международных гуманитарных и правовых организаций [Харитоновна 2018].

В настоящее время России необходимо целенаправленно продолжить совершенствование международной деятельности и постоянно наращивать потенциал чрезвычай-

¹² Об открытии очередных курсов МЧС России на Кубе для пожарных и спасателей из стран Латинской Америки и Карибского бассейна и полигона комплексной подготовки пожарных и спасателей в Гаване. <https://cuba.mid.ru/-/ob-otkrytii-ocerednyh-kursov-mcs-rossii-na-kube-dla-pozarnyh-i-spasatelej-iz-stran-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna-i-poligona-kompleksnoj-podg?inheritRedirect=true> (дата обращения: 25.09.2019).

¹³ Digital Globalization: the New Era of Global Flows. New York, McKinsey Global Institute, 2016. 156 p.

¹⁴ Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. Sendai, Japan, 14–18 March 2015. (Doc. UN A/CONF.224/L.2.2015.7 April). 35 p.

¹⁵ Глава МЧС расскажет в ООН о роли России в мировой системе реагирования. РИА Новости. 08.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161208/1483086222.html?in=t> (дата обращения: 26.09.2019).

чайного гуманитарного реагирования за рубежом.

Следует отметить, что необходимо продолжить деятельность в качестве надёжного донора Центрального фонда чрезвычайного реагирования ООН. Наша страна предоставляет экспертов для Группы ООН по оценке последствий стихийных бедствий и координации реагирования (ЮНДАК), спонсирует подготовку и участие в полевых миссиях специалистов из развивающихся стран.

Только за последние годы Россия направила через международные организации значительные финансовые средства на преодоление гуманитарных кризисов и оказание срочной продовольственной, медицинской и другой необходимой помощи пострадавшим. В рамках данного направления требуется продолжить укрепление лидерских позиций России в международном антикризисном управлении и взаимодействии, развивать глобальную сеть сотрудничества и открывать гуманитарные филиалы в разных точках мира [Пучков 2019].

Необходимо поднимать роль Российской Федерации в международной системе оказания чрезвычайной помощи путём повышения её потенциала в данной сфере и активного участия в международных гуманитарных операциях и проектах под эгидой Организации Объединённых Наций. В условиях продолжающихся санкций против России взаимодействие в области инновационного управления международной экономической кооперацией безопасности жизнедеятельности — важный приоритет налаживания межгосударственных взаимоотношений. На встречу руководителей чрезвычайных служб всех стран ЕС в Милане в июле 2014 г. в знак поддержки пригласили делегацию российских спасателей и одобрили их предложения о развитии гуманитарной взаимопомощи в Европе с участием России.

Очень важно продолжить практику проведения международных мероприятий в различных форматах по обмену опытом в области уменьшения опасности бедствий

всех стран мира, оценки наработанного партнёрами опыта внедрения инновационных подходов построения национальных платформ защиты населения от катастроф [Пучков 2019]. Эта деятельность является одним из ключевых элементов совершенствования механизмов управления рисками и укрепления международной гуманитарной системы. Она позволит России реализовать в международной гуманитарной сфере отечественные современные инновационные технологические разработки.

4

В настоящее время, несмотря на введённые санкции, значительно возрастает авторитет Спасательной службы России на международной арене, а достижения и опыт боевой работы российских пожарных и спасателей изучаются специалистами развитых стран мира. Следует отметить энергичную работу по организации взаимодействия спасательных служб в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Совместный документ о взаимной помощи и упрощении процедур привлечения спасателей, техники, оборудования, медикаментов и других материалов был ратифицирован всеми странами и позволяет оперативно осуществлять гуманитарные и спасательные операции. Разработанные подходы представляется необходимым распространить на взаимодействие с другими организациями и странами, что может стать повесткой дня для будущего [Мир 2035 2017].

Масштабные природные пожары в Австралии и других регионах мира, которые привели к колоссальным потерям, доказывают необходимость наращивания потенциала международного гуманитарного реагирования, взаимодействия в борьбе с природными катаклизмами, создания современных технологий и мощной международной группировки сил по борьбе с природными пожарами. Это в перспективе должно обеспечить продвижение на международные рынки самолетов Бе-200ЧС, ИЛ-76МД-90А и другой российской гражданской авиатехники, авиационно-спаса-

тельных и других технологий. При этом в целях развития российской промышленности на инновационной технической базе и наращивания выпуска конкурентоспособной продукции необходимо взять на вооружение принцип единства научной, технологической, цифровой, промышленной политики [Ленчук 2013].

На этой основе развитые страны добиваются успеха в решении задачи индустриализации, поэтому представляется необходимым разработать соответствующую государственную программу на федеральном и региональном уровнях.

Предлагается выстроить новую экономическую модель оказания международной гуманитарной помощи, принимая во внимание накопленный опыт в сфере охраны окружающей среды и других различных областей в целях повышения уровня экономической безопасности [Subramanian, Kessler 2013]. Автор считает, что она должна быть основана на пересмотре традиционных подходов к организации деятельности различных структур, работающих в гуманитарной сфере. Финансовые, материальные средства и другие ресурсы должны направляться на места в целях осуществления адресной помощи пострадавшим, беженцам и вынужденным переселенцам с учётом национальных особенностей и традиций. Принимающая сторона должна самостоятельно распределять объёмы необходимой помощи и осуществлять контроль за эффективным использованием финансовых и материальных средств, продовольствия, медикаментов и различного имущества, направляемых в зоны бедствий в качестве гуманитарной помощи.

Анализ изменений динамических и структурных параметров развития мировой экономики, связанных с формированием новой модели экономического роста в передовых странах, обеспечивается ресурсно-технологическими и институциональными параметрами, создающими условия для поддержания устойчивых темпов роста экономики [Афонцев 2019]. Главный источник рисков — проблемы, которые сло-

жились в последние десятилетия в системе управления глобальными экономическими процессами. Они способны снизить вклад внешнеэкономических связей в экономический рост, в связи с чем представляется целесообразным предусмотреть возможность реализации ряда перспективных проектов по усилению международной кооперации. Актуальность данного постулата доказывают проблемы в экономиках большинства стран мира в связи с возникновением угрозы пандемии.

Одним из подобных проектов может стать планомерное развитие объективно необходимой международной системы защиты населения от вызовов и угроз современного мира с учётом устоявшихся традиционных методов работы [Word Commission... 1987]. Рассматривая долгосрочную перспективу экономического развития, представляется необходимым внедрение управления инновациями при реализации масштабных международных гуманитарных и иных проектов [Barton, Wiseman 2014].

В ходе этой работы необходимо наращивать потенциал экономической безопасности в целях обеспечения достаточно высокого и устойчивого роста экономических показателей и эффективного удовлетворения потребностей участников гуманитарных процессов, усиления контроля за эффективным использованием национальных ресурсов, а также защиты интересов страны на национальном уровне и в международной сфере. При этом целесообразно разрабатывать и применять различные технологии защиты российских интересов и собственности, своевременно выявлять угрозы для наших компаний, предотвращая экономические потери и защищая экономические интересы государственных и частных корпораций, банков, инвестиционных компаний, осуществляющих экономическую деятельность в зарубежных странах. Этот вопрос приобретает особую значимость в условиях начавшейся рецессии мировой экономики.

Усиление международной экономической кооперации позволяет правильно

расставить стратегические приоритеты в уменьшении опасности бедствий населения, сформировать новые подходы к более качественному распределению экономических, интеллектуальных и иных ресурсов для роста экономики в современных условиях. Реализация предлагаемых мер позволит повысить уровень экономической безопасности российских компаний и регионов страны.

Важной инновационной задачей является создание международного механизма координации комплексных работ по проектированию Международной аэрокосмической системы глобального мониторинга и защиты населения от угроз из космоса [Gere, Shan 1984]. Актуальность данной проблемы всему человечеству доказал Челябинский метеорит и ряд других космических аномалий, зафиксированных специалистами в последнее время.

Космическим державам необходимо создать совместную международную рабочую группу и разработать регламенты для специализированных служб и сил и средств противодействия угрозам из космоса с учётом полученного опыта реальных действий по защите населения от астероидной и метеоритной опасностей. При этом требуется подготовить соответствующие корректировки в действующее законодательство для формирования инновационных сегментов в системах управления и подготовки. Одновременно с этим необходимо доработать систему информирования населения о метеоритной и астероидной опасностях, разработать рекомендации по правилам действий в данных условиях [Ковальчук, Степнов 2019].

Человечество совместными усилиями способно решить эту сложнейшую проблему с привлечением ведущих мировых специалистов, которые должны создать новейшие инновационные технологии защиты Земли от космических угроз. Первые шаги в этом направлении были сделаны специалистами российской спасательной службы, НАСА и Европейского космического агентства. Однако из-за санкций данная совместная работа замедлилась.

Сегодня человечество не имеет необходимых технологий в этой области, однако есть идеи и специалисты для их реализации. Требуется совместная экономическая кооперация развитых стран в данном международном гуманитарном проекте. Он позволит придать импульс космическим программам международного сотрудничества в гуманитарной сфере, значимость которых возрастает [Акимов и др. 2014].

В целях координации вышеперечисленных мероприятий целесообразно создать на постоянной основе международную комплексную рабочую группу для проработки предложений по внедрению инновационных подходов защиты населения и территорий от метеоритной и астероидной опасностей по формуле «обнаружение — прогноз — оценка — защита». Очевидно, что опасности из космоса — реальная угроза для человечества, а особенно для городов, инфраструктуры, других коммуникаций. Задачу по её парированию можно решить лишь объединёнными усилиями.

Несколько слов об организации противоэпидемических мероприятий, проводимых в начале 2020 г. по предотвращению масштабного международного заражения коронавирусом в различных странах мира. Несмотря на разноплановую работу по противодействию этому бедствию, которая продолжится несколько лет, и всестороннее обсуждение её перспектив экспертами, а также представителями телевидения, средств массовой информации, социальных сетей, автор, принимая во внимание многолетний опыт борьбы с бедствиями, считает необходимым отметить некоторые моменты.

Во-первых, международные механизмы борьбы с рисками в биолого-социальной сфере несовершенны и не в полной мере отвечают вызовам современности и глобальным проблемам человечества, что требует усиления инновационного менеджмента международного взаимодействия в вопросах защиты жизни и здоровья людей.

Во-вторых, правительственные структуры многих развитых стран действовали на первом этапе непрофессионально, спешно

формировали различные временные структуры, комиссии, задействовали ненужные управленческие структуры, привлекали неподготовленные подразделения, выносили противоречивые решения и создавали много лишней суеты.

В-третьих, данные действия фактически спровоцировали рецессию мировой экономики, крупные компании начали терять капитализацию, целые сферы экономики имеют значительные проблемы, а малый и средний бизнес без государственной поддержки пострадает особенно сильно. Сотни миллионов людей лишились источников дохода и испытывают серьёзные проблемы. Банки оказались бесцельны перед лицом девальвации национальных валют и возникновения многих других проблем. При этом некоторые крупные корпорации и организации получили на этой кризисной ситуации колоссальные незапланированные прибыли.

В-четвёртых, система информирования населения в развитых странах начала выдавать людям много противоречивых сведений, вместо доведения спокойных, профессиональных, выверенных и достоверных данных, простых правил профилактики острых респираторных вирусных заболеваний, в том числе коронавируса, поддерживая детей, людей пожилого возраста и людей с неустойчивой психикой и организуя адресную медицинскую помощь.

Перечень проблем можно продолжать, однако рецепт их решения хорошо известен, поэтому рассматриваемые в статье перспективы инновационного управления международной кооперацией безопасностью жизнедеятельности весьма актуальны и

значимость разработанных предложений будет возрастать. Каждое бедствие является серьёзным испытанием и уроком на будущее, который должны освоить все.

Решением вопросов безопасности жизнедеятельности должны заниматься уполномоченные органы государственного антикризисного управления, своевременно принимая и реализуя плановые меры по заблаговременному созданию резервов, проведения мероприятий обсервации, карантина и обеспечению личной гигиены людей, а также гарантируя социальную защиту граждан¹⁶.

* * *

Теоретическая и практическая значимость проведённого исследования заключается в обосновании приоритетов предложенного модифицированного подхода к управлению международными проектами взаимодействия в сфере безопасности жизнедеятельности. В ходе исследования предложена современная экономическая модель инновационного управления международной гуманитарной помощи, отвечающая принципам и духу международного права. Обоснованы практические рекомендации по повышению роли Российской Федерации в международной системе оказания чрезвычайной гуманитарной помощи [Харитоновна 2018].

В целом инновационное управление международной кооперацией безопасности жизнедеятельности, а также уменьшением опасности бедствий имеет существенный потенциал и перспективы. Целесообразно отметить возрастающую актуальность продолжения взаимодействия в рамках между-

¹² Об открытии очередных курсов МЧС России на Кубе для пожарных и спасателей из стран Латинской Америки и Карибского бассейна и полигона комплексной подготовки пожарных и спасателей в Гаване. <https://cuba.mid.ru/-/ob-otkrytii-ocerednyh-kursov-mcs-rossii-na-kube-dla-pozarnyh-i-spasatelej-iz-stran-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna-i-poligona-kompleksnoj-podg?inheritRedirect=true> (дата обращения: 25.09.2019).

¹³ Digital Globalization: the New Era of Global Flows. New York, McKinsey Global Institute, 2016. 156 p.

¹⁴ Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030. Sendai, Japan, 14–18 March 2015. (Doc. UN A/CONF.224/L.2.2015.7 April). 35 p.

¹⁵ Глава МЧС расскажет в ООН о роли России в мировой системе реагирования. РИА Новости. 08.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161208/1483086222.html?in=t> (дата обращения: 26.09.2019).

народных мероприятий в различных формах гуманитарного реагирования с целью повышения политической, экономической и социальной эффективности этой значимой и благородной деятельности. Разработаны предложения, позволяющие России совершить инновационно-технологический прорыв в международной гуманитарной сфере [Пучков 2019].

Результаты исследования могут быть применены органами государственного управления при формировании и реализации национальной международной политики развития международного гуманитарного взаимодействия и сотрудничества в области инновационного управления в обеспечении безопасности жизнедеятельности.

Список литературы

- Акимов В.А., Болов В.Р., Зайцев А.В., Ларионов В.И., Суцев С.П., Махутов Н.А., Пучков В.А., Таранов А.А. Перспективы создания международной системы планетарной защиты // Опыт ликвидации крупномасштабных чрезвычайных ситуаций в России и за рубежом: Тезисы докладов XIX Международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2014. С. 135–136.
- Афонцев С. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 36–46.
- Булетти Дж. Опыт Швейцарии в международной гуманитарной операции «Фокус»: Материалы международной конференции «Проблемы правовых и экономических способов предупреждения и минимизации ущерба, возникшего в условиях чрезвычайных ситуаций». 25–26 апреля 2000 г. ВНИИ ГОЧС, 2000. С. 270–276.
- Госс К. Сотрудничество Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям (ФЕМА) с МЧС России. Юридические аспекты двухстороннего сотрудничества. Материалы международной конференции «Проблемы правовых и экономических способов предупреждения и минимизации ущерба, возникшего в условиях чрезвычайных ситуаций». 25–26 апреля 2000 г. ВНИИ ГОЧС, 2000. С. 239–244.
- Захаров А.Н. Глобальная энергетическая проблема: новые вызовы и угрозы, возможности их преодоления // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 1(52). С. 187–200.
- Ковальчук Ю.А., Стелнов И.М. Исследование неопределённости технологического будущего // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 6. С. 214–224.
- Кондратьев В. Новый этап глобализации: особенности и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 5–17.
- Кувшинов А. Деятельность специализированных организаций ООН и МОГО по вопросам борьбы с катастрофами в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 114–123.
- Ленчук Е. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2010. Т. 63. № 8. С. 113–117.
- Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. М.: Магистр, 2017. 352 с.
- Отраслевые инструменты инновационной политики / Под ред. Н. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 161 с.
- Пучков В. Стратегии государственного регулирования инновационного развития системы безопасности жизнедеятельности населения. М.: Антарес, 2019. 431 с.
- Тихомиров С. Международное противодействие глобальному росту экономического ущерба от стихийных бедствий // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11. С. 93–101.
- Уроки цунами / Под ред. Ю.В. Бражникова, В.Н. Какуши и др. М.: Департамент международной деятельности МЧС России, 2005. 45 с.
- Харитонов Е. Помощь в чрезвычайных гуманитарных ситуациях в системе ООН: вызовы и риски // Пути к миру и безопасности. 2018. №1(54). С. 239–248.
- Gere J.M., Shan H.C. Terra Non Firma. Understanding and Preparing for Earthquakes. New York: W.H. Freeman and Company, 1984. 203 p.
- Stiglitz J.E. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. New York: W.W. Norton and Company, 2015. 464 p.

Subramanian A., Kessler M. The Hyperglobalization of Trade and Its Future. GCF Working Paper. No. 3. June 2013. 66 p.
 World Commission on Environment and Development. Our Common Future (Brundtland Report). Oxford, New York: Oxford University Press, 1987. 300 p.

PROSPECTS OF INTERNATIONAL ECONOMIC COOPERATION IN THE FIELD OF LIFE SAFETY

VLADIMIR PUCHKOV

United Aircraft Corporation, Moscow 115054, Russian Federation

Abstract

The relevance of the research is determined by the fact that in the current conditions economic, technological, social, cultural, and religious competition between states becomes increasingly acute. Global threats are constantly increasing which proves the need for international cooperation in this area – right now many countries around the world are working together to reduce the threat of a large-scale epidemic of acute respiratory infection. New challenges of global scale are emerging, and there are still risks of natural, man-made, bio-social, and other catastrophes that could lead to global crisis situations, which requires Russia to strengthen its role in this area. The article is devoted to the problems of selecting prospects for national innovation and technological strategies that allow giving a new impetus to international humanitarian cooperation and emergency humanitarian response. The main aspect of methodological and legal bases of innovative management in international economic cooperation is the implementation of interrelated measures that provide large-scale assistance in areas of major disasters. Materials and publications of domestic and foreign experts working in the humanitarian field were used as sources in this analysis. The main purpose of the research is to substantiate the prospects for innovative management of international cooperation in the humanitarian sphere and in the field of disaster risk reduction. In accordance with the stated purpose of the study, the key tasks of substantiating the organizational foundations for the formation of an integrated system of international emergency humanitarian response, creating a new economic model of innovative management of international cooperation in the humanitarian field in order to increase economic security were solved. The methodological foundations of the research provide for the theory of constructing a new system of economic interstate humanitarian interaction. As a result of the research, the prospective directions of international economic cooperation and humanitarian cooperation, identified on the basis of a specific historical analysis of the development of such interaction, are analyzed. The article analyzes not only the stages of building an international humanitarian response system with different countries, but also the experience of creating institutional joint organizations in the field of ensuring life safety at the international level. On this basis, a modern economic model of innovative management of international humanitarian aid is proposed, which meets the principles and spirit of international law. Practical recommendations for increasing the importance of the Russian Federation in the international system of emergency humanitarian response are substantiated. We have developed proposals that will allow our country to make a technological breakthrough in the international humanitarian sphere. The results of the research can be applied in the formation and implementation of the national international policy of humanitarian cooperation in the field of life safety.

Keywords:

international cooperation; innovation management; international law; risk reduction; disaster management; economic security; humanitarian cooperation.

References

- Afontsev S. (2019). Novye tendentsii v razvitii mirovoj ekonomiki [New trends in the development of the world economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 5. P. 36–46.
- Akimov V.A., Bolov V.R., Zaitsev V.I., Larionov V.I., Sushev S.P., Machutov N.A., Puchkov V.A., Taranov A.A. (2014). Perspektivy sozdaniya mezhdunarodnoj sistemy planetarnoj zaschity [Prospects for creating an international system of planetary protection]. In *Opyt likvidatsii krupnomashtabnykh chrezvychajnykh situatsii v Rossii i za rubezhom. Tezisy dokladov XIX Mezhdunarodnoj nauczno-praktizeskoj konferentsii po problemam zaschity naseleniya i territorii ot chrezvychajnykh situatsij*. Moscow: Vserossiiskij nauchno-issledovatel'skij institute po problemam grazhdanskoj oborony MCHS Rossii. P. 135–136.
- Brazhnikov Y., Kakusha V. et al. (eds) (2005). Uroki tsunami [The lessons of tsunami]. Moscow: Departament mezhdunarodnoi deyatel'nosti MCHS Rossii. 45 p.
- Buletti D. (2000). Opyt Schweitsarii v mezhdunarodnoj gumanitarnej operatsii "Fokus" [Swiss Experience in the International Humanitarian Operation "Focus"]. In *Materialy mezhdunarodnoj konferentsii "Problemi pravovykh i ekonomicheskikh sposobov preduprezhdeniya i minimizatsii uscherba, voznikshogo v usloviakh chresvichajnykh situatsij"*. 25–26.04.2000. WNII GOCHS. P. 270–276.
- Dynkin A.A. (ed.) (2017). *Mir 2035. Global'nyj prognoz* [The world of 2035: global outlook]. Moscow: Magistr. 252 p.
- Gere J.M., Shan H.C. (1984). *Terra Non Firma. Understanding and Preparing for Earthquakes*. New York, W.H. Freeman and Company. 203 p.
- Goss K. (2000). Sotrudnichestvo Federal'nogo agentstva po chrevychajnym situatsiyam s MCHS Rossii. Yuridicheskie aspekty dvukhstoronnego sotrudnichestva [Cooperation of the Federal Agency for emergency situations (FEMA) with the EMERCOM of Russia. Legal aspects of bilateral cooperation]. In *Materialy mezhdunarodnoj konferentsii "Problemi pravovykh i ekonomicheskikh sposobov preduprezhdeniya i minimizatsii uscherba, voznikshogo v usloviakh chresvichajnykh situatsij"*. 25–26.04.2000. WNII GOCHS; 2000. P. 239–244.
- Ivanova N.I. (ed.) (2016). *Otraslevye instrumenty innovatsionnoj politiki* [Industry-specific innovation policy tools]. Moscow: IMEMO. 161 p.
- Kharitonova E. (2018). Pomosch' v chrezvychajnykh gumanitarnykh situatsiyakh v sisteme OON: vyzovy i riski [Assistance in Humanitarian Emergencies in the UN System: Challenges and Risks]. *Puti k miru i bezopasnosti*. No. 1(54). P. 239–248.
- Kondratiev V. (2018). Novyj etap globalizatsii: osobennosti i perspektivy [New stage of globalization: features and prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 62. No. 6. P. 5–17.
- Kovalchuk J., Stepnov I. (2019). Issledovanie neopredelyennosti tekhnologicheskogo budushchego [Research of the Technological Future's Uncertainty]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. Vol. 12. No. 6. P. 214–224.
- Kuvshinov A. (2016). Deyatel'nost' spetsializirovannykh organizatsij OON i MOGO po voprosam bor'by s katastrofami v nachale XXI v. [Activities of specialized organizations of the UN and IGO on disaster management at the beginning of the 21st century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzby narodov. Seriya "Mezhdunarodnye otnosheniya"*. No. 1. P. 114–123.
- Lenchuk E. (2010). Novye tendentsii v razvitii mirovoj ekonomiki [New trends in the development of the world economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 8. P. 113–117.
- Puchkov V.A. (2019). *Strategii gosudarstvennogo regulirovaniya innovatsionnogo razvitiya sistemy bezopasnosti zhiznedejatel'nosti naseleniya* [Strategies for state regulation of innovative development of the population's life safety system]. Moscow: Antares. 431 p.
- Stiglitz J.E. (2015). *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. New York: W.W. Norton and Company. 464 p.
- Subramanian A., Kessler M. (2013). *The Hyperglobalization of Trade and Its Future*. GCF Working Paper, No. 3. 66 p.
- Tikhomirov S. (2017). Mezhdunarodnoe protivodejstvie global'nomy rostu ekonomicheskogo uscherba ot stikhijnykh bedstvii [International response to the global increase in economic damage from natural disasters]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 11. P. 93–101.
- Word Commission on Environment and Development. (1987). *Our Common Future (Brundtland Report)*. Oxford, New York: Oxford University Press. 300 p.
- Zakharov A.N. (2017). Global'naya energeticheskaya problema: novye vyzovy i ugrozy, vozmozhnosti ikh preodoleniya [The global energy challenge: new challenges and threats, the ways to overcome them]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 1(52). P. 187–200.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ
Обзоры зарубежных публикаций

КОНЦЕПЦИЯ «СРЕДНЕЙ СИЛЫ» (MIDDLE POWER) ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

АЛЕКСАНДР ВОРОНЦОВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ТАТЬЯНА ПОНЬКА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ЭРИКС ВАРПАХОВСКИС

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

Актуальность изучения академических дискуссий в незападных странах обусловлена тем, что созданные западными исследователями теории международных отношений, обосновывавшие интересы и ведущую роль Запада в мире, не в состоянии объяснить и спрогнозировать характер и направленность развития нарождающейся системы. Отличительной чертой современных международных отношений стала возросшая роль развивающихся азиатских стран, что оказывает влияние на динамику структуры мироустройства. Возникает потребность теоретически определить роль и место незападных стран в ней. В настоящей статье авторы анализируют Сеульскую школу международных отношений. Целью анализа стал разбор южнокорейской версии концепции «держав среднего уровня». Авторы показывают, что за основу южнокорейские специалисты взяли понятие, разработанное западными исследователями, но придали ему новую интерпретацию, учитывающую региональный контекст. Среди южнокорейских специалистов сложился консенсус в отношении оценки места и роли их страны в регионе и мире. Они обращают внимание на то, что Республика Корея окружена четырьмя ядерными державами, три из которых являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Подобное положение существенно ограничивает возможности и ресурсы влияния Сеула на региональную и мировую политику. Тем не менее достигнутые экономическая и финансовая мощь позволяют Республике Корея вести нишевую дипломатию, направленную на предотвращение столкновений между великими державами в борьбе за гегемонию, содействие мирному разрешению споров между странами региона, установлению норм международного права, более доверительным отношениям между США и Китаем, что способствует поддержанию глобальной и региональной безопасности. Одна из ключевых задач держав среднего уровня, к которым относит себя и Республика Корея, – быть мостом между великими державами.

Ключевые слова:

Республика Корея; международный порядок; держава среднего уровня; теория международных отношений; внешняя политика Кореи.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.01.2020

Дата принятия к публикации: 10.06.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: ponka-rudn@mail.ru

vorontsovav@yandex.ru

erix.vars@gmail.com

Актуальность изучения академических дискуссий в западных странах обусловлена тем, что созданные к настоящему времени западными исследователями теории международных отношений, прежде всего обосновывавшие интересы и ведущую роль Запада в мире, часто оказываются не в состоянии объяснить характер и спрогнозировать векторы развития мирового порядка будущего. Отличительной чертой современных международных отношений стала возросшая роль развивающихся азиатских стран, что оказывает влияние на формирование новой структуры. Возникает потребность теоретически обосновать роль и место западных стран в будущем мире. В настоящей статье авторы анализируют Сеульскую школу международных отношений. Целью анализа стал разбор южнокорейской интерпретации концепции «держав среднего уровня». Авторы демонстрируют, что южнокорейские учёные уточнили понятие, разработанное западными исследователями, наделив его новыми коннотациями, впитавшими особенности регионального и глобального контекста, в который событийно погружена Республика Корея.

Традиционные подходы к трактовке держав среднего уровня будут обрисованы в первом разделе статьи. После этого будут рассмотрены теоретические дискуссии южнокорейских специалистов относительно возможностей её адаптации к азиатской реальности. В работе также анализируются исследовательские и экспертные публикации, раскрывающие возможности реализации среднедержавного статуса Республики Корея в рамках так называемой нишевой дипломатии. В завершение даётся оценка внешнеполитической практики страны в XXI в. и того, в какой степени она соответствует установившимся представлениям о масштабе влияния и паттернах поведения держав среднего уровня.

1

Возникновение в теории международных отношений концепции «держав среднего уровня» (или государств, обладающих «средней силой») восходит ещё к XVI веку.

Её появление связывают с именем итальянского политического деятеля и мыслителя Дж. Ботеро. Он пытался определить место средних государств (самостоятельно обеспечивающих свое выживание) в сопоставлении с великими державами и малыми государствами (которые не могут выжить без защиты со стороны сильных государств) [Botero 2017].

Анализ эволюции концепции «средней силы» провёл датский исследователь К. Холбраад [Holbraad 1984]. Анализируя произведения Дж. Ботеро, он сделал вывод, что державы среднего уровня исключительно живучи и существуют дольше, чем более крупные игроки. Он объяснял это тем, что средние государства не настолько подвержены проявлению агрессии в отношении других стран и менее склонны к борьбе за власть по сравнению с великими державами ввиду ограниченности ресурсов, богатств и амбиций [Holbraad 1984: 11–12].

Позднее, согласно Холбрааду, к концепции «держав среднего уровня» обращались такие европейские мыслители и политические деятели, как французский философ и историк Г. Мабли и немецкий юрист Ю.Ю. Мозер, немецкий генерал К. фон Клаузевиц [Holbraad 1984: 15–18, 20–23]. Они использовали различные критерии для характеристики этой группы государств, включая территорию, численность населения, степень независимости, длительность существования, форму правления и пр.

Между тем разворачивавшиеся в то время дискуссии о том, является ли государство великой державой или державой среднего уровня, преимущественно разворачивались в отношении европейских стран [Holbraad 1984: 25–43]. Такого рода статусы стали придавать неевропейским игрокам лишь в XX веке [Holbraad 1984: 50–51], но даже в этом случае — согласно стандартам, разработанным на Западе. В процессе изучения малых и крупных государств исследователи отмечали относительность предлагаемых оценок, а также размытость выдвигаемых критериев [Holbraad 1984: 15].

Концепция «державы среднего уровня» (*middle power state*) также широка в понимании и размыта. Исследователи, занимающиеся данной проблемой, пришли к выводу, что определить средние государства возможно через их действия: специфическую по формам и практикам «деятельность держав среднего уровня» и их дипломатию.

В отечественной науке интерес к данной концепции также был проявлен относительно недавно. Так, можно выделить работу В.В. Вершининой, посвящённую анализу концептуальных подходов [Вершинина 2020], статью Н.Ю. Кавешникова, посвящённую анализу условий выживания и существования малых и «среднесильных» стран на примере государств-участников Евросоюза [Кавешников 2008], анализ Кудряшовой И.В., в котором отмечается сложность изучения поведения малых и средних стран ввиду их чрезвычайной разнородности и уникальных особенностей [Кудряшова 2008], а также работу А.С. Скрибы, который на примере интеграционных объединений ЕС и ЕАЭС разобрал применение тактик «балансирования» и «примыкания» малыми и средними странами-участницами данных интеграционных объединений.

Отдельно стоит выделить растущий интерес к анализу системы отношений через призму концепции «средней силы» в Юго-Восточной Азии. В частности, Е.В. Колдунова отметила рост субъектности в международных отношениях среди стран АСЕАН в послекризисный период второй декады XX века [Колдунова Е.В.]. Между тем А.С. Королёв и К.А. Ефремова оперировали данной концепцией при анализе региональной политики Малайзии [Королёв 2018] и Мьянмы [Ефремова 2008] соответственно.

Корейские специалисты в XXI веке, выработывая собственную позицию по определению «средней силы», отталкивались от дискуссии западных исследователей конца XX – начала XXI века [Kim E. 2015: 2]. Как отмечает Ким Ыйгон, несмотря на то что после завершения «холодной войны» воз-

росло значение мультилатерализма и державы среднего уровня стали привлекать больше внимания, сама концепция «средней державы» ещё не закрепились в теории международных отношений [Kim E. 2015: 3]. Ли Сук Чон отмечает, что тема взаимоотношения государств средней силы с великими державами в рамках меняющегося мирового порядка практически не изучалась [Lee 2012: 8]. При этом в середине прошлого десятилетия корейские специалисты довольно охотно принялись изучать и проецировать данную концепцию. В частности, Ким Тон Хи определяет Южную Корею как государство средней силы, отталкиваясь от китайско-корейских отношений и роли Южной Кореи к привлечению Китая к диалогу со странами АСЕАН. При этом корейский специалист подчёркивает, что Южную Корею можно квалифицировать как «среднесильную» как на основании поведения государства, так и на основании внешнеполитических и экономических возможностей и даже через самоопределение. При этом о влиянии Южной Кореи на Китай говорится в перспективе, нежели об актуальном положении дел [Kim T. 2014: 98].

Для корейских специалистов в области международных отношений ключевыми фигурами, которые пытались классифицировать державы среднего уровня, в том числе через анализ их внешнеполитической деятельности, стали Э. Купер, Дж. Пинг, А. Хенриксон, Р. Хиггот, К. Носсал. Так, согласно Э. Куперу, Р. Хигготу и К. Носсалу, державу среднего уровня можно определить (1) через выведение средних показателей в отношении размера населения, экономических показателей и военной силы; (2) через географию, физически или идеологически определяя положение средней страны внутри системы, формируемой великими державами; (3) через нормативный подход, определяющий «среднюю силу» на основе оценок дипломатической активности и влияния на поддержание миропорядка; (4) через общие поведенческие тенденции, в частности через склонность проведения политики «*среднесильности*»

(*middlepowermanship*) [Cooper, Higgott, and Nossal 1993: 12–17]. Данная концепция подразумевает, что государство стремится проводить курс на примирение, выступать в качестве медиатора при поиске компромисса между оппонирующими друг другу странами. Таким образом, особенность этого подхода заключается в установлении статуса страны путём анализа её поведения, а не исходя из её внутренних характеристик.

Дж. Пинг, в свою очередь, пытался разработать статистический метод для определения держав среднего уровня. Его модель инклюзивна в отношении стран Азии, даже несмотря на то, что она отражает преимущественно западные ценности. В частности, из 38 обследованных стран по состоянию на 2000 г., 14 оказалось «середняками»¹. Недостаток данного статистического метода состоит в том, что в их число вошли те игроки, которые не демонстрировали склонности к политике «среднесильности» в том виде, в котором она была описана Э. Купером и коллегами [Lee 2012: 8]. Среди стран, которые были отнесены к государствам среднего уровня при применении статистического метода, оказалась Республика Корея, хотя на тот момент её отнести к этой группе можно было лишь с оговорками. В частности, на тот момент Корея ещё не вела себя как «середняк» и попадала в группу «государств-середняков» благодаря статистическим показателям.

Г. Эванс и Б. Грант, Р. Хиггот и А. Хенриксон также анализировали в своих работах отличительные черты держав среднего уровня. В частности, то, какую международную деятельность они должны проводить. Г. Эванс и Б. Грант акцентировали внимание на креативности в ведении дипломатической деятельности, которая должна компенсировать недостаток «жёст-

кой силы» [Evans, Grant, 1991: 5]. С креативным подходом Р. Хиггот ассоциировал проведение дипломатии, ориентированной на результат, для которой необходимы навыки переговоров с нетрадиционными игроками, а также вовлечённость и способность вести диалог по таким темам, как интеллектуальная собственность, многосторонние торговые отношения, окружающая среда [Higgott 1997: 25–45]. А. Хенриксон также приходил к выводу о необходимости для стран средней силы быть вовлечёнными в многосторонние переговоры на различных уровнях с целью построения связей, примирения и интеграции [Henrikson 1997].

Отдельно стоит упомянуть труд Дж. Харта, в котором он определил три подхода, с помощью которых можно измерить могущество государств: контроль над ресурсами, контроль над участниками международных отношений и контроль над событиями и результатами [Hart 1976: 289–305]. Разрабатывая собственную концепцию «державы среднего уровня», корейские специалисты обратились к третьему из подходов Харта [Lee 2012: 7].

Дополнительные трудности на пути обоснования статуса Сеула как державы среднего уровня создала выдвинутая Э. Купером концепция трёх волн подъёма стран средней силы. К первой волне относились государства, связанные с Движением неприсоединения (такие как Бразилия, Индия, Югославия), которые в большей степени были критиками сложившегося миропорядка. Вторую волну образовали Алжир, Нигерия, Мексика, которые в 1970-х – 1980-х годах начали проводить политику построения коалиций, а также налаживания межблоковых отношений. В третью волну были включены Аргентина и Малайзия за их деятельность в рамках Кернской

¹ Его метод сочетал 9 статистических показателей (население, площадь, военные расходы, ВВП, реальный рост ВВП, продолжительность жизни, ВВП на душу населения, ценность экспертов, доля торговли в ВВП). Из 38 стран 4 могли оказаться великими державами, 14 – средними, остальные – малыми. Если по этим показателям страна минимум 5 раз оказывалась в топ-4, она в итоге определялась как великая держава. Согласно результатам, 14 среднесильных стран – это Австралия, Канада, Чили, Индия, Индонезия, Иран, Малайзия, Мексика, Сингапур, Филиппины, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Турция. Великими державами оказались Китай, Япония и США [Ping 2005].

группы в 1980-х и 1990-х годах — нишевую дипломатию в отношении торговли сельскохозяйственной продукцией, а также миротворческую деятельность Аргентины в рамках ООН [Cooper 1997: 14–17]. Республика Корея Купер и его коллеги ни к одной из этих волн не относили, потому что до конца XX в. она не проводила на международной арене политику, которая могла бы быть классифицирована как поведение державы среднего уровня.

Предлагая собственное видение западных концепций, южнокорейские специалисты также отталкивались от классификации Э. Джордаана, который выделил классические западные демократические державы среднего уровня², для которых демократизация мира выступала одним из приоритетов политики, и зарождающиеся державы среднего уровня³, которые не так стабильны. Хотя они также в целом демократизированы, в них сохраняются некоторые недемократические практики. Тем не менее они играют роль медиатора в своих регионах [Jordaаn 2003: 165–170].

Анализ исследований западных авторов показывает, что их методы ранжирования оценивают государства через призму либеральных ценностей, что негативно влияет на объективность получающейся типологии. Рассматривая взаимоотношения стран в Азии и применимость к их анализу традиционных концепций, следует обратить внимание на дискуссию между американским специалистом корейского происхождения Дэвидом Ч. Кангом и канадским исследователем индийского происхождения Амитавом Ачария. Они обсуждали причины отсутствия «бангкокской, токийской, новоделийской школ международных отношений», а также ограничения на применение импортированных теорий для изучения международных отношений на Востоке [Acharya 2003: 163; Kang 2003: 58; Kang 2004a: 165]. В этой связи Д. Канг ука-

зывал, что для того, чтобы западные теории были применимы к азиатскому контексту, они должны быть доработаны⁴. В частности, он переосмыслил используемую западными специалистами концепцию «иерархии», чтобы она была приложима к реалиям Азии [Kang 2004b: 339]. Д. Канг отмечал в этой связи шесть принципиальных моментов.

Во-первых, для Азии ключевые угрозы исходят не от крупнейших и самых сильных стран, как США или Япония, а от малых — КНДР и Тайвань. *Во-вторых*, вопрос Тайваня нельзя рассматривать через призму Вестфальских концепций: Тайвань — непризнанное государство, хотя многие исследователи относятся к нему как к признанному, потому что оно ведёт подобным образом. *В-третьих*, в Азии до сих пор существуют четыре марксистско-ленинских государства (Китай, Вьетнам, Лаос и в меньшей степени Северная Корея). Несмотря на проведённые реформы, данные страны остаются продуктами коммунистического, антиколониального, антизападного движений. Все эти государства выжили после распада социалистического блока в Европе, а КНДР до сих пор существует вопреки ожиданиям западных экспертов, которые уже давно предсказывали крах государства.

В-четвёртых, Республика Корея и Япония демонстрируют поведение, которое не укладывается в западные объяснения отношения к проблеме Тайваня. Западные реалисты должны предсказывать большее сотрудничество Кореи, Японии, США и Тайваня из-за агрессивной позиции Китая. Тем не менее Корея и Япония воспринимают проблему Тайваня как внутрикитайскую, поэтому предпочитают воздерживаться от вовлечённости. *В-пятых*, поведение Филиппин в отношении США и закрытие американских баз на островах также представляет аномалию для теории.

² Австралия, Канада, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция.

³ Аргентина, Бразилия, Нигерия, Малайзия, Южная Африка, Турция.

⁴ Более подробно см. в: Kang, D.C.: Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations. Quarterly Journal: International Security. 2004. Vol. 28. No. 3. P. 175–180.

Согласно западным специалистам, Филиппины должны рассматривать Китай как угрозу и должны стремиться удержать американские базы у себя, но в 1990-х годах случилось обратное. В-шестых, видение роли Южной Кореи в Северо-Восточной Азии отличается от того, как её видят в США. Это в том числе касается вопроса, связанного с Северной Кореей: южнокорейские позиции по тому, как должен быть разрешён северокорейский вопрос, отличаются от американских.

2

Рассматривая корейскую концепцию «державы среднего уровня», необходимо учитывать исторический контекст и мотивы развития теории международных отношений в этой азиатской стране, в том числе продиктованные националистическими настроениями. В 1956 г. была основана Корейская ассоциация изучения международных отношений. Долгое время местная школа теории находилась на стадии формирования, а южнокорейские исследователи работали под влиянием американских исследований [Cho 2011; Kook and Young 2009].

В XXI в. на фоне парадигматического плюрализма южнокорейские специалисты в области международных отношений оказались на распутье. С одной стороны, западные теории не способны исчерпывающе описать случай Республики Кореи. С другой — над азиатскими специалистами довлеет авторитет США как крупнейшего центра изучения международной политики, сформировавшего их мировоззрение. Кроме того, развитие собственной теории невозможно без обеспечения признания со стороны мирового научного сообщества. Между тем южнокорейская школа международных отношений должна обслуживать национальные интересы и учитывать исторический опыт, который вобрал в себя борьбу за независимость и сохранение культурных ценностей во времена японской оккупации [Cho 2011]. Это способ-

ствовало тому, что южнокорейские исследователи модифицировали концепцию «державы среднего уровня».

Корейские работы по определению этого понятия условно можно разделить на две группы. Первая ориентирована на создание общей концептуальной основы, «зонтичного» объяснения. Эта задача решается в работах таких авторов, как Ли Сук Чон, Сон Юль, Чун Чэ Сун, Ким Ый Гон, Чхве Ён Чон. Вторая группа работ концентрируется на выведении нишевых концептуальных оснований корейской внешней политики. Этой проблематикой занимаются Ким Сан Бэ (кибербезопасность), Ку Мин Гё (разрешение морских споров), Ким Сун Чин (дипломатия в сфере окружающей среды) и др.⁵

Представители первой группы, взяв за основу теоретические разработки западных коллег, столкнулись с необходимостью их переосмысления. В результате они пришли к выводу, что южнокорейская политика подходит под определение политики державы среднего уровня. Так, Чхве Ён Чон утверждали, что Южная Корея должна более эффективно использовать сложность отношений между Китаем, США, Японией и брать на себя роль посредника в переговорах и выстраивании взаимодействия между этими государствами в регионе ввиду их взаимного недоверия [Choi 2009: 56–58]. Выступая медиатором, страна, таким образом, демонстрирует черты «средней силы» [Choi 2009: 61–63].

Ли Сук Чон, анализируя концепцию «держав среднего уровня», делает вывод о том, что её деятельность — это осознанная попытка реализовать позиционный и коммуникационно-сетевой потенциал во внешней политике [Lee 2012: 3]. Развивая данный тезис, исследователь постулировала три условия, необходимых для того, чтобы государство могло соответствовать этому статусу. Во-первых, оно должно обладать достаточной позиционной силой, которая позволила бы применять в своей дипломатии имеющиеся материальные и

⁵ См. также: [Sohn 2014; Ban 2011; Kim J., Kim S. 2016; Hong 2009; Lee 2014].

нематериальные ресурсы. *Во-вторых*, международная и региональная система отношений должна позволять «середняку» быть стратегически важным элементом системы для кооперации между великими державами (то есть последние не могут быть в открыто противостоянии, они не должны делить влияние в регионе только между собой). Наконец, *в-третьих*, держава среднего уровня должна иметь развитые сети взаимодействия, включая как государственные, так и негосударственные каналы. Они должны стать одной из ключевых платформ для проведения дипломатической работы [Lee 2012: 10]. Кроме того, Ли Сук Чон указала на проблему с определением места Сеула в волнах появления «среднесильных» государств, предложенных Э. Купером. Она пришла к выводу, что Республика Корея выступает представителем четвёртой волны [Lee 2012: 14], так как по критериям и временным рамкам, предложенным западным исследователем, она не входит ни в одну из предыдущих.

По мнению Сон Юля, концепция «державы среднего уровня», разработанная на Западе, не должна отвергаться, хотя и требует доработки, потому что система международных отношений находится в процессе изменений, а теоретические наработки должны соответствовать текущему контексту [Sohn 2015: 3]. Помимо этого, в меняющемся мире стране, которая берёт на себя роль державы среднего уровня в регионе, ввиду обладания ограниченными ресурсами, необходимо использовать мягкую силу и сетевую дипломатию. Она может укрепить свой статус, выступая в одном из трёх качеств: (1) объединителя/созывателя, который будет способствовать установлению связей между государственными и негосударственными участниками международных отношений на базе общих интересов и взаимопонимания; (2) брокера, который будет обеспечивать взаимодействие и взаимопонимание между разными системами и сетями; (3) архитектора, который будет партнёром в формировании системы отношений, помогать другим государствам приспособиться к ней, увеличивать эффек-

тивность системы за счёт внесения корректировок, а также который будет поддерживать и обеспечивать систему иерархии [Sohn 2012: 33].

Сон Юль также отмечает, что в процессе развития южнокорейская концепция «дипломатии средней державы» видоизменилась. В частности, произошла переориентация фокуса с региональных проблем на глобальные. Держава среднего уровня, такая как Республика Корея, должна способствовать увеличению степени связанности государств друг с другом, обмену информацией и установлению отношений в рамках коалиций. Корею для подтверждения её статуса необходимо оставаться брокером и устанавливать правовые рамки взаимодействия путем проведения *нишевой дипломатии* [Sohn 2015: 4].

По вопросу значимости и первостепенности проведения нишевой дипломатии для держав среднего уровня с Сон Юлем соглашается и Ким Ый Гон: «среднесильное» государство, ввиду неспособности менять международный порядок, систему международных отношений и влиять на национальную безопасность сильных стран, должно действовать в рамках мультилатерализма при решении таких вопросов, как преодоление последствий экономических кризисов, нераспространение оружия массового поражения, изменение климата, природные катастрофы, вопросы устойчивого развития [Kim E. 2015: 4].

Уточнение концепции «держав среднего уровня» провёл Чун Чэ Сун, подчеркнув, что такое государство может быть определено через модель поведения и должно: (1) помогать великим державам уменьшать стратегическое недоверие; (2) находить и предлагать механизмы решений конкретных проблем и споров; (3) развивать многосторонние институты взаимодействия между государствами или же участвовать в деятельности существующих; (4) в превентивной манере импортировать в Восточную Азию разработанные международные нормы, которые будут помогать в разрешении возникающих проблем; (5) поддерживать сетевое взаимодействие с другими государ-

ствами средней силы, которые преследуют похожие цели. Решение последней задачи необходимо для укрепления их позиций в отношении великих держав. Данные положения концепции обсуждались и другими корейскими специалистами [Kim S. 2014b; Kim S. 2011; Kim W. 2013; Koo 2010; Sohn, Koo 2011].

Чун Чэ Сун, учитывая ситуацию в Восточной Азии, а именно: наращивание военно-политической и экономической мощи Китая в регионе, утверждает, что Республика Корея в качестве державы среднего уровня должна реформировать региональную систему безопасности с тем, чтобы она и другие страны этой весовой категории имели право голоса в международных вопросах [Chun 2014a: 48–49].

Исходя из устоявшихся поведенческих шаблонов, по мнению южнокорейских специалистов, можно определить Республику Корею в XXI в. как державу среднего уровня. Ключевой целью дипломатии такого государства остаётся снижение рисков войны. В частности, она стремится предотвращать военные столкновения между великими державами в борьбе за гегемонию в её регионе. Они также добиваются мирного разрешения тех споров третьих стран, которые могут повлиять на отношения между великими державами. Современная держава среднего уровня добивается укрепления норм международного права и содействует установлению доверительных отношений между основными игроками в своём регионе. Если говорить о современной Азии, то речь в первую очередь идёт о США и Китае [Chun 2014b: 11].

Таким образом, корейская версия концепции «державы среднего уровня» приоритизирует выявление поведенческих тенденций государства и оценку их соответствия конкретным поведенческим моделям. В обоснование четвёртой волны становления такого рода игроков, в которую они

включают и Республику Корея, исследователи выводят критерии, требующие от стран: (1) выступать связующим звеном между государствами (как великими державами, так и странами других рангов) и негосударственными участниками международных отношений, организовывая и поддерживая площадки для ведения переговоров; (2) выступать посредником в переговорах, в том числе в случае разрешения региональных и международных споров; (3) участвовать в формировании региональной системы отношений и безопасности, в том числе за счёт приспособления норм международного права к местным реалиям.

Стоит подчеркнуть, что хотя строгая иерархическая концепция (времен Китайской империи)⁶ неактуальна для оценки современной системы отношений в Азии, корейские исследователи соглашаются с наличием элементов иерархии на международной арене. Республика Корея пользуется статусом средней державы, участвующей в поддержании миропорядка, но не претендует на статус великой державы, таким образом признавая, что есть государства, обладающие большими возможностями влияния и ресурсами в регионе и мире.

3

Академическое сообщество Южной Кореи, разрабатывающее концепцию «державы среднего уровня», уделяет много внимания такому понятию, как нишевая дипломатия. Исследователи рассчитывают, что с его помощью государства могут компенсировать ограниченность ресурсов и возможностей влияния. В этой связи они фокусируются на таких сферах, как кибербезопасность, миротворческая деятельность, защита окружающей среды.

Ким Сан Бэ, анализируя место вопросов кибербезопасности в дипломатии средней державы, отмечал, что отношения между

⁶ До конца XIX в. Корея следовала концепции Синоцентричности мира («служить крупным княжествам и опекать малые» 事大主義), где Император Китая получал власть с небес, а Корея выступала как зависимое и подчинённое Китаю государство и не стремилось занять место великой державы, придерживаясь существующей иерархии [Chun 2010: 75].

странами и негосударственными игроками в киберпространстве стремительно развиваются. При этом они слабо формализованы. На этом фоне такому государству, как Республика Корея, необходимо пользоваться своими позиционными возможностями, брать на себя роль брокера и дизайнера регулирования киберпространства. Ким Сан Бэ назвал данный подход метапрограммированием, так как, в отличие от великих держав, государства-середняки могут предлагать решения на базе смешанных нормативных систем взаимоотношений [Kim S. 2014a: 342–344].

Ку Мин Гё, рассматривая противоречия государств региона на морских пространствах и применимость к ним южнокорейской дипломатии средней державы, отметил, что данная тема требует дополнительного внимания. Международно-правовая система, регулирующая эту проблематику, остаётся недоработанной, а урегулирование разногласий необходимо переводить в плоскость многосторонних отношений (а не двухсторонних), так как существующие споры влияют на взаимоотношения между Китаем, Японией, Кореей, Россией и странами АСЕАН. Дипломатия средней державы, соответственно, должна заключаться в разработке структуры взаимодействия стран, а также формировании норм, которые будут касаться не только территориальных споров между странами, но вопросов, связанных с выловом рыбы и защитой окружающей среды [Коо 2014: 18].

Ким Сун Чин, анализируя подходы Республики Корея к проблемам защиты окружающей среды, выделяет четыре ключевые модели поведения державы среднего уровня. Она может действовать как первопроходец, который выступает инициатором и страной-примером для индустриально развитых стран по применению норм, сокращающих выбросы в атмосферу [Kim S. 2014c: 19]. Она способна претендовать на роль моста, который выступает посредником в переговорах между великими державами и остальными государствами, по-

могая найти консенсус в решении вопросов, связанных с загрязнением окружающей среды [Kim S. 2014c: 21–22]. Держава среднего уровня также порой выступает координатором коалиций, который устраивает и поддерживает платформы и объединения, где взаимодействуют государственные и негосударственные участники МО [Kim S. 2014c: 25–29]. Наконец, она принимает на себя роль распространителя норм. В рамках четвёртой модели Республика Корея, например, инициировала принятие концепции «зелёного роста» [Kim 2014c: 29–30].

Анализируя концепцию «средней державы» как на более общем, абстрактном уровне, так и на уровне конкретных примеров нишевой дипломатии, южнокорейские исследователи предпочитают не абстрагироваться от текущей внешнеполитической повестки Сеула. На сегодняшний день стремление проводить инициативную региональную дипломатию выступает одним из приоритетов стратегии Республики Корея.

4

Южнокорейские политики стали обращаться к концепции «средней силы» ещё в начале XXI века. При этом каждая правящая администрация вносила коррективы во внешнеполитический курс, обогащая его своим видением этой концепции. В частности, политика периода президентства Но Му Хёна (2003–2008) была ориентирована на региональную повестку. Она позиционировала Южную Корею как ключевого игрока в Северо-Восточной Азии, отстаивающего взаимодействие между различными странами. Данная политика внесла трудности во взаимодействие с США, потому что Сеул начал отдаляться от тесного партнёрства с ними в угоду собственным интересам. Во времена нахождения у власти Ли Мён Бака (2008–2013) Южная Корея стала в большей степени осознавать себя в качестве державы среднего уровня, подчёркивая свою значимость в глобальном масштабе⁷. Именно в период правле-

⁷ Ключевым слоганом был “Global Korea” («Глобальная Корея»).

ния этого президента она начала активно участвовать в мировой политике, формируя повестку дня на таких международных форумах, как «группа двадцати» и ОЭСР. В этот период Республика Корея также стала проводить нишевую дипломатию (в том числе в области кибербезопасности, защиты окружающей среды). Отношения с США были более тесными в сравнении с предыдущим периодом. Правление Пак Кын Хе (2013–2017) характеризовалось стремлением южнокорейской дипломатии по выстраиванию «равной дистанции» в отношениях с США и Китаем. При этом деятельность державы среднего уровня (в том числе реализация нишевой дипломатии) в других плоскостях также продолжилась [Kim S. 2016].

Правящие администрации демонстрировали переменные успехи в осуществлении нишевой дипломатии. В частности, попытки Южной Кореи повлиять на мировую политику в области кибербезопасности и взаимоотношения азиатских государств на море не увенчались успехом. Инициативы в этих областях пока существуют лишь в форме планов на будущее. При этом Сеул стал активным участником миротворческих операций ООН [Ye, Neo, Li 2018; Ko 2015]. Он также зарекомендовал себя как донор, помогающий странам-реципиентам ОЭСР как финансированием, так и через содействие в сфере образования [Varpahovskis 2020]. В частности, Республика Корея запустила программу Сэмаиль Ундон⁸ в развивающихся странах [Ayhan 2019]. В рамках политики содействия международному развитию она эксплуатировала имидж уникальной страны, которая превратилась из страны-реципиента в страну-донора ОЭСР [Howe 2017; Ayhan 2019].

Кроме того, успеха добились несколько проектов в области защиты природы и

борьбы с изменением климата, направленные на развитие зелёной экономики, которые реализует Республика Корея. Самым известным стал Институт глобального зелёного роста (Global Green Growth Institute), с помощью которого Сеул в кооперации с другими странами и фондами помогает развивать экологичное производство по всему миру [Watson & Pandey 2015].

В президентство Мун Чжэ Ина Республика Корея переживает кризис идентичности во внешней политике. Развивая связи с КНДР, Сеул дистанцировался от близких отношений с США и Китаем [Robertson 2019]. С Японией в 2019 г. уровень взаимодействия достиг критического минимума. Обязательства, взятые администрациями Ли Мён Бака и Пак Кын Хе по сокращению выбросов в атмосферу, выполнены не были, и администрация Муна их выполнить тоже не сможет⁹. Это негативно отражается на возможности ведения зелёной дипломатии.

МИКТА – неформальное объединение Австралии, Индонезии, Мексики, Турции и Республики Корея, инициированное Сеулом и преследующее задачу объединения усилий держав среднего уровня, находится в стагнирующем состоянии. Это тоже порождает репутационные потери и сомнения в том, что Республика Корея проводит внешнюю политику, соответствующую статусу державы среднего уровня [Green 2019: 10].

Неудачи Сеула во второй половине 2010-х годов привели к постановке вопроса, не закончилась ли эпоха, когда Республика Корея могла определять себя в качестве «средней силы». Страна находится в поиске новых внешнеполитических концепций или модернизации старых [Green 2019; Easley, Park 2017]. Растущий скепсис выразил Кадир Айхан, поставивший во-

⁸ Сэмаиль Ундон (кор. 새마을 운동) или Движение за Новую Деревню. Изначально это была программа по модернизации деревень при диктаторе Пак Чун Хи в 1970-х. Программа была ребрендирована и перезапущена для применения в сельских районах развивающихся стран при президенте Пак Кын Хе.

⁹ Climate Transparency. Brown to Green: G20 Transition to a Low C Economy. Republic of Korea. 2016. URL: https://www.climate-transparency.org/wp-content/uploads/2016/09/Korea_Country-Profile.pdf (дата обращения: 21.10.2019).

прос о том, не была ли «среднедержавность» лишь проектом по брендированию страны, предпринятым администрацией Ли Мён Бака [Ayhan 2019].

Тем не менее не стоит считать неактуальной данную концепцию, так как президент Мун Чжэ Ин будет находиться у власти максимум до 2022 года. Следующий лидер может более активно опираться на неё, что может привести к пересмотру критериев «среднедержавности» государства. Это предположение опирается на несколько объективных предпосылок. *Во-первых*, в геостратегическом плане Республика Корея продолжает находиться в специфическом положении в сравнении с западными державами среднего уровня. Она окружена четырьмя мощнейшими государствами (США, Китай, Япония, Россия), три из которых являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Одновременно с этим Республика Корея окружена четырьмя ядерными державами.

При этом вопрос объединения двух стран на Корейском полуострове остаётся открытым. Он может рассматриваться и как внутренняя корейская проблема, и как вызов безопасности региона. Республика Корея находится в центре одного из самых густонаселённых и динамично развивающихся регионов мира, в котором проживает $\frac{1}{5}$ часть всего населения планеты. С культурно-исторической точки зрения она имеет глубокие и тесные связи с китайской цивилизацией. При этом в XX–XXI веках, динамически развиваясь и стараясь соответствовать мировым стандартам, Сеул перенимает и применяет (в том числе и в науке) достижения Запада.

Во-вторых, как отмечала посол Республики Корея по публичной дипломатии Энна Пак, Южная Корея продолжает развивать средства мягкой силы и будет использовать инновационные методы публичной дипломатии, которая является неотъемлемой частью дипломатии средней державы [Park 2017]. *В-третьих*, Республика Корея выступает одним из инициаторов и участников МИКТА. Участвуя в данной ассоциации, она закрепила за собой статус держав

вы среднего уровня. В рамках дальнейшей работы в этом объединении любому руководству страны, вне зависимости от личных представлений, придётся придерживаться концепции «среднедержавности» во внешней политике. Наконец, сама эта концепция остаётся довольно размытой, что позволяет интерпретировать и развивать её.

Таким образом, можно ожидать, что внешняя политика Республики Корея будет опираться на собственную версию концепции «державы среднего уровня». В ней будут отражаться и текущий геополитический, и историко-культурный контексты. С точки зрения развития теории международных отношений стоит ожидать, что не только Сеул, но и ряд других стран будут разрабатывать собственные версии концепции «средней силы» в попытках отразить собственный статус и видение мира.

* * *

Южнокорейская школа теории и истории международных отношений прошла длительный путь развития и до сих пор находится в процессе становления. Местные исследователи восприняли систему представлений о международных отношениях через призму иерархии, сформированную во времена Китайской империи, но одновременно овладели западными концепциями (в частности, понятием «державы среднего уровня»). Они адаптируют импортированные теоретические положения под географический, экономический и политический контекст, в котором существует Республика Корея. Согласно западной интерпретации, не обладая достаточными ресурсами и размерами, Республика Корея могла быть отнесена к державам среднего уровня только в случае соответствия её внешнеполитического поведения ряду критериев.

Путём проведения посреднической деятельности между великими державами, различными государственными и негосударственными участниками международных отношений, через влияние на мировую повестку дня посредством нишевой дипломатии Сеул завоёвывал и поддержи-

вает этот статус. К его голосу прислушиваются не только в регионе, но и за его пределами. При этом государственные деятели и исследователи демонстрируют, что для концептуализации южнокорейской внешней политики в XXI в. недостаточно применять западные подходы. Необходимо учитывать контекст, в котором находится Республика Корея. Местные специалисты доработали концепцию «державы среднего уровня» с тем, чтобы подчеркнуть возросшее значение Сеула в современном мире.

Южнокорейские теоретики смогли выделить, подчеркнуть и скорректировать аспекты концепции, созданной на Западе, чтобы она была применима к азиатским реалиям. В частности, они делали акцент на проведении нишевой дипломатии. Развивая концепцию «державы среднего уровня», исследователи из Республики Корея отталкиваются от текущей повестки дня государства, что способствует отражению теоретических разработок в рекомен-

дациях государственным деятелям и внешней политике.

Отличительными чертами формирующейся Сеульской школы международных отношений выступает практическое использование изначально западных концепций, которые были видоизменены и адаптированы к применению в незападном контексте. С точки зрения развития теории международных отношений как дисциплины пример попытки Республики Корея сформировать собственный теоретический дискурс показателен, поскольку отражает трудности и процессы, с которыми сталкиваются страны при выработке концептуальных обоснований в системе международных отношений. По мере большего вовлечения в глобальную политику другие азиатские государства, набирающие вес в мировой экономике и политике, также станут обосновывать свою роль в современном мире, и опыт Южной Кореи может быть ими востребован.

Список литературы

- Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 3. С. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Ефремова К.А. Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай – Индия – АСЕАН». М.: МГИМО-Университет, 2016. 269 с.
- Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 84–92.
- Королёв А.С. Стратегии средних стран в отношении великих держав: опыт Малайзии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 1. С. 90–104.
- Колдунова Е.В. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран // Международные процессы. 2016. Т. 9. № 2 (26). С. 70–81.
- Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим // Международные процессы. Т. 6. № 3 (18). С. 78–83.
- Скриба А.С. Балансирование малых и средних государств // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 4. С. 88–100.
- Acharya A. Will Asia's Past Be Its Future? // International Security. 2003. Vol. 28. No. 3. P. 149–164.
- Ayhan K.J. Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project // Korea Observer. 2019. Vol. 50 No. 1. P. 1–24.
- Ban K. The ROK as a Middle Power: Its Role in Counterinsurgency // Asian Politics & Policy. 2011. Vol. 3. No. 2. P. 225–247.
- Botero G. Botero: The Reason of State / ed. by J. Bireley. Cambridge University Press. 2017. 273 p. DOI: 10.1017/9781316493953
- Cho Y.C. Recent discourses on constructing a Korean National School of IR: A reality check. Re-examination of Non-Western International Relations Theories. Kyoto Working Paper on Area Studies. 2011. Vol. 118. P. 66–94.
- Choi Y. South Korea's strategy and Middle Power Activism // The Journal of East Asian Affairs. 2009. Vol. 23. No.1. P. 47–67.
- Chun Ch. Middle power policies as international strategy. Seoul National University. Dissertation. S-space. 2014a. 77 p.
- Chun Ch. East Asian Security and South Korea's Middle Power Diplomacy // EAI MPDI Working Paper. 2014b. No. 6. 21 p.

- Cooper A., Higgott R. and Nossal K. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. UBC Press. Vancouver. 1993. 232 p.
- Cooper A. Middle Powers after the Cold War. Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Easley L.E., Park K. South Korea's mismatched diplomacy in Asia: middle power identity, interests, and foreign policy // International Politics. 2018. Vol. 55. No. 2. P. 242–263.
- Evans G., Grant B. Australia's Foreign Relations: in the World of the 1990s, Melbourne: Melbourne University Press, 1991. 389 p.
- Green M.J. Is the Era of Korean Middle Power Diplomacy Over? A Realist Perspective // Korean journal of defense analysis. 2019. Vol. 31. No. 1. P. 1–20.
- Hart J. Three approaches to the measurement of power in international relations // International Organization. 1976. Vol. 30. No. 2. P. 289–305. DOI: 10.1017/S0020818300018282.
- Henrikson A.K. Middle Powers as Managers: International Mediation within, across, and outside Institutions // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by A. Cooper. (ed.) Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Higgott R.A. Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agendas in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / Cooper A. (ed.), Palgrave Macmillan. 1997. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Holbraad C. Middle powers in international politics. Palgrave Macmillan UK. 1984. 234 p. DOI:10.1007/978-1-349-06865-4.
- Hong K. South Korean approaches to Peacekeeping and Peacebuilding, lessons learned and challenges ahead // The Journal of East Asian Affairs. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 23–45.
- Howe B.M. Korea's Role for Peacebuilding and Development in Asia // Asian Journal of Peacebuilding. 2017. Vol. 5. No. 2. P. 243–266.
- Jordaan E. The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers // Politikon – South African Journal of Political Studies. 2003. Vol. 30. No. 1. P. 165–181. DOI: 10.1080/0258934032000147282.
- Kang D.C. Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // Quarterly Journal: International Security. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 57–85.
- Kang D.C. Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations // Quarterly Journal: International Security. 2004a. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C. The theoretical roots of hierarchy in international relations // Australian Journal of International Affairs. 2004b. Vol. 58. No. 3. P. 337–352.
- Kim E. Korea's Middle-Power Diplomacy in the 21st Century // Pacific Focus. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1111/pafo.12044.
- Kim J., Kim S. South Korea's Middle Power Diplomacy: Toward an Agenda-Partner Based Leadership // Korean journal of defense analysis. 2016. Vol. 28. No. 2. P. 317–333.
- Kim S. Cyber Security and Middle Power Diplomacy: A Network Perspective // The Korean Journal of International Studies. 2014a. Vol.12. No. 2. P. 323–352. DOI: 10.14731/kjis.2014.12.12.2.323.
- Kim S. Roles of Middle Power in East Asia: A Korean Perspective. EAI MPDI Working Paper. 2014b. No. 2. 30 p.
- Kim S. South Korea's Climate Change Diplomacy: Analysis Based on the Perspective of 'Middle Power Diplomacy'. EAI MPDI Working Paper. 2014c. No. 5. 39 p.
- Kim S. South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges. Research Paper, Asia Programme. Chatham House Royal Institute of International Affairs. 2016. 16 p.
- Kim S. 한국의 네트워크 외교전략 – 행위자-네트워크 이론의 원용 [Strategies of Korean Network Diplomacy – Perspective of Actor-Network Theory (In Kor.)]. KAIS International Conference 2011.
- Kim T. South Korea's Middle Power Response to the Rise of China.// Middle powers and the rise of China/ Gilley B., O'Neil A. (ed.). Georgetown University Press, 2014. 84 p.
- Kim W. 대한민국의 중견국 공공외교 [Korean middle power diplomacy (In Kor.)] // Political Science and Communication research. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 331–350.
- Koo M. East Asian Maritime Disputes and South Korea's Middle Power Diplomacy. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 7. 21 p.
- Koo M. Island disputes and maritime regime building in East Asia: Between a rock and a hard place. Springer: 2010. 208 p.
- Ko S. The Foreign Policy Goal of South Korea's UN Peacekeeping Operations // International Peacekeeping. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 65–80.
- Kook K.H., Young C.Y. International relations studies in Korea: retrospects and prospects // Pacific Focus. 2009. Vol. 24. No. 3. P. 402–421.
- Lee S. South Korea as new middle power-seeking complex diplomacy. EAI Asia Security Initiative Working Paper. 2012. No. 25. 32 p.

- Lee S.* South Korea's Middle Power Diplomacy: Multilayered World Order and The Case of Development Cooperation Policy. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 6. 28 p.
- Park E.* Public Diplomacy of the Republic of Korea: Soft Power and the Future. Challenges & Innovations: South Korea's Soft Power. CPD Conversations in Public Diplomacy. 10 October University of South California. Los Angeles. 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7jff1C7yyE> (дата обращения: 21.10.2019).
- Ping J.H.* Middle Power Statecraft: Indonesia, Malaysia, and the Asia-Pacific. Ashgate Publishing. 2005. 270 p.
- Robertson J.* South Korea's missing middle power diplomacy. East Asia Forum. 16 March 2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/16/south-koreas-missing-middle-power-diplomacy/> (дата обращения: 21.10.2019).
- Sohn Y.* Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power and Network Power // Global Asia. 2012. Vol. 7. No. 3. P. 30–34.
- Sohn Y.* Searching for a new identity: South Korea's middle power diplomacy. Fridt Policy Brief. 2015. No. 212. P. 1–6.
- Sohn Y.* The Role of South Korea in the Making of a Regional Trade Architecture: Convening, Bridging, and Designing FTA Networks. EAI MPDI Working Paper. 2014. No. 8. 23 p.
- Sohn Y., Koo M.* Securitizing trade: the case of the Korea–US free trade agreement. International Relations of the Asia-Pacific. 2011. Vol. 11. No. 3. P. 433–460.
- Varpahovskis E.* Generating Soft Power Through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy // Contemporary Issues of International Relations: The Problems of International Community / Erendor M., Öztarsu M. (eds.). Cambridge Scholars Publishing. 2020. 421 p.
- Watson I., Pandey C.L.* Environmental security and new middle powers: The case of South Korea // Asian Security. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 70–95.
- Ye M., Heo U., Li Q.* Economic Development and South Korea's UN PKO Participation // Journal of Asian and African Studies. 2018. Vol. 53. No. 5. P. 666–684.

MIDDLEPOWERMANSHIP IN KOREAN FOREIGN POLICY

ALEXANDR VORONTSOV

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031,
Russian Federation

TATYANA PONKA

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, 117198, Russian Federation

ERIKS VARPAHOVSKIS

National Research University – Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

As a result of the Post-Cold War development, the international relations have shifted from bipolarism to a multipolarism. Once relevant Western-born IR theories lack explanatory power. Current IR witness the growing role of the non-Western states both in regional and international domains. Consequently, there is a growing need for appropriate IR theories that could explain the changing world structure, describe the role of new powers in international politics and define future development. Thus, it is essential to study non-Western research that focuses on conceptualization of ongoing processes from its perspective.

The authors analyze the IR theories developed by South Korean scholars. The purpose of this article is to analyze South Korean interpretations of the middlepowermanship that considers the Republic of Korea's

unique regional and global context. South Korean scholars agree on a particular geostrategic location of the state. The geopolitical location, absence of natural resources and limited military power hinder South Korea's ability to use hard power in regional and international politics. However, South Korea's economic development and creative approach in foreign policy translate into middle power diplomacy, which includes niche diplomacy, moderating role in relations between greater powers, regional cooperation promotion, and development of the international legal system.

The authors conclude that South Korean version of middle power theory is continuously being (re) interpreted and adapted to the country's foreign policy. South Korea is to be a bridge between the great powers in the region.

Keywords:

Republic of Korea; Middle Power; Seoul school of IR; Korean Foreign Affairs.

References

- Acharya A. (2003). Will Asia's Past Be Its Future? *International Security*. Vol. 28. No. 3. P. 149–164.
- Ayhan K. J. (2019). Rethinking Korea's Middle Power Diplomacy as a Nation Branding Project. *Korea Observer*. Vol. 50. No. 1. P. 1–24.
- Ban K. (2011). The ROK as a Middle Power: Its Role in Counterinsurgency. *Asian Politics & Policy*. Vol. 3. No. 2. P. 225–247.
- Botero G. (2017). *Botero: The Reason of State*. Bireley J. (Ed.). Cambridge University Press. 273 p. DOI: 10.1017/9781316493953
- Cho Y. C. (2011). Recent discourses on constructing a Korean National School of IR: A reality check. Re-examination of Non-Western International Relations Theories. *Kyoto Working Paper on Area Studies*. Vol. 118. P. 66–94.
- Choi Y. (2009). South Korea's strategy and Middle Power Activism. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 23. No. 1. P. 47–67.
- Chun Ch. (2014a). *Middle power policies as international strategy*. Seoul National University Dissertation. S-space. P. 1–77.
- Chun Ch. (2014b). East Asian Security and South Korea's Middle Power Diplomacy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 6. P. 1–21.
- Chun Ch. (2010). Why is there no non-Western international relations theory? Reflections on and from Korea. In Acharya A., Buzan B. (Eds.) *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. Routledge. London. UK. 248 p.
- Cooper A., Higgott R., Nossal K. (1993). *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. UBC Press. Vancouver. 232 p.
- Cooper A. (1997). *Middle Powers after the Cold War*. Palgrave Macmillan. 221 p. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Easley L. E., Park K. (2018). South Korea's mismatched diplomacy in Asia: middle power identity, interests, and foreign policy. *International Politics*. Vol. 55. No. 2. P. 242–263.
- Efremova K.A. (2016). *Neravnovesnye derzhavy: Myanma v strategicheskom treugol'nike "Kitaj – Indiya – ASEAN"* [Unbalanced Powers: Myanmar in the Strategic Triangle "China – India – ASEAN"]. Moscow: MGIMO-Universitet. 269 p.
- Evans G., Grant B. (1991). *Australia's Foreign Relations: in the World of the 1990s*. Melbourne: Melbourne University Press. 389 p.
- Green M. J. (2019). Is the Era of Korean Middle Power Diplomacy Over? A Realist Perspective. *Korean journal of defense analysis*. Vol. 3. No. 1. P. 1–20.
- Hart J. (1976). Three approaches to the measurement of power in international relations. *International Organization*. Vol. 30. No. 2. P. 289–305. DOI: 10.1017/S0020818300018282.
- Henrikson A. K. (1997). *Middle Powers as Managers: International Mediation within, across, and outside Institutions*. In Cooper A. (Ed.) *Niche Diplomacy*. Middle Powers after the Cold War. Palgrave Macmillan. P. 46–73. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Higgott R. A. (1997). *Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agendas in the Post-Cold War Era*. In Cooper A. (Ed.) *Niche Diplomacy*. Middle Powers after the Cold War. Palgrave Macmillan. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1.
- Holbraad C. (1984). *Middle powers in international politics*. Palgrave Macmillan UK. 234 p. DOI:10.1007/978-1-349-06865-4.
- Hong K. (2009). South Korean approaches to Peacekeeping and Peacebuilding, lessons learned and challenges ahead. *The Journal of East Asian Affairs*. Vol. 23. No. 1. P. 23–45.

- Howe B.M. (2017). Korea's Role for Peacebuilding and Development in Asia. *Asian Journal of Peacebuilding*. Vol. 5. No. 2. P. 243–266.
- Jordaan E. (2003). The concept of a middle power in international relations: distinguishing between emerging and traditional middle powers. *Politikon – South African Journal of Political Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 165–181. DOI: 10.1080/0258934032000147282.
- Kang D.C. (2003). Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 27. No. 4. P. 57–85.
- Kang D.C. (2004a). Hierarchy, Balancing, and Empirical Puzzles in Asian International Relations. *Quarterly Journal: International Security*. Vol. 28. No. 3. P. 165–180.
- Kang D.C. (2004b). The theoretical roots of hierarchy in international relations. *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 58. No. 3. P. 337–352.
- Kaveshnikov N.Yu. (2008). Malye i vrednye? [Small and Harmful?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3 (18). P. 84–92.
- Kim E. (2015). Korea's Middle-Power Diplomacy in the 21st Century. *Pacific Focus*. Vol. 30. No. 1. P. 1–9. DOI: 10.1111/pafo.12044.
- Kim J., Kim S. (2016). South Korea's Middle Power Diplomacy: Toward an Agenda-Partner Based Leadership. *Korean journal of defense analysis*. Vol. 28. No. 2. P. 317–333.
- Kim S. (2011). 한국의 네트워크 외교전략 – 행위자-네트워크 이론의 원용 [Strategies of Korean Network Diplomacy – Perspective of Actor-Network Theory (In Kor.)]. KAIS International Conference.
- Kim S. (2014a). Cyber Security and Middle Power Diplomacy: A Network Perspective. *The Korean Journal of International Studies*. Vol. 12. No. 2. P. 323–352. DOI: 10.14731/kjis.2014.12.12.2.323.
- Kim S. (2014b). Roles of Middle Power in East Asia: A Korean Perspective. *EAI MPDI Working Paper*. 2014. No. 2. 30 p.
- Kim S. (2014c). South Korea's Climate Change Diplomacy: Analysis Based on the Perspective of 'Middle Power Diplomacy'. *EAI MPDI Working Paper*. No. 5. P. 1–39.
- Kim S. (2016). *South Korea's Middle-Power Diplomacy: Changes and Challenges*. Research Paper, Asia Programme. Chatham House Royal Institute of International Affairs. P. 1–16.
- Kim W. (2013). 대한민국의 중견국 공공외교 [Korean middle power diplomacy (In Kor.)]. *Political Science and Communication research*. Vol. 16. No. 1. P. 331–350.
- Ko S. (2015). The Foreign Policy Goal of South Korea's UN Peacekeeping Operations. *International Peacekeeping*. Vol. 22. No. 1. P. 65–80.
- Koldunova E.V. (2016). Defitsit liderstva v Vostochnoj Azii: shansy dlya malykh i srednikh stran [Deficit of Leadership in East Asia: A Chance for Small and Middle Countries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. No. 2 (26). P. 70–81.
- Koo M. (2014). East Asian Maritime Disputes and South Korea's Middle Power Diplomacy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 7. P. 1–21.
- Koo M. (2010). *Island disputes and maritime regime building in East Asia: Between a rock and a hard place*. Springer. 208 p.
- Kook K. H., Young C. Y. (2009). International relations studies in Korea: retrospects and prospects. *Pacific Focus*. Vol. 24. No. 3. P. 402–421.
- Korolyev A.S. (2018). Strategii srednikh stran v otnoshenii velikikh derzhav: opyt Malajzii [Strategies of Middle States towards Great Powers: the Record of Malaysia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 1. P. 90–104.
- Kudryashova I.V. (2008). Legko li byt' srednevelikim [Is it Easy to be Averagely Great]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 3 (18). P. 78–83.
- Lee S. (2012). South Korea as new middle power-seeking complex diplomacy. *EAI Asia Security Initiative Working Paper*. No. 25. P. 1–32.
- Lee S. (2014). South Korea's Middle Power Diplomacy: Multilayered World Order and The Case of Development Cooperation Policy. *EAI MPDI Working Paper*. No. 6. 28 p.
- Park E. (2017). Public Diplomacy of the Republic of Korea: Soft Power and the Future. Challenges & Innovations: South Korea's Soft Power. *CPD Conversations in Public Diplomacy*. University of South California. Los Angeles. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w7jff1C7yyE> (accessed: 21.10.2019).
- Robertson J. (2019). South Korea's missing middle power diplomacy. *East Asia Forum*. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/16/south-koreas-missing-middle-power-diplomacy/> (accessed: 21.10.2019).
- Skriba A.S. (2014). Balansirovanie malykh i srednikh gosudarstv [Balancing of Small and Medium States]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 12. No. 4. P. 88–100.
- Sohn Y. (2012). Middle Powers' Like South Korea Can't Do Without Soft Power And Network Power. *Global Asia*. Vol. 7. No. 3. P. 30–34.

- Sohn Y. (2014). The Role of South Korea in the Making of a Regional Trade Architecture: Convening, Bridging, and Designing FTA Networks. *EAI MPDI Working Paper*. No. 8. 23 p.
- Sohn Y. (2015). Searching for a new identity: South Korea's middle power diplomacy. *Fride Policy Brief*. No. 212. P. 1–6.
- Sohn Y., Koo M. (2011). Securitizing trade: the case of the Korea–US free trade agreement. *International Relations of the Asia-Pacific*. Vol. 11. No. 3. P.433–460.
- Varpahovskis E. (2020). Generating Soft Power Through Education: How South Korea approaches Central Asia with its Education Diplomacy. In Erendor M., Öztarsu, M. (Eds.) *Contemporary Issues of International Relations: The Problems of International Community*. Cambridge Scholars Publishing. 421 p.
- Vershinina V.V. (2020). “Derzhavy srednego urovnya” v mezhdunardonykh otnosheniyakh: sravnitel'nyy analiz kontseptual'nykh podkhodov [“Middle Range Powers” in the International Relations: Comparative Analysis of the Conceptual Approaches]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 11. No. 3. P. 25–40. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>
- Watson I., Pandey C. L. (2014). Environmental security and new middle powers: The case of South Korea. *Asian Security*. Vol. 10. No. 1. P. 70–95.
- Ye M., Heo U., Li Q. (2018). Economic Development and South Korea's UN PKO Participation. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 53. No. 5. P. 666–684.

TRANSNATIONAL EXPERTISE AND EXPERIENCE NETWORKS AND RUSSIA'S ENVIRONMENTAL POLICIES

ANNE CROWLEY-VIGNEAU

ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

This article offers an analysis of why Russia has been struggling to implement the environmental policies adopted by the government. While Transnational Advocacy Networks (TANs), much discussed in the Constructivist scholarship and concerned with forces behind normative and behavioral change, do indeed have an independent effect on the adoption of environmental laws, they act predominantly through inter-governmental channels, not necessarily impacting on society itself. This partly explains why norms get adopted but may end up not getting implemented. Based on the existing literature on TANs, the authors' inquiry establishes the fact that, to be successful in facilitating implementation, transnational networks can operate not only in the capacity of Advocacy Networks for the adoption of norms, but also as what the authors of this article previously chose to refer to as Expertise and Experience Networks, primarily aiming to aid norm implementation. Countries can be affected by TANs but not by TEENs, which might account for the paradoxical situation in Russia regarding norm implementation. The difference between the two only becomes apparent in cases when they do not operate simultaneously.

Keywords:

Transnational Advocacy Networks; Transnational Expertise and Experience Networks; Russian environmental policies.

Since the early 1990s, Russia has adopted a plethora of norms for the preservation of the environment; taken together, these constitute a robust legal framework similar to that of most countries of the EU. Russia is party to the majority of international agreements regarding environmental protection. Nevertheless, the Russian population's awareness of environmental issues remains limited, and the government faces uphill challenges in implementing the elaborate environmental legislation it adopted. The literature on norms implies that

if a norm is "salient" [Cortell, Davis 2000] – in other words, if it has reached the third stage of its life cycle [Finnemore, Sikkink 1998] and if, thereafter, it is translated in the law – there should be no real predicament regarding its proper implementation [Risse, Sikkink 1999]. However, our study of the situation in Russia demonstrates that environmental laws, even when "salient" and adopted under the influence of Transnational Advocacy Networks [Keck, Sikkink 1999], can be a real struggle to implement.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2020

Дата принятия к публикации: 14.10.2020

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: acrowleyvigneau@yahoo.fr

baykovaa@yandex.ru

In line with the existing literature on norms, Transnational Advocacy Networks play a significant role in raising the awareness about norms in the population of a given country. They do so through a variety of mechanisms, both transnational and intergovernmental. If TANs have an influence on the adoption of norms via an intergovernmental format, then society may be unaffected by this influence and the norm in question may not become domestically salient. The Russian case reveals that, typically, little to no attention is paid to the role of Transnational Advocacy Networks after national laws have been adopted. Being "Advocacy Networks", their role may be regarded as "fulfilled" once a norm has taken the shape of a legal rule and the responsibility for its implementation has been passed on to the national government [Betts, Orchard 2014]. However, what we have observed throughout the case study is a genuine struggle to implement norms in situations where norms are not domestically salient; there is also the obvious need for transnational networks, although not in their "advocacy" role but, rather, as facilitators influencing public opinion and aiding in the adaptation of international norms to national conditions. This struggle to domestically reach compliance with international norms, which have been institutionalized, has largely been neglected by the existing International Relations literature [Crowley-Vigneau 2020].

When highlighting the role TANs perform in norm implementation rather than norm adoption and their impact on social awareness within a country, the authors will refer to them as Transnational Expertise and Experience Networks (TEENs), which better qualifies the way networks help to organize and *frame* environmental issues. TEENs are networks that by providing technical expertise and sharing international experience, help norms to locally reach compliance [Vigneau, Baykov 2018]. Hence, in different situations and to emphasize the different functions of international actors, this article will employ the acronym TANs to denote pressure on states for norm institutionalization, and, accordingly, the acronym TEENs to denote pressure exertion and expertise diffusion at all societal levels for norm implementation.

The authors of the present article set out to explore the parameters which impact upon the efficiency of norm implementation and to expose some of the structural, institutional, and sociological causes for the difficulties encountered in the process. It is not the authors' intent to present an exhaustive view of environmental issues nor of Russia's situation, but, rather, through this individual case study, to gauge the role of international interaction in the implementation of environmental norms. The authors use the term "norm" according to Finnemore and Sikkink's definition as "a standard of appropriate behavior for actors with a given identity" (1998) and likewise consider "institution" to be a collection of norms on a particular topic [Finnemore, Sikkink 1998]. When the authors refer to the "government" they imply the authorities of a country. The terms "adoption" and "institutionalization" are used to designate a norm officially entering the legal system in a country, whereas the terms "implementation" and "enforcement" are preferred to describe the attempts to reach compliance with a legal norm. Because of the format of this study, the authors will refer to the influence of TANs and TEENs as a whole, and will not go into detail about the various actors comprising their make-up in each particular case. This article will first consider the reasons why environmental policies have sometimes failed to be implemented in Russia, then will examine the reasons for public unawareness of environmental problems, before defining the role TEENs could play in ensuring environmental norms reach compliance.

1

There are many reasons why environmental legislation has not been fully implemented in Russia; while these are not the focus of the current study, we will review some of the most crucial amongst them in brief before explaining why we consider social awareness (or, indeed, the lack of it) to be the key parameter in the equation.

The first reason has to do with the inertia of social institutions. Social stability persists and self-sustains, in spite of tendencies to change

as ubiquitously found at micro- and macrolevels. Hence, even if a country is pressured to institutionalize a norm because all other countries have done so, one cannot simply assume that this norm will be implemented as a linear outcome of this outside pressure. Change entails effort; the status quo is far easier to maintain. Indeed, among the legislation adopted by governments, there are often laws or dispositions within laws which have been symbolic from the start, a by-product of international mimicry and a tribute to universally recognized values. The intention to implement those norms was never there in the first place. At a maximum, one could conceptualise such norms as references to the ideal scheme of things every nation aspires to attain, but at its own pace and, clearly, in its own time. G. Doron and M. Harris, in describing this “purposeful avoidance” of implementation, note that “there are many policies or laws that no one tends to or can mobilize the resources to enforce” and cite the example of age limits on cigarette vending machines [Doron, Harris 2000]. Similarly, another reason for the lack of implementation could be perception: a law was adopted to test society’s reaction, as well as for affected entities (like firms and other enterprises) to start to prepare for implementation and consider the appropriate accommodation measures to manage the negative affects of the rule being put in place; Thus to the unprepared eye, nothing seems to have changed, and yet the preparation process is underway. This is similar to what was dubbed “prospective intervention” [Janicke 2012], except that the author was considering the effect of a measure being simply announced; we instead extend this theory to the case when a norm has been formally adopted but not fully implemented.

Based on the structural theory, the willingness to implement a norm may well depend on a country’s position in the structure of the international system. If a society or interest groups within it deem their security potentially compromised as a consequence of a given norm being adhered to, the government will

most likely decide to deliberately bypass the implementation phase of the norm, even if it may have succumbed to the pressure to accede to it intergovernmentally [Slaughter 1997]. Political elites may also fear that keeping to an international norm might diminish the state’s sovereignty [Cortell, Davis 2000], another powerful reason to avoid implementation. A strong country does not usually experience any undue concern about international norms, partly because it may have had a lot of influence on the clarification of its content to begin with, so may be more willing to enforce it than a weaker country which had less of a say at the time of its creation. For historical reasons and because of its position in the international hierarchy, Russia has come across as rather suspicious of external normative influence¹, which, *inter alia*, may have left a footprint on its implementation track record of international environmental norms.

The **second** explanation is institutional and linked to the fact that Russia can be presented as a political regime, previously construed as a vertical democracy [Naisbitt 2014]. While “government” is a term habitually used to refer to something cohesive, in reality, especially in vertical democracies, much infighting goes on between various factions of the seemingly united party in power, reflecting the manifold “schools of thought” and intellectual strands within the ruling class, but hence in the society at large, as to the optimal pathway of national development. To exert more influence and stay on in power, each faction seeks to be consistent with the opinion of the majority of the population, using various polls and surveys to monitor public opinion and resort to the polling findings in support of its position. This desire to do what the people demand alongside the constant inter-department fighting can result in paralysis of action, and can serve as an institutional explanation for why norms end up not being enforced.

The **third** reason is that the environmental norms institutionalized in Russia have been imported in large part from abroad, mainly from western countries; they have not been

¹ As reflected by the law on “foreign agent” self-appellation for non-profit organizations of July 2012 for example.

adjusted to local conditions, and may not have been adapted to the levels of social and economic development of the country as a whole or for some of its regions. Norms can be too strict, not progressive enough, and not sufficiently supported by enforcement authorities through a lack of supporting infrastructure or know-how. An essential factor is that when norms are borrowed from elsewhere, there is often no expertise in the receiving country regarding how to go about its proper implementation. An obvious example would be roundabouts: these have been widely imported into Russia with the intent of providing more smooth and accident-free traffic management, but the associated rules regarding how to enforce the norm effectively have not been transmitted alongside the principle; also, little thought went into the specificities of the Russian climate and the fact that in snowy conditions roundabouts increase the risk of skidding and accidents. The consequence is that the situation on the roads has very often become more chaotic than before. Environmental rules suffer similar setbacks.

The **fourth** reason is related to the problem of social awareness. It is the reason that appears to be the most relevant, particularly within the framework of the Constructivist approach to norm implementation [Weiner, Puetter 2009]. The adoption of environmental norms in Russia has been taking place at the government's initiative and with little involvement from social society, business, and other actors, thus leading to implementation difficulties. We will consider the nature of these enforcement problems and show how a lack of environmental awareness could be considered responsible for the setbacks the environmental legislation has been continuously suffering.

The title of the latest OECD project carried out in cooperation with Russia, "Environmental Policy and Regulation in Russia: the Implementation Challenge", remains relevant today,

and the main stumbling blocks have not changed. While many relevant laws exist and the decentralization of responsibility for the environment should have led to better efficiency, there remains a lack of coherence within the legal framework and enforcement difficulties². In pursuit of higher efficiency, environmental authorities in Russia have been reorganized countless times (in 1994, 1996, 2000, 2004)³ making it difficult for them to be consistent or ensure a good quality follow-up of issues.

In the economic sphere, these challenges are openly recognized by experts within the government who note that the "end of pipe approach" has failed and seek out the reasons why: strict norms coupled with low fines and an insufficient system of inspections has made it cheaper for businesses to adopt the "wait and pay" approach than to reform in order to meet the legal requirements [Korppoo et al. 2015].

Another reason is that businesses often perceive environmental policy as strictly declarative, so see the associated rules as just more formalities standing in the way of their core function: making profits. Corporations and their leaders have not internalized the idea that environmental protection can be instrumental in improving their productivity and do not perceive energy saving as economically lucrative. An environmentally friendly culture in corporations, on the other hand, leads to more efficient norm implementation.

The same holds true for the population at large: new environmental norms get brushed aside unless the population has been directly affected or informed about the environmental issue [Sapozhnikova 2005]. An analysis of waste and recycling in Moscow shows that the population has little incentive to sort its waste because the scale of the problem has only recently started to become apparent. The 2017 "garbage crisis" and the related protests marked a turning point; however, an estimated 88% of Moscow garbage still ends up in

² Bartholomy M. et al. 2020. Environmental law and practice in the Russian Federation: overview. Thomson Reuters Practical law. Available at: [https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-013-5609?transitionType=Default&contextData=\(sc.Default\)&firstPage=true](https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-013-5609?transitionType=Default&contextData=(sc.Default)&firstPage=true) (accessed: 07.11.2020).

³ Josefson J.A. 2012. Legislative Overview at a Glance: Russian Environmental Regulations. King & Spalding. Available at: <http://www.kslaw.com/imageserver/KSPublic/library/publication/RussianEnvironmental.pdf> (accessed: 07.11.2020).

Reasons for non-implementation of adopted norms

Reasons	Nature	Variants	Key Actors	Motivations
1	Strategic	Deliberate avoidance, permanent or strategic	National government, elites	Fear, calculation
2	Structural	Political infighting	Factions of national government	Power, survival
3	Mimetism	Norms imported from abroad, either unadapted to local context or transferred without the “know-how” necessary for implementation	TANs and national government	Need for acceptance, belief in usefulness of norm
4	Social	Society does not understand the point of a norm or the importance of the problem it targets	Population, businesses, social groups	Ignorance

landfills⁴. The first recycling and sorting projects launched in 2012 yielded few results as most Russians were unaware of the scheme and didn't understand the point of recycling. The general opinion that “*Russia is vast and that rubbish is taken far away*” has been applied by the Moscow authorities, which have started to move the city's waste to sites in the Russian regions⁵. The challenges of creating a complex recycling system have also led the government to prioritize other solutions such as burning waste⁶. This situation leads to a vicious circle: *the people cannot recycle because there is no infrastructure; and there is no infrastructure because of the pre-conception that the population will not recycle using it*. The result is that the government is not creating the infrastructure necessary for the implementation of the norms it itself signed up for.

2

There are two archetypical ways in which a person becomes aware of a problem: they either see its pernicious mechanism unfolding in action and feel its consequences, or they are told about it. In the case of the environment, except in extreme cases, the second way prevails. Awareness is also something that builds up progressively and the more frequently reliable sources communicate relevant infor-

mation, the more likely the message will get through. Conversely, conflicting information sows the seeds of doubt, undermining the goal in mind.

The process whereby a population becomes sensitive to an issue, such as the environment, is a complex one and is often performed by a network of actors. The analysis of the Russian case shows that while there are internal sources of information regarding environmental protection, they are insufficient, often contradict one another, and are poorly framed. In this regard, the authors will look into the role of the government, the media and NGOs, and by doing so discover that there are few actors from international networks working on environmental awareness in Russia.

Owing to the fact that it has been primarily (if not exclusively) the state that has acted as the entrepreneur of environmental norms in Russia, the population and business were not sensitive to these issues, and the challenge of norm implementation thus emerged. The government took upon itself the task of “enlightening” the population to this effect, as reflected in the President's decree dated from the 30th April 2012 on “The Principles of State Policy in the area of Environment Development of the Russian Federation until 2030”, detailing the measures such as ecological education

⁴ Colas R. 2019 Drowning in waste, Russians fume over lack of recycling. Phys.org. Available at: <https://phys.org/news/2019-06-russians-fume-lack-recycling.html> (accessed: 07.11.2020).

⁵ Solovaya E. 2018 Moscow is solving its waste problem by sending it to the Russian regions. OpenDemocracy. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/moscow-is-solving-its-waste-problem-by-sending-it-to-regions/> (accessed: 07.11.2020).

⁶ Colas R. 2019 Drowning in waste, Russians fume over lack of recycling. Phys.org. Available at: <https://phys.org/news/2019-06-russians-fume-lack-recycling.html> (accessed: 07.11.2020).

in schools and increasing the availability of information regarding some companies' adverse impact on the environment⁷. This process of promoting public awareness is not ineffective, but in the case of Russia it amounts to too little and comes too late, given that there is already a gaping discrepancy between norm adoption and norm implementation.

Transnational Advocacy Networks are useful in norm implementation as they provide an essential channel of transfer of expertise and experience from a multitude of sources at the same time. Networks have a more cogent way of conveying information than states acting by themselves. Currently, Russia is open to few actors of this networking type.

While some may underscore the presence of prominent environmental NGOs (WWF, Greenpeace, Friends of the Baltic and the Russian Social Ecological Union) in Russia, their role in the process of contributing to environmental awareness is limited. Moreover, there has been a waning in the last decade in their activities. The law on "foreign agent" self-appellation for non-profit organizations that receive foreign funding and engage in "political activity" has had a de-stimulating effect on NGOs' proactive stance, with some of them ending up devoid of their principal sources of funding. For example, Environmental Watch on Sakhalin returned 159 thousand dollars from a foreign sponsor so as to avoid the status of foreign agent⁸. That said, Western academic literature on NGOs does corroborate the claim that at the end of the day it may be detrimental for local NGOs to receive money from abroad, as becoming reliant on foreign financing is a stumbling block for a country in developing its own home-grown civil society [Hudock 1999]. The old idea of "who pays the piper calls the

tune" explains the government's genuine concerns regarding foreign financing.

The role of the media in raising public awareness about the environment is ambivalent. The leading federal channels continue to reproduce the clichés about global climate conspiracies about plots to deprive Russia of revenue from the sale of fossil fuels and NGOs working to sabotage the Russian economy⁹. However, there is no denying that acting under the cover of a NGO is a good posture for an organization trying to advance a political agenda, and that it is entirely plausible that multiple abuses of status of this kind were committed in the 1990s under the disguise of helping along the fledgling civic society.

Additionally, when environmentalists take on radical positions they turn the population and the government against them. The case of the activist Yevgenia Chirikova is indicative in this regard: her claim that Russia needs to completely stop selling oil for the environmental situation to improve appears excessive at the least and is unlikely to appeal to the average Russian. The fact that her ideas are taken seriously and relayed by the West (for example, by the *Foreign Policy* magazine¹⁰) shows that criticizing Russia has in some instances been treated as a more important job by the West than having an even-handed assessment of the situation.

Alas, poor framing of environmental issues pushes public awareness about the environment several steps back. A need to deconstruct the current framing of the environment – positing the link between the environment, natural resources, and national security and wealth – is omnipresent and disservices the purpose, both coming from Russian and foreign authors. Famous (or infamous) academic works like

⁷ Russian Federation President's decree. Principles of State Policy in the area of environment development of the Russian Federation for the period up to 2030. April 30, 2012.

⁸ Russian NGO Returns DiCaprio Grant After Labeled 'Foreign Agent'. The Express Tribune. 2015. September 23. Available at: <http://tribune.com.pk/story/962127/russian-ngo-returns-dicaprio-grant-after-labelled-foreign-agent/> (accessed: 19.11.2020).

⁹ Vesti Nedeli s Dmitriyem Kisilevim [Week news with Dmitry Kiselev]. 2015. 28 June. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=jiUvUjcnUT0> (accessed: 19.11.2020).

¹⁰ Lozovsky I. 2015. Russia's Foremost Environmental Activist, in Exile: "Oil Is at Fault for Everything". Foreign Policy. Available at: http://foreignpolicy.com/2015/04/24/russias_foremost_environmental_activist_in_exile_oil_is_at_fault_for_everything_evgeniya_chirikova/ (accessed: 19.11.2020).

“the Siberian Curse”, which recommends that Russia shrink its Siberian Cities in order to return to prosperity [Hill, Gaddy 2003], appear counterproductive to anyone with an environmentalist agenda as they threaten the integrity of the country and its core interests. Scholars have already highlighted the risks for NGOs linked to the loss of their legitimacy, as a result of their overt or implied association with Western hegemony, and to the harmful effects on their activities on the multilevel governance of such cross-border issues as the environment [Risse 2007].

There are few nationwide campaigns regarding the protection of the environment, and those that have been rolled out are relatively recent. Hence, at this point it is hard to appraise their impact on people's attitudes. The campaign “*Vse Ravno?*”¹¹ (Russ.: “Are you indifferent?” or “Do you Care?”), which was launched in 2010 with the support of the Russian Ministry for Healthcare, engages in a form of social education in an array of different domains: health, education, road safety and security, as well as environmental protection. It is highly indicative, in our opinion, that the latter remains the least covered of all topics selected, with only five campaigns launched on just four subjects (disposal of batteries, disposal of waste, saving energy, protection of woods) compared to ten on health (incl. seven on smoking). “*Vse ravno*” addresses specific subjects through concrete situations and then engages the public by each time asking them the question “Do you even care?”. By targeting particular topics and representing situations people experience in their lives, these rather well crafted campaigns enjoy the advantage of communicating a straightforward message (If I hold my barbecue in the forest, I am responsible for a fire), thus getting people to feel personally involved and to perceive the need to modify their behaviour.

While they are positively perceived by the general public, these campaigns have the following drawbacks: they do not show the national and international impact of their issues,

and limit each problem to one of its aspects (not showing the consequences of forest fires for people and animals, for example). This type of framing does not convincingly illustrate that problems like forest fires and waste management are in fact global environmental issues. The campaign on waste is focused on educating people not to drop litter on the ground; for example, the “*Protayani ruku*” (“Reach out”) campaign shows someone picking up some litter. This billboard does not give the general public any insight into the colossal problems of waste in Russia and inadvertently leads to downsizing the problem. While international advertisement campaigns are designed to shock and get people involved in a general cause, Russian advertisements are designed to stop a targeted type of dangerous behavior. The former is more likely to lead to the formation of a responsible society, while the latter is designed to solve a specific problem. The type of advertisements made by NGOs are not as yet widely diffused in the Russian media; this is possibly because the style is perceived as too dramatic and not sufficiently specific. Russia has yet to elaborate its own authentic style of environmental campaigning, which can raise the general awareness of the population on the full scope of environmental problems the country has to reverse.

Public unawareness of environmental issues stems from the fact that the initiatives to sensitize the population are recent, uneven, and spearheaded mainly by the state. The main argument of this study is that governments can choose not to involve TEENs to increase social awareness for reasons of a higher order such as national security, but that they should be aware that by so doing they are complicating the process of norm implementation. Nevertheless, TEENs appear as powerful actors in increasing public awareness on environmental issues.

3

Transnational Advocacy Networks can lead to norm adoption by a national government through intergovernmental mechanisms, with

¹¹ Vse Ravno [Don't care] Campaign Website. Available at : <http://vse-ravno.net/campaigns> (accessed: 19.11.2020).

the society of the target country remaining totally unaware of the process and having no contact at all with non-governmental actors. The Russian case and the implementation gap it reveals brings us to expand on the notion of TANs, which go beyond being advocacy networks to assuming an entirely new role as Transnational Expertise and Experience Networks. We argue that TEENs play the role of catalyst and facilitator in norm implementation by raising public awareness about the problems and the norms and by aiding in the adaptation of international norms to local conditions. Scholars have depicted how international institutions can contribute to giving voice to concern and exposing the implications of environmental problems [Haas et al. 1993], as well as the role NGOs can play during the national implementation of an international norm by offering monitoring and information gathering capacities and by putting pressure on the State by placing the implementation process of a norm in a country in the limelight [Risse 2007]. However, the role of TEENs takes on a new dimension as it does not focus on outside pressure and checking mechanisms, “catching the wrongdoers out”, but, rather, assumes that the reasons for non-implementation are linked to an inability, sometimes carefully concealed, to do so. TEENs involve a multitude of different actors, which can actually help countries develop and implement their legislation.

The literature has identified a number of factors that render a norm successful in terms of domestic implementation such as a cultural match (norm resonates with domestic norms, beliefs, obligations), rhetoric by leaders supporting the new norm, a positive link between the norm and domestic interests, and strong domestic institutions [Cortell, Davis 2000]. While these criteria are mostly considered as a given, we argue that TEENs can have a direct impact on changing these actors and factors, as well as on improving the “political system’s capacity for environmental policy” through modernization strategies [Janicke, Weidner 2012]. A network type of interaction may be the most efficient way to improve this capacity, addressing and framing environmental issues

and norms so as to make them appealing to the Russian population or financially worthwhile for businesses.

TEENs are comprised of diverse actors: international churches, non-governmental organizations, lobbies, experts, universities, transnational corporations, the media, social movements, trade-unions, and parts of governments, but also of individuals who decide to network in favor of a cause. As described in the literature, TEENs play the role of catalyst and facilitator in norm implementation by raising public awareness about the problems the norms address and by aiding in the adaptation of international norms to local conditions [Vigneau, Baykov 2018]. TEENs can impact upon environmental awareness in Russia in several ways: by showing businesses that the price to pay for harming the environment is high and that being environmentally friendly offers a competitive edge in the international arena; by supplying information to the population and relating some success stories; by sharing the international experience of efficient framing; and by providing the Government with expertise, emphasizing the economic benefits of recycling and acting as a constant reminder of the salience of environmental issues.

Impact on Business

TEENs can play an important part in **helping along** norm implementation through more decisive actions in the corporate sector. For Russian companies, to stop playing cat and mouse with the Russian environmental compliance authorities, they should be made aware of the advantages for businesses of adhering to these norms and reforming their system of production accordingly. TEENs have many ways of putting this information across to companies and showing them that complying with environmental regulation, as well as anticipating it, serves their economic and reputational interests. Multinational corporations can set an example for other firms and share not only their success stories but also the technical solutions they found for each challenge. The corporation *Zara* operates a clothing recycling program in Russia, using its experience of do-

ing so abroad¹², “second-hand” shops are appearing on the streets of Russia’s main cities¹³. The attitude to environmental issues in firms can radically change under the influence of TEENS.

Encouraging firms to participate in voluntary types of environmental management systems is an efficient means of encouraging them to cut down on their emissions. Szymanski and Tiwari [Szymanski, Tiwari 2004], in their study of 264 manufacturing facilities in the US that had obtained ISO 14001 certification from 1996 to 2001, discovered that 75% of them “experienced a reduction in their emissions”. Such participation in voluntary programs provides “non-rival but potentially excludable benefits to members” who are willing to spend more on taking environmental action, as they reap “reputational benefits” that you do not otherwise obtain if you act unilaterally [Potoski, Prakash 2005].

Furthermore, interest in ISO standards is growing internationally, and some countries – such as the UK, the Netherlands and South Africa – have already announced they would favor ISO 14 001 certified companies in procurement contracts [Emetumah 2017]. Hence, not only do companies stand to save money by complying with environmental norms, but they also enjoy a better reputation on international markets. The Russian government, acting hand in hand with international business associations, could raise the awareness about ISO standards among companies and the general public. The promotion of such standards leads companies to fully enter the transnational network, interacting with international agencies and businesses, exchanging information and best practices and negotiating their presence on the international market.

Another way of integrating into TEENS and of encouraging firms to fulfill environmental norms is by “naming and shaming” guilty actors across the country. Non-governmental organizations carry out campaigns revealing which companies breach environmental standards. The NGO *CorpWatch* coined the term “greenwash” to qualify companies which are socially and environmentally destructive but which try to expand their markets by posing as friends of the environment¹⁴. These efforts gain in efficiency when they are relayed by the media, as in the case of the *Guardian* and its Greenwash column¹⁵. Sometimes pressure from outside is an effective technique to get companies to conform to national policies. As they include large multinational corporations, worldwide consumer networks, trade unions, and non-government associations, TEENS have the power to advise, influence and pressure firms, leading them indirectly to observe environmental norms adopted by the government of the country they operate in.

Impact on population

The effectiveness of international interaction also applies to the population at large. TEENS can draw people’s interest to a specific topic and provide information. Many actors can be involved: organizations, universities, but also individuals who through social networks can defend causes they believe in.

Consumers may perceive it as their duty to get involved in monitoring the activities of local businesses. In the “Green State” Eckersley remarks that “All those potentially affected by ecological risks ought to have some meaningful opportunity to participate or be represented in the determination of policies or decisions that may generate risks” [Eckersley 2004]. Indeed,

¹² Clothes collection 2020. Zara. Available at: <https://www.zara.com/ru/en/sustainability-collection-program-mkt1452.html> (accessed: 11.11.2020).

¹³ Davies K.M. 2019. Can a new range of charity shops break Russia’s second-hand stigma? The Calvert Journal. Available at: <https://www.calvertjournal.com/articles/show/11147/sustainability-russia-retail-charity-shops-busting-second-hand-stigma> (accessed: 11.11.2020).

¹⁴ Acaroglu L. 2019. What is greenwashing? How to spot it and to stop it. Disruptive Design. Available at: <https://medium.com/disruptive-design/what-is-greenwashing-how-to-spot-it-and-stop-it-c44f3d130d5> (accessed: 11.11.2020).

¹⁵ Greenwash. The Guardian. 2020. 15 April. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/series/greenwash> (accessed: 11.11.2020).

when consumers realize that there is a reliable way of assessing the impact a company has on the environment, they begin to favor those companies that make an effort to be "green". TEENs can enhance a population's sensitivity to environmental issues and contribute to correctly "framing" a given problem, presenting it in the right way "to fit a venue and to resonate with a broader public" [Keck, Sikkink 1998].

Environmental challenges are complicated to convey to the general public as there is always more than a hint of uncertainty regarding what may be impactful within a certain timescale. Going into scientific technicalities, presenting fickle expert assessments, and touching on a multitude of issues at once increases the risk of confusion. International NGOs have experience in "turning cold facts into human stories" [Keck, Sikkink 1998] and appealing to people's interests. Informing the population what they may save by cutting back on their energy consumption is a strategy which could work well in combination with an emotionally moving representation of the general good for the environment resulting from a small effort.

In a vast country like Russia, endowed with abundant resources, the population is routinely led to think that something so seemingly small, such as properly disposing of one's batteries, is bound to have virtually no impact whatsoever on anyone's or anything's wellbeing. A proper framing of the issue could alter such perceptions. Meanwhile, to perform effectively when interacting with or through TEENs, NGOs and their activities should not be framed as perilous to a country's sovereignty. It is noteworthy in this regard that, precisely with this in mind, some of the most effective NGO campaigns posed themselves as defending national interests. A telling example is *Greenpeace's* campaign against the export of

French Nuclear waste by *AREVA* to Russia¹⁶. Behavioral changes as a result of interaction with TEENs lead to a greater willingness amongst the population to respect environmental norms [Tarrow 2005]. For example, this means that when the government chooses to start sorting and recycling waste, the population will be ready to comply.

Impact on Government

As concerns the government authorities, going beyond intergovernmental relations and starting to interact with other actors making up TEENs presents a number of advantages, such as obtaining more accurate and comprehensive information, practical support, and help in adapting norms to the local conditions. TEENs could aid in implementing recycling in Russia by disseminating information regarding the state of dumps located near towns, by explaining the associated health hazards, by sharing the experience of countries which have overcome this kind of challenge, by helping to design infrastructure suited to Russian conditions, by sharing the system of financial initiatives with the authorities as elaborated in other countries etc. TEENs can provide expert assessments of the economic benefits of recycling in a specific country, region or town, hence giving the population and the authorities an incentive to change their ways. According to one estimation, Russia could yearly save 60 billion rubles alone were it to fully recycle its hard household waste (against the 15% currently recycled)¹⁷. Statistics regarding air pollution help to comprehend the health and economic toll of this phenomenon, with experts assessing the number of fatalities it causes in Russia at 100 thousand a year and the economic cost at 8,3% of the Russian Gross National Product¹⁸.

TEENs bring in diverse actors that share a myriad of different experiences and make it

¹⁶ Public Pressure Stops French Nuclear Waste Export to Russia. Greenpeace International. Available at: <http://www.greenpeace.org/international/en/news/features/Public-pressure-stops-French-nuclear-waste-export-to-Russia/> (accessed: 29.05.2010).

¹⁷ Solving the problem of municipal solid waste management in Russia. 2018. Available at: <http://meridianodobra.ru/wp-content/uploads/2018/11/recycling-in-russia-eng.pdf> (accessed: 11.11.2020).

¹⁸ Average number of deaths attributable to air pollution in Russia from 1990 to 2017*. Statista. 2017. Available at: <https://www.statista.com/statistics/827771/air-pollution-deaths-russia/> (accessed: 11.11.2020).

possible to adapt international norms to a local context. They do not act by putting pressure on the government but, rather, by helping it to frame issues and raise awareness about a problem among the population and corporations.

The case study of Russian environmental law reveals that there are situations in which transnational networks influence national governments and lead to the adoption of new laws, without society being aware of or ready for these new norms. This study shows that the involvement of transnational networks at the “advocacy stage” does not ensure their participation or help at the implementation stage. We identify this as one of the reasons why norms adopted by national governments with international support occasionally fail to reach compliance. This study also reveals the multiplicity of roles performed by transnational actors,

going well beyond advocating a cause, and the need for their intervention as Transnational Expertise and Experience Networks, raising awareness among the population and helping national governments with implementation. One of the key problems today is that, due to the difficulties in implementing norms and the lack of appreciation of the potential benefits of environmental protection, companies, the population at large, and even the authorities themselves have started to seriously question whether there is much point in implementing the existing norms to their spirit and letter. While political speeches on environmental topics still flourish, the interest in the relevant norms as well as their implementation runs the risk of gradually dissipating into the void, and their salience is being increasingly, albeit covertly, contested.

References

- Betts A., Orchard P. (Eds.). (2014). *Implementation and world politics: how international norms change practice*. OUP Oxford.
- Crowley-Vigneau A. (2020). Norm Implementation: the Achilles' Heel of Constructivist Theory?. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. Vol. 13. No. 4. P. 199–215. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-199-215>
- Doron G., Harris M. (2000). *Public Policy and Electoral Reform: The Case of Israel*. Md.: Lexington Books. 127 p.
- Eckersley R. (2004). *The Green State. Rethinking Democracy and Sovereignty*. Cambridge, MA: MIT Press. 331 p.
- Emetumah F. C. (2017). Integrated management systems as a risk management tool: Combining ISO 9001, ISO 14001 & OHSAS 18001 standards in process industries. *Risk, Reliability and Safety: Innovating Theory and Practice*, 1216–1221.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change, *International Organization*. Vol. 52. No. 4. P. 887–917.
- Haas P., Keohane R., Levy M. (eds) (1993). *Institutions for the Earth: Sources of International Environmental Protection*. Cambridge: MIT. 448 p.
- Hill F., & Gaddy C.G. (2003). *The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold*. Brookings Institution Press.
- Hudock A. (1999). *NGOs and Civil Society: Democracy by Proxy?* Polity. 120 p.
- Keck M., Sikkink K. (1999). *Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics*. Ithaca: Cornell University Press. 228 p.
- Korppoo A., Tynkkynen N., Hønneland G. (2015). *Russia and the politics of international environmental regimes: Environmental encounters or foreign policy?* Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 161 p.
- Naisbitt J. (2014). Vertikal'naya demokratiya v Kitae [Vertical democracy in China]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 7. No. 3. P. 45–46.
- Risse T. (2007). Transnational Actors and World Politics. In: Zimmerli W. C., Richter K., Holzinger M. (eds) *Corporate Ethics and Corporate Governance*. Springer Berlin Heidelberg. P. 251–286.
- Risse T., Sikkink K. (1999). *The Power of Human Rights: International Norms & Domestic Change*. Cambridge.
- Sapozhnikova V. (2005). *Environmental Protection in Russia: The Evolution from Strict Enforcement Measures and Environmental Compliance Control to New Combined Approaches Based upon Preventive Strategies*. Proceedings of the Seventh International Conference and Enforcement, INECE, 7th Conference. Washington DC, pp. 183–188.
- Slaughter A.M. (1997). *The Real New World Order*. Foreign Affairs: New York.

- Szymanski M., Tiwari P. (2004). ISO 14001 and the Reduction of Toxic Emissions. *The Journal of Policy Reform*. 7(1): 31–42.
- Tarrow S (2005) *The New Transnational Activism*. Cambridge University Press.
- Vigneau A., Baykov A. (2018). Pochemu gosudarstva zaimstvuyut ekologicheskie normy: opyt Rossii [Transnational Networks and Russia's Environmental Policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 137–153.
- Weiner A., Puetter U. (2009). The Quality of Norms is what Actors Make of It: Critical Constructivist Research on Norms, *Journal of International Law and International Relations*. 5(1): 1–16.
- Russian Federation President's decree (2012). *Principles of State Policy in the area of environment development of the Russian Federation for the period up to 2030*. April 30.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРТНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПРИРОДООХРАННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

АНН ВИНЬО
АНДРЕЙ БАЙКОВ

МГИМО–Университет, Москва, 119454, Российская Федерация

Резюме

В статье излагаются результаты исследования, конечная цель которого состояла в том, чтобы объяснить, почему Россия испытывает трудности с соблюдением природоохранных норм, уже закреплённых на уровне законодательства. Трансграничные общественные движения в защиту тех или иных претендующих на универсальную применимость и глобальное значение стандартов поведения, функционирующие по сетевому принципу организации и часто обозначаемые в специализированной литературе термином «транснациональные сети убеждения» (transnational advocacy networks, TANs), действительно играют важную роль в развёртывании жизненного цикла норм, ускоряя процесс её осознания на международном уровне и способствуя её принятию в национальных рамках. Вместе с тем, поскольку эти сети действуют преимущественно в глобальном срезе мирополитической системы, их влияние практически не заметно внутри отдельных политий, на уровне их общественного сознания. Это отчасти объясняет то, почему нормы принимаются, но могут оставаться полностью или частично нереализованными.

Начиная с 1990-х годов Россия имплементировала в свою законодательную систему обширный корпус норм и стандартов, регулирующих различные аспекты защиты окружающей среды. В совокупности они образуют довольно разработанную и зрелую отрасль внутреннего права, во многом сравнимую по степени своей детализации и охвату с лучшими мировыми практиками. Сегодня Россия – участник большинства международных соглашений природоохранного профиля. Вместе с тем осведомлённость населения России о реальном состоянии экологических проблем в стране, адекватное осознание им масштаба и важности практических усилий по их ослаблению и разрешению по-прежнему остаются весьма незначительными, что в немалой степени снижает эффективность правительственных мер по реализации принятых на себя обязательств в экологической сфере.

В рамках сложившегося научного дискурса по проблематике эволюции норм утвердилась концепция, согласно которой если норма становится «значимой» (salient), или иначе – достигает третьей

фазы своего жизненного цикла, то после того, как она принимается в национальных рамках и обретает силу закона, на пути её практического внедрения не должно возникать никаких существенных препятствий.

Между тем наш анализ ситуации в России показывает, что экологические нормы, даже «значимые» и принятые под влиянием так называемых транснациональных сетей убеждения (Transnational Advocacy Networks, далее – TANs), сталкиваются с серьёзными проблемами на стадии реализации (внедрения и соблюдения). В согласии с утвердившимся в специализированной литературе пониманием TANs играют важную роль в повышении уровня осведомлённости о важности тех или иных норм и добиваются этого с помощью различных механизмов, как транснациональных, так и межправительственных. В то же время деятельность TANs, осуществляемая в межправительственном формате, как правило, никак (или весьма незначительно) не затрагивает само общество. Как следствие, международная неоспариваемая норма может носить далеко не безусловный характер внутри страны, то есть не приобрести статуса «значимой» – в терминах соответствующего научного дискурса.

Изучение российского опыта свидетельствует, что после того, как та или иная международная норма имплементируется в национальное законодательство, дальнейшая роль TANs в процессе практического внедрения норм и её последующего соблюдения по существу остаётся за кадром исследовательского фокуса. Последнее в известном смысле объяснимо, поскольку роль TANs можно считать выполненной после того, как норма облечена в законодательную форму, а ответственность за её соблюдение передана национальному правительству. В то же время не редки случаи, когда в силу того, что та или иная норма не воспринимается как «значимая» населением страны, наблюдается стагнация уже законодательно оформленных норм.

В статье предпринята попытка исследовать параметры, которые влияют на эффективность реализации нормы, а также выделить некоторые структурные, институциональные и социологические причины трудностей в реализации нормы. Целью данной статьи не является представление исчерпывающих сведений о проблемах окружающей среды или специфический обзор конкретно российской ситуации.

Исходная гипотеза настоящего исследования состоит в том, что для повышения эффективности соблюдения норм транснациональные сети должны перейти из «режима пропаганды» принятия норм в режим «опосредования» и трансляции экспертно-практического знания, или компетенций, необходимых для адаптации нормы к местным условиям для её эффективного внедрения. В последнем случае авторы будут обозначать такие сети как транснациональные экспертно-профессиональные сети (transnational expertise and experience networks). Их главное предназначение заключается в том, каким образом адекватно дискурсивно оформить (frame) экологические проблемы, с тем чтобы повысить ранг их значимости в глазах населения. Эвристически различие между ними становится очевидным и аналитически существенным только в тех случаях, когда они не функционируют одновременно.

Ключевые слова:

транснациональные сети убеждения; транснациональные профессионально-экспертные сети; экологическая политика в России.

ЛИДЕРСТВО В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

ЕЛЕНА СОБОЛЕВА
СВЕТЛАНА КРИВОХИЖ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Резюме

В условиях многополярности возрастает роль региональных держав, которые стремятся занять лидерские позиции и оказывать влияние на формирование регионального порядка. Нередко за роль лидера в регионе соревнуются сразу несколько стран, однако возможны и другие варианты, например асимметричное лидерство. Асимметричное лидерство подразумевает, что региональная держава не пытается стать единственным лидером во всех сферах, а степень и характер её вовлечённости в решение разных проблем региона различны. В данной работе на примере политики КНР в Центральной Азии авторы пробуют осмыслить феномен асимметричного лидерства. В теоретической части работы обозначены основные положения теории лидерства в международных отношениях, которые использованы для оценки политики Китая в Центральной Азии. В эмпирической части рассмотрены институты, региональный фокус, цели, материальные и идеологические ресурсы китайских инициатив, а также анализируются мотивы, которыми руководствовался Китай при выборе своей региональной стратегии. Авторы заключают, что в Центральноазиатском регионе КНР демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), однако способы реализации этих амбиций существенно различаются. Например, создание специальных институтов Пекин инициировал только для сотрудничества по вопросам нетрадиционных угроз безопасности и финансового управления. Это говорит об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: очевидно, что главная задача КНР – не получение символического статуса лидера, а достижение конкретных целей внешней политики. Пример Центральной Азии, которая традиционно относилась к сфере влияния России, позволяет изучить варианты реакции одного крупного игрока на лидерские проекты другого. В китайских проектах в Центральной Азии Россия играет разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. Роль России определяется её ресурсами в каждой сфере и наличием собственных лидерских амбиций, а также желанием КНР поддерживать дружественные отношения с Москвой.

Ключевые слова:

внешняя политика КНР; лидерство; Центральная Азия; ШОС; ОПОП; АБИИ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00030.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.01.2020

Дата принятия к публикации: 11.03.2020

Для связи с авторами / Corresponding authors:

Email: edsoboleva@hse.ru

skrivokhizh@hse.ru

Одна из специфических особенностей международных отношений в условиях многополярной структуры [Acharya 2018; Кортунов 2019; Бусыгина 2019] – возрастание роли региональных держав. Эти государства обычно не обладают достаточными ресурсами (и мотивацией) для трансформации в глобальную державу, однако стремятся оказывать влияние на формирование регионального порядка [Воскресенский 2004: 25]. Такая ситуация заметно отличается от времён биполярной и однополярной систем международных отношений. В биполярной системе две сверхдержавы, пользуясь своим превосходством, навязывали свою волю остальным государствам. Мир был поделён на сферы влияния, которые Советский Союз и Соединённые Штаты стремились максимально расширить. В однополярной системе, которая пришла на смену биполярной с распадом СССР, такой мощью обладало лишь одно государство – США. В современном мире складывается ситуация, которую Барри Бузан обозначил как движение к «миру без сверхдержав» [Buzan 2011]. Более того, в своей работе «Лидерство и мировой порядок» отечественный исследователь феномена лидерства в международных отношениях Т.А. Шаклеина приходит к выводу, что в современных условиях «миру не нужен ни гегемон, ни лидер» [Шаклеина 2015: 17].

В условиях «децентрализованного глобализма» отдельные государства или группы государств начинают играть структурообразующую роль в своих макрорегионах, берут на себя роль лидера. Стратегии таких государств по выстраиванию отношений в регионе представляют интерес для исследователя. В данной работе на примере политики КНР в Центральной Азии мы рассматриваем феномен асимметричного лидерства, когда региональная держава не пытается единолично доминировать во всех сферах, а степень и характер её вовлечённости в решение разных проблем региона различен.

Мы попытаемся определить, как и почему региональная держава выбирает сферы для своих лидерских проектов, что влияет на её стратегию. Пример Центральной Азии, которая традиционно относилась к сфере влияния России, позволяет изучить варианты реакции одной региональной державы на лидерские проекты другой. Основное внимание мы уделим потенциальному лидеру – КНР, в то время как позиции и интересы стран Центральной Азии в статье обсуждаются бегло и могут стать предметом последующих исследований.

Возвышение Китая породило много споров о том, какую роль страна будет играть в глобальной и региональной политике. Китайские исследователи и чиновники нередко подчёркивают, что Китай – развивающаяся страна и не ставит перед собой цель стать мировым лидером. Профессор Народного университета Китая и советник при Госсовете КНР Ши Иньхун отмечает, что Китай готов стать «членом группы лидеров, но не единоличным лидером»¹. Мы показываем, что, по крайней мере в Центральной Азии, КНР не претендует на единоличное лидерство во всех сферах. В этом регионе Пекин демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), способы реализации этих амбиций существенно различаются в плане институционализации, общей региональной направленности, числа последователей, участия других региональных держав, объёма прилагаемых усилий. Это говорит об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: очевидно, что главная задача КНР – это не получение символического статуса, а достижение конкретных целей внешней политики.

1

Категории «лидер» и «лидерство» в литературе по международным отношениям трактуются неоднозначно. Зачастую поня-

¹ China doesn't want to be the only world leader, says State Council counselor. CNBC. 06.06.2017. URL: <https://www.cnbc.com/2017/06/06/china-doesnt-want-to-be-the-only-world-leader-says-state-council-counselor.html> (accessed: 01.09.2019).

тия «лидерство», «гегемония» и «доминирование» используются как синонимы, поэтому для проведения исследования очень важно внести ясность в вопросы терминологии.

Одними из первых определение понятия «лидерство» в контексте международных отношений дали Оран Янг и Арилд Андердаль. Янг определил лидерство как «деятельность отдельных лиц, призванная решить “проблему коллективного действия”, которая препятствует достижению общих целей в рамках институциональных переговоров» [Young 1991: 288]. У Андердаля лидерство — это «асимметричные отношения власти и подчинения, в которых один субъект управляет поведением других с целью достижения конкретной цели в течение определённого периода времени» [Underdal 1991: 139]. Андердаль сформулировал набор характеристик, которые отличают лидерство от других форм взаимодействия в международных отношениях. Основное содержание *отношения* между лидером и последователями — коллективное стремление к достижению общего блага. Такого рода отношения не могут быть основаны только на принуждении; они подразумевают наличие общих ценностей и убеждений. Модель этих отношений имеет некоторую структуру и реализуется в заданный период времени [Underdal 1991: 141].

Таким образом, чтобы выяснить, можно ли назвать лидерством политику, проводимую региональной державой, необходимо решить ряд вопросов. *Во-первых*, оценить характер отношений между таким государством и его соседями: статус лидера обоснован, только если таковым его признают другие субъекты (его последователи) [Cooper 1991]. *Во-вторых*, проанализировать характер целей потенциального лидера и его мотивацию. Малнз отмечает, что спектр интересов лидера должен включать в себя интересы широкой группы государств, его последователей [Malnes 1995: 94]. Что касается мотивации, довольно трудно определить, что движет поведением субъектов в международных отношениях, и оценить, являются ли их поступки эгои-

стичными или альтруистическими. В этой связи наиболее вероятно формирование отношений лидер—последователь в ситуации, когда интересы региональной державы совпадают с интересами других государств. *В-третьих*, для выявления случаев лидерства необходимо выявить инструменты, которые государство использует для установления и поддержания отношений с последователями. По мнению И.М. Бусыгиной, использование только материальных инструментов больше похоже на гегемонию или господство, а не лидерство. Отечественный исследователь приходит к выводу, что наилучшей стратегией эффективного лидерства является создание у последователей рациональных стимулов следовать за ним. Она уточняет, что «...такие стимулы могут быть созданы через общие институты, сокращение для последователей издержек на реализацию общих проектов, предоставление возможности фрирайдерства» [Бусыгина 2019: 124].

При выборе последователей и лидера важную роль играет географическая близость. Вместе с тем даже в рамках одного региона потенциально есть множество сфер, в которых государство может взять на себя роль лидера: традиционная и нетрадиционная безопасность, торговля, защита окружающей среды. Кроме того, часто происходит наложение зон влияния. Соответственно, региональные державы вынуждены взаимодействовать между собой, и это необязательно подразумевает соперничество. Возможны варианты со-лидерства (когда две или более стран разделяют между собой ответственность в определённой сфере) или разделённого лидерства (когда разные лидеры формируют повестку дня в разных проблемных областях). Бреслин считает, что, поскольку всё больше участников международных отношений способны и хотят играть лидирующие роли в современном мире, идея функционализма Дэвида Митрани может быть полезной для понимания этого процесса [Breslin 2017: 509].

Итак, с точки зрения теории лидерства существует множество вариантов поведе-

ния региональной державы. Одной из таких стратегий является асимметричное лидерство, то есть ситуация, когда региональная держава не пытается стать единственным лидером во всех сферах, а проявляет больше активности в одних областях и меньше в других. При этом она налаживает взаимодействие с другой региональной державой, которую государство-лидер в разной мере вовлекает в свои проекты.

В следующей части работы с точки зрения теории лидерства мы анализируем стратегию Китая в Центральной Азии в четырёх сферах: безопасность, экономика, финансы и экология. Именно в этих четырёх сферах Китай обозначил свои лидерские амбиции наиболее отчётливо. *Во-первых*, мы рассмотрим, существуют ли какие-либо институты, которые можно рассматривать как основу для лидерских проектов в каждой из рассмотренных областей. *Во-вторых*, мы оценим, насколько цели китайских проектов отвечают запросам потенциальных последователей. *В-третьих*, мы охарактеризуем ресурсы, которые Китай использует для привлечения последователей. Наконец, последний подраздел посвящён роли другого крупного игрока в Центральной Азии – России – в китайских проектах. Это позволит нам выявить и сравнить стратегии Китая в четырёх названных сферах и объяснить существующую разницу.

2

Сюн Гуакай отмечал, что после «холодной войны» «Китай, не упуская из виду традиционных угроз безопасности, акцентирует внимание и на нетрадиционных угрозах.» [Сюн 2009]. Новый взгляд на безопасность нашёл отражение в политике КНР в Центральной Азии, где Пекин с 1990-х годов сотрудничал с местными государствами в борьбе с нетрадиционными

угрозами безопасности, среди которых приоритетное внимание уделял терроризму. Изначально это сотрудничество осуществлялось в рамках «Шанхайской пятёрки», на смену которой в 2001 г. пришла Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная четырьмя государствами Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), Китаем и Россией. В 2017 г. в качестве полноправных членов к ШОС присоединились Индия и Пакистан.

Несмотря на то что нетрадиционные угрозы безопасности, будучи транснациональными, выходят за границы привычных пространственных ареалов, членство в ШОС имеет региональную привязку. В статье 13 Хартии ШОС (2002) сказано, что «ШОС открыта для приёма в её члены других государств региона». Вместе с тем границы самого упоминаемого региона никак не определены. Согласно «Положению о порядке приёма новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества» (2010), государство, желающее стать членом объединения, должно «принадлежать к евроазиатскому региону». Такой региональный фокус ШОС часто объясняется тем, что в Евразии существуют свои нормы, поэтому для неё требуются собственные институты [Aris, Snetkov 2013: 211].

Пекин изначально не был заинтересован в расширении ШОС² и увеличении числа участников сотрудничества по борьбе с терроризмом, так как «для Китая основная зона ответственности ШОС – это Центральная Азия» [Денисов, Сафранчук 2016: 118]. КНР даже инициировала создание альтернативных механизмов по борьбе с терроризмом меньшего масштаба. В китайском городе Урумчи летом 2016 г. на встрече начальников генштабов вооружённых сил Таджикистана, Китая, Афганистана и командующего сухопутными силами ар-

² Изменение позиции КНР по вопросу расширения ШОС объясняют тем, что Пекин был разочарован низкой эффективностью работы данной организации и невозможностью достичь консенсуса по ключевым вопросам. Ввиду снижения значимости ШОС для китайской внешней политики Пекин согласился на присоединение к ШОС Индии при условии, что туда вступит и Пакистан. См.: *Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов. Московский Центр Карнеги.* URL: <https://carnegie.ru/commentary/71212> (дата обращения: 27.07.2020).

мии Пакистана была достигнута «договорённость о создании коалиции и формировании четырёхстороннего механизма для совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом»³. Кроме того, Китай развивал двустороннее сотрудничество по борьбе с терроризмом с Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией [Reeves 2018: 508].

В рамках ШОС все государства-члены имеют одинаковые права, а решения в организации принимаются на основе консенсуса без голосования. Несмотря на это, Сун утверждает, что Китай определяет большую часть повестки в ШОС, даже создание объединения стало результатом инициативы Китая по обновлению «Шанхайской пятёрки» [Song 2018: 57]. Несмотря на сдержанное отношение других членов ШОС к созданию совместного антитеррористического механизма, Китай успешно использовал 11 сентября для повышения актуальности этого вопроса, и в 2004 г. была образована Региональная антитеррористическая структура (РАТС) [Song 2018: 57–58]. С 2006 г. РАТС стала ежегодно выступать соорганизатором антитеррористических учений⁴.

Что касается экономического сотрудничества и помощи в развитии, КНР ещё в 1990-х годах начала предоставлять странам Центральной Азии льготные кредиты для закупки товаров народного потребления в Китае [Bossuyt 2019: 10]. В середине 2000-х годов Пекин выдвинул ряд предложений по укреплению экономического сотрудничества в ШОС, таких как создание зоны свободной торговли. Поскольку китайские инициативы не получили ожидаемой поддержки, Китай стал использовать собственную инициативу — «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП), которая

позже стала позиционироваться как часть проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП, другое название — «Пояс и путь»), — для продвижения экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. С 2013 года, когда Си Цзиньпин впервые выступил с предложением создать ЭПШП, все китайские проекты в области развития и экономического сотрудничества в Евразии стали позиционироваться как его часть.

Сотрудничество в рамках ОПОП не институционализировано. К концу июля 2019 г. 136 стран подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП (обычно это меморандум о взаимопонимании). Среди них четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан)⁵. Подписание Меморандума о взаимопонимании едва ли можно считать признанием лидерства, поскольку он не создаёт ни обязательств для присоединяющихся государств, ни ограничений для региональной державы. КНР согласовывала условия сотрудничества с каждым последователем на двусторонней основе. В этой связи Ривз указывал, что основная цель китайской инициативы — дать концептуальное объяснение расширению двустороннего сотрудничества КНР со странами региона [Reeves 2018]. При этом китайские проекты в области содействия развитию и экономическому сотрудничеству были ориентированы на Евразию в целом, то есть имели более широкий фокус, чем инициативы в области борьбы с терроризмом, которые до расширения ШОС объединяли только КНР, Россию и страны Центральной Азии.

Помимо сотрудничества по противостоянию нетрадиционным угрозам безопасности и реализации инфраструктурных

³ Хроленко А. Зачем Китай строит военную базу в Афганистане и при чём тут Таджикистан. Sputnik. URL: <https://tj.sputniknews.ru/columnists/20180115/1024425253/tadzhikistan-ukreplyayet-voyennyye-svyazi-kitayem-afganistanom.html> (дата обращения 22.11.2019).

⁴ Топычканов П. ШОС — это по-нашему. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/07/21/ru-pub-60794> (дата обращения 27.07.2020).

⁵ 已同中国签订共建“一带一路”合作文件的国家一览 (И тун чжунго цзяньдин гуоцзянь гунцзянь “идай илу” хэцзо вэньцзянь дэ гоцзя илань / Список стран, подписавших с Китаем документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Пояс и путь»). Belt and Road Portal. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/roll/77298.htm>

проектов, Китай проявлял интерес к участию в глобальном финансовом управлении. В течение 2010-х годов КНР не раз критиковала существующие международные финансовые институты за недостаточную представленность развивающихся стран, выступала за увеличение количества голосов государств Азии. Ещё в начале десятилетия Китай предлагал создать банк развития ШОС, но эту инициативу не поддержала Россия, так как по китайскому проекту около 80% голосующих акций должны были принадлежать КНР⁶. Хотя предоставление кредитов на двусторонней основе давало Китаю ряд преимуществ, в 2010-х годах Пекин инициировал создание двух новых многосторонних институтов — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития (НБР).

Основателями и членами последнего стали страны БРИКС. Между тем региональный фокус АБИИ — страны Азии. Государства из других частей мира также получили возможность вступить в этот финансовый институт, но при этом азиатские государства-члены выступили мажоритарными акционерами, на которых пришлось около 75% акций. На декабрь 2019 г. в АБИИ было 102 государства-члена. Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан вошли в круг стран-учредителей банка, но Центральная Азия — лишь один из регионов, охватываемых АБИИ.

Китай не раз подчёркивал, что не стремится к доминирующей роли в АБИИ. Тем не менее на 2019 г. Китай владел 26,5% голосующих акций⁷, что давало ему решающий голос в ключевых вопросах, где требуется одобрение $\frac{3}{4}$ акционеров. Государства-учредители АБИИ, а также государ-

ства, присоединившиеся позже, приняли де-факто лидерство Китая, которое вытекает из институциональной структуры и процедур голосования.

Важной темой для КНР, особенно в рамках ОПОП, стало международное сотрудничество в сфере экологии. В руководстве по развитию «Зелёного пояса и пути» утверждается, что Китай планирует поделиться своим опытом в области построения «экологической цивилизации» с другими растущими экономиками⁸. В настоящее время КНР не имеет конкретных проектов в сфере охраны окружающей среды в Центральной Азии. Лидером повестки в этом регионе выступает Европейский Союз; впрочем, Пекин не раз заявлял о намерении использовать ОПОП для «зелёного» развития региона. Например, инициатива «Принципы зелёного инвестирования» нацелена на усовершенствование управления экологическими и социальными рисками при инвестировании в странах-партнёрах. Кроме того, ОПОП включает в себя инициативы «Зелёное освещение», «Зелёное охлаждение» и другие⁹. Однако многочисленные декларации Пекина пока не подкреплены механизмами реализации поставленных задач в Центральной Азии.

Таким образом, китайские инициативы в сфере защиты от нетрадиционных угроз безопасности и финансового управления отвечают критерию институционализированности. Интересно, что в сфере безопасности Китай не заинтересован в увеличении числа последователей. Это можно объяснить тем, что сотрудничество в области борьбы с терроризмом интересует КНР только в контексте решения его собственных проблем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Кроме того, при

⁶ Габуев А. Приручить дракона: Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/02/19/ru-pub-59136> (дата обращения: 18.09.2019).

⁷ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 20.09.2019).

⁸ Guidance on Promoting Green Belt and Road. Belt and Road Portal. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12479.htm> (accessed: 20.09.2019).

⁹ UNIDO further engages with the Belt and Road Initiative (25/04/2019). United Nations Industrial Development Organization. URL: <https://www.unido.org/news/unido-further-engages-belt-and-road-initiative> (accessed: 01.09.2019).

равноправии стран–участниц ШОС увеличение их количества усложняет процесс принятия решений. В сфере экономического и финансового сотрудничества китайские инициативы имеют более широкий региональный фокус, так как интересы КНР в этих областях требуют вовлечения большего количества стран. Что касается защиты окружающей среды, деятельность Пекина в данной сфере в Центральной Азии носит символический характер и не оформлена институтами. Это во многом связано с наличием в регионе более авторитетного лидера в сфере защиты окружающей среды – ЕС – и с тем, что у Китая пока недостаточно опыта и экспертизы для осуществления лидерства.

З

Исходя из сказанного выше возникает вопрос: как же КНР удаётся привлекать последователей? Совпадают ли цели китайских проектов с установками центрально-азиатских государств?

Проблемы в сфере безопасности вызывают беспокойство не только Пекина, но и других стран–участниц ШОС, особенно ввиду возникновения ИГИЛ и сохраняющейся нестабильности в Афганистане. Более того, правительства стран Центральной Азии видят в исламизме угрозу стабильности своих режимов¹⁰. Помимо этого, в центральноазиатских странах нередко происходят конфликты на национальной почве, которые представляют угрозу правительствам этих стран, что также объясняет заинтересованность в сотрудничестве с КНР. Как уже отмечалось, в вопросах безопасности Китай преимущественно заинтересован в борьбе с терроризмом, что обусловлено его собственными проблемами. Соответственно, именно в этом вопросе и наблюдается наибольшая активность Китая.

Что касается сотрудничества, направленного на стимулирование экономического развития, согласно официальным заявлениям КНР, инициатива ОПОП призвана

способствовать решению общих задач мирового сообщества, таких как стимулирование экономического развития и увеличение благосостояния населения. Предполагается, что развитие инфраструктуры в Центральной Азии, которая свяжет все государства с Китаем и друг с другом, будет способствовать усилению регионального экономического сотрудничества и углублению интеграции [Reeves 2018: 516]. Кабестан пишет, что Китай был очень терпелив во взаимодействии со странами Центральной Азии в сфере экономики [Cabestan 2013: 431]. Он не пытался навязать им соглашение о свободной торговле, которое могло дестабилизировать их экономику, а вместо этого сосредоточил внимание на других видах хозяйственного сотрудничества. В целом цели ОПОП соотносятся с интересами стран Центральной Азии, которым необходимы иностранные инвестиции и развитие инфраструктуры. Однако китайские экономические инициативы также часто критикуют, например, за загрязнение окружающей среды или растущий долг Китаю [Bossuyt 2019].

Несмотря на активное присутствие Всемирного банка, Азиатского банка развития (АБР) и Европейского банка реконструкции и развития в Азии, в регионе по-прежнему сохраняется потребность в дополнительных инвестициях в инфраструктуру. В отличие от АБР, основная цель которого – борьба с бедностью, АБИИ занимается исключительно финансированием инфраструктурных проектов. Банк уже снискал хорошую репутацию, и в 2017 г. ведущие мировые рейтинговые агентства присвоили ему кредитный рейтинг «AAA», как у Всемирного банка [Norga 2019]. Опасения западных аналитиков о том, что АБИИ будет подчиняться интересам КНР по продвижению ОПОП, не подтвердились. Благодаря этому международному институту в регионе появился дополнительный источник финансирования проектов развития инфраструктуры, от недо-

¹⁰ Габуев А. Приручить дракона: Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2015/02/19/ru-pub-59136> (дата обращения: 18.09.2019).

статка которой страдают страны Центральной Азии. Например, в 2017 г. АБИИ выделил кредит размером 60 млн долларов на модернизацию гидроэлектростанции «Нурек» в Таджикистане¹¹.

В сфере экологии у Китая и соседних стран Центральной Азии имеется ряд общих проблем: изменение климата, опустынивание, нехватка воды. Амбиции Китая по использованию ОПОП в качестве одного из инструментов «зелёного» роста региона соответствуют стремлению Центральной Азии к устойчивому развитию, поэтому потенциально у сторон есть общие цели. Тем не менее на конец 2010-х годов экологические проекты под руководством КНР в Центральной Азии отсутствовали. Напротив, наблюдались противоречия между китайскими экономическими инициативами и защитой окружающей среды, ведь Китай стал крупнейшим в мире инвестором и экспортёром технологий в сфере угольной энергетики. В Центральной Азии большая часть проектов в рамках ОПОП связана с использованием угля, газа и нефти, а не возобновляемых источников энергии¹² — то есть Пекин не обладает достаточной репутацией и ресурсами, чтобы сформировать общую повестку в вопросах экологии в регионе.

Можно сделать вывод, что инициативы Китая направлены на решение общих проблем и потому привлекают другие страны. Исключением является сфера защиты окружающей среды, где потенциально есть общие цели, но пока мало реального сотрудничества. Стоит отметить, что среди населения китайские проекты получают значительно меньше поддержки, чем со стороны политических элит.

4

Кажется очевидным, что сильная сторона китайских проектов в Центральной Азии — это наличие значительного финансового ресурса. Можно ли говорить о том, что Китай получает поддержку стран в Центральной Азии, предоставляя им выгодные с экономической точки зрения форматы сотрудничества?

В сфере безопасности расходы на сотрудничество покрывает бюджет ШОС. Напомним, что после расширения обязательства по финансированию организации распределились следующим образом: Китай и Россия по 20,6%, Казахстан — 17,6, Индия — 5,9, Киргизия — 8,8, Пакистан — 5,9, Таджикистан — 6, Узбекистан — 14,6%¹³. Помимо регулярного вклада в бюджет, Китай на нерегулярной основе предоставляет различную помощь странам-участникам ШОС в сфере безопасности. Например, на 18-м саммите объединения (2018) Китай предложил за предстоящие три года подготовить 2000 сотрудников их правоохранительных органов¹⁴.

Для финансирования проектов в рамках ОПОП в конце 2014 г. правительство Китая объявило о создании Фонда Шёлкового пути на сумму 40 млрд долларов. Так как у китайских проектов экономического сотрудничества нет институциональной базы, отсутствует и стандартный механизм их финансирования. Исходя из примера Казахстана, Умаров предполагает, что объёмы инвестиций в Центральной Азии снизятся и эта тенденция продолжится в будущем: «[С]ейчас былых инвестиций уже нет: за 2015–2018 годы прямые инвестиции Китая в Казахстан составили всего 4 млрд долларов, в два раза меньше, чем за 2011–

¹¹ Кредит в сумме 60 миллионов долларов банк выделил для модернизации гидроэлектростанции «Нурек» в Таджикистане. Sputnik [Электронный ресурс]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20170615/1022584304/abii-tadzhikistan-kredit-60-millionov-dollarov.html> (дата обращения: 05.11.2019).

¹² Nakano J. Greening or Greenwashing the Belt and Road Initiative? (01/05/2019). Center for Strategic International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/greening-or-greenwashing-belt-and-road-initiative> (accessed: 15.11.2019).

¹³ Шанхайская организация сотрудничества. Досье. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/5275701> (дата обращения: 18.10.2019).

¹⁴ An B. Xi calls for building a shared future. China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201806/11/WS5b1d6ccda31001b82571f299.html> (accessed: 25.11.2019).

2014 годы (8,1 млрд)»¹⁵. Для сравнения: по состоянию на июнь 2019 г. инвестиции КНР в экономику Таджикистана за все годы двустороннего сотрудничества составили 2,6 млрд долларов¹⁶.

Что касается финансового управления, то Китай не только выступил инициатором создания АБИИ, но и стал крупнейшим акционером банка: его вклад в уставной капитал — около 30 млрд долларов, тогда как вложения двух других крупнейших участников — Индии и России — составили 6,5 млрд и 8,4 млрд соответственно¹⁷.

В сфере экологии Китай сформировал финансовые инструменты, ориентированные на решение задач устойчивого развития ОПОП. В частности, бюджет «Зелёного» фонда Шёлкового пути составил 4,5 млрд долларов, планируется создание Банка экологического развития Китая (с уставным капиталом в 16 млрд)¹⁸, который также будет ориентирован на финансирование проектов в сфере экологии. Оценить эффективность этих структур в решении экологических проблем региона пока не представляется возможным.

Можно заключить, что китайские проекты в сфере экономики и финансового управления действительно подкрепляются наличием у КНР значительных материальных ресурсов. При этом в случае институционализированного сотрудничества в рамках ШОС вклад КНР несущественно превышает вклады других стран.

Между тем сотрудничество с Китаем в борьбе с терроризмом в СУАР не пользуется популярностью у населения стран

Центральной Азии. В частности, в Казахстане гражданское общество критикует правительство за слишком осторожный подход и даже поддержку спорных контртеррористических мер КНР, таких как лагеря перевоспитания¹⁹. Нет доказательств того, что Китай вынуждает Казахстан поддерживать его политику с помощью угроз санкций: скорее, казахские элиты предпочитают обходить острую проблему, зная о склонности Пекина использовать экономические меры для наказания стран, политика которых не соответствует его национальным интересам.

Китай подкрепляет свои инициативы не только материальными ресурсами, но и посредством создания нового дискурса. В сфере борьбы с терроризмом в рамках ШОС КНР предложила концепции «трёх зол» и «Шанхайского духа». Теория «трёх зол» заключается в том, что борьба с терроризмом должна сопровождаться также борьбой с экстремизмом и сепаратизмом, и является новаторским подходом ШОС. «Шанхайский дух» — набор ценностей, таких как взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации, уважение к разнообразию цивилизаций и стремление к общему развитию, которые противопоставляются таким понятиям, как «столкновение цивилизаций, холодная война и менталитет с нулевой суммой»²⁰. Если концепция «трёх зол» вне деятельности в рамках ШОС используется преимущественно только китайскими политиками, то «Шанхайский дух» часто упоминается политиками центральноазиатских стран.

¹⁵ Умаров Т. Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80155> (дата обращения: 23.11.2019).

¹⁶ Инвестиции Китая в экономику Таджикистана превысили \$2,6 млрд. Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2648995.html> (дата обращения: 07.12.2019).

¹⁷ Members and Perspective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 18.11.2019).

¹⁸ Greening the belt and road initiative. HSBC. URL: <https://www.sustainablefinance.hsbc.com/reports/greening-the-belt-and-road-initiative> (accessed: 25.11.2019).

¹⁹ Bunin G.A. Central Asia Struggles With Fallout From China's Internment of Minorities. Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/08/15/central-asia-struggles-with-fallout-from-chinas-internment-of-minorities/> (accessed: 12.11.2019).

²⁰ Commentary: Shanghai Spirit essential to bringing certainty to world. Xinhuanet. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-06/15/c_138145601.htm (accessed: 15.10.2019).

Например, в 2015 г. Нурсултан Назарбаев заявил, что шанхайский дух стал символом новой Евразии²¹.

В поддержку экономическим инициативам Китая его представители не раз заявляли, что среди многих видов помощи развитие инфраструктуры в наибольшей степени способствует экономическому процветанию²². Преимущество своих инициатив Пекин обосновывал также и тем, что, в отличие от западных стран, он понимал потребности развивающихся стран и имеет успешный опыт догоняющего развития. Си Цзиньпин говорил также об особом духе Шёлкового пути, который заключается в мире и сотрудничестве, открытости и инклюзивности, взаимном обучении и взаимной выгоде²³. Наконец, Китай обращал внимание на то, что помощь в рамках ОПОП не увязана с политическими требованиями. Китайские идеи находили отклик в заявлениях лидеров стран Центральной Азии²⁴.

В сфере финансового управления Китай также выступал как защитник интересов развивающихся стран. В 2010-х годах КНР критиковала существующие международные финансовые институты за недостаточную представленность этих государств, выступала за увеличение количества голосов от Азии. Однако китайские призывы реформировать систему распределения голосов в Международном валютном фонде и Мировом банке не имели успеха. На этом фоне Китай позиционировал АБИИ как

международный финансовый институт нового типа (*yige xinxing de guoji jinrong jigou*). Например, бывший заместитель директора Института мирового развития Центра исследований развития при Госсовете КНР Дин Ифань утверждал, что новый банк отражает интересы развивающихся стран Азии, которые долгое время были недостаточно представлены в глобальном финансовом управлении²⁵. На деле банк воспроизвёл многие институциональные особенности ранее созданных международных финансовых институтов, которые критиковали Китай и другие развивающиеся страны.

В сфере экологии Пекин продвигает идею «озеленения» Шёлкового пути, что подразумевает использование в проектах ОПОП принципов устойчивого развития и сокращение количества проектов, которые вредят окружающей среде. Пока не приходится говорить о том, что заявленные принципы соблюдаются.

Все китайские инициативы сопровождаются созданием новых концепций или норм, которые призваны предложить новое видение существующих проблем («три зла») и инновационный или альтернативный существующим подход к их решению («Шанхайский дух»). С возвышением КНР на международной арене руководство страны стало уделять всё больше внимания наращиванию международной дискурсивной силы для поддержки проектов и имиджа за рубежом [Zhao 2016; У, Ли 2018]. В этой

²¹ «Шанхайский дух» превратился в символ новой Евразии — Президент РК. Tengri Daily. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/shanhayskiy-duh-prevratilsya-simvol-novoy-evrazii-prezident-277524/ (дата обращения: 12.10.2019).

²² Xi underscores high-quality infrastructure construction for inclusive development. China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201906/29/WS5d172713a3103dbf1432aff5.html> (accessed: 07.10.2019).

²³ President Xi proclaims Silk Road spirit. Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136281165.htm (accessed: 07.10.2019).

²⁴ См.: комментарий Н. Назарбаева: *Orazgaliyeva M.* Kazakhstan has turned into 'competitive transit hub', Nazarbayev tells Belt and Road forum. The Astana Times. URL: <https://astanatimes.com/2019/04/kazakhstan-has-turned-into-competitive-transit-hub-nazarbayev-tells-belt-and-road-forum/> (accessed: 08.10.2019); оценку Сооронбая Жээнбекова — *Podolskaya D.* One Belt, One Road. Kyrgyz President tells about importance of joint work. 24.kg. https://24.kg/english/116231_One_Belt_One_Road_Kyrgyz_President_tells_about_importance_of_joint_work/ (accessed: 08.10.2019).

²⁵ 丁一凡. 亚投行为什么这么受欢迎? (Дин Ифань. Ятоусин вэйшэньмэ чжэньмэ шоу хуаньин?). (Почему так популярен АБИИ?). URL: <http://theory.people.com.cn/n/2015/0319/c40531-26716515.html>.

связи в Китае уделяли большое внимание идейному наполнению выдвигаемых инициатив. При этом некоторые идеи КНР, например инвестирование в инфраструктуру для стимулирования экономического развития, нельзя считать инновационными, а позиционирование АБИИ как финансового института нового типа не соответствует действительности. Вместе с тем то обстоятельство, что предложенные КНР концепции зарубежные политические лидеры используют в своих публичных выступлениях, а иностранные государства — в своих официальных документах, говорит об их привлекательности.

5

Если в период биполярности две сверхдержавы вели борьбу за расширение сфер влияния, а другие страны не всегда могли добровольно выбирать, к какому лагерю примкнуть, то сейчас ситуация изменилась. На примере Центральной Азии мы видим, как два крупных игрока могут оказывать влияние на один и тот же регион.

В сфере безопасности Китай и Россия выступили со-лидерами в Центральной Азии, внося равный вклад в бюджет ШОС и формально поддерживая одинаковое влияние на процесс принятия решений в организации. Сотрудничество в сфере безопасности в рамках объединения стало первой многосторонней инициативой КНР в регионе, который традиционно относился к сфере влияния России²⁶. В связи с этим Китай нуждался в поддержке и одобрении со стороны Москвы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что Китай и Россия имеют схожие позиции в вопросе безопасности и стабильности в Центральной Азии [Ли 2015: 40]. Вместе с тем после инициированного Россией присоединения к ШОС Индии (2017) появился третий потенциальный со-лидер. Кроме того,

в 2016 г. Китай инициировал механизм по борьбе с терроризмом меньшего масштаба, не пригласив к участию в нём Москву. При этом продолжает существовать Организация договора коллективной безопасности (ОДКБ), в которой лидером выступает Россия и в которую на 2019 г. входили три центральноазиатские страны: Казахстан, Киргизия и Таджикистан, а кроме них — Армения и Белоруссия.

В сфере экономики Россия использовала возможности, заложенные в институциональной структуре ШОС, чтобы предотвратить углубление сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии [Cabestan 2013: 429]. Если повлиять на масштабы и формы экономического сотрудничества в рамках этого объединения Россия оказалась способна, то в рамках ОПОП такой возможности у неё нет. Позиция по ОПОП у России более гибкая, чем, например, у Японии и Индии. С одной стороны, президент Владимир Путин посетил оба международных форума «Один пояс, один путь», а с другой стороны, на протяжении 2010-х годов Москва продвигала собственную инициативу по сотрудничеству и интеграции — Евразийский экономический союз, в который входят Казахстан и Киргизия.

При том что ЕАЭС и ОПОП нередко трактуются экспертами [например, см.: Сыроежкин 2016] как конкурирующие инициативы в Центральной Азии, в 2015 г. Россия и Китай договорились о сопряжении этих проектов²⁷. Однако формула сотрудничества до сих пор не найдена и достигнутое соглашение не повлекло за собой реальных шагов. КНР официально признала необходимость согласовывать ОПОП с Россией и ЕАЭС, то есть хотя бы формально пошла навстречу Москве в стремлении поддержать дружественные отношения. Как пишет отечественный эксперт Дмитрий Тренин, «Пекин — несмотря на

²⁶ Gabuev A. Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club. Carnegie Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71350> (accessed: 28.11.2019).

²⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 29.11.2019).

то что на рубеже XX и XXI веков баланс национальной мощи двух стран быстро изменился в пользу Китая — не отошёл от концепции равенства в отношениях с Москвой»²⁸.

В сфере финансового управления Пекин сначала пытался использовать ШОС в качестве платформы для продвижения новых инициатив, таких как банк развития, но не смог договориться с Москвой об условиях. Ещё в 2006 г. Россия вместе с Казахстаном учредила Евразийский банк развития (ЕАБР), в котором у неё 66% акций [Engen, Prizzon 2018]. Помимо Казахстана, этот финансовый институт охватывает ещё два государства Центральной Азии (Киргизию и Таджикистан). В то же время это — небольшой игрок на финансовом рынке как по количеству членов, так и по уставному капиталу (7 млрд долларов).

Хотя к соглашению о банке ШОС Россия и КНР не пришли, Москва присоединилась к китайской инициативе, став членом-учредителем АБИИ с 6,02% голосующих акций²⁹ (третье место по их количеству). Поскольку институциональная структура банка отражает ведущую роль Пекина, можно сказать, что Россия выступает в качестве последователя. Правда, АБИИ имеет гораздо более широкий региональный фокус, чем ранее предложенный банк ШОС, что не позволяет ему ориентироваться только на Центральную Азию и, таким образом, поставить под сомнение роль России в этом регионе.

К концу 2010-х годов для Москвы защита окружающей среды не стала приоритетной задачей на региональном или международном уровне. Можно сделать вывод, что в этой сфере в Центральной Азии она остаётся лишь наблюдателем. Как было сказано выше, экологические инициативы КНР в регионе реализуются слабо, потому не порождают опасений или интереса Москвы. Впрочем, Россия не реаги-

рует и на проекты других участников, например ЕС.

В китайских проектах в Центральной Азии Россия играла разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. При этом открытого противостояния не наблюдалось: даже в экономических вопросах Китай и Россия в декларативной форме договорились о сопряжении своих проектов. Положение Москвы зависит от наличия ресурсов и собственных лидерских амбиций. Например, в сфере безопасности Россия традиционно играла в Центральной Азии важную роль: она поддерживала прочные двусторонние связи со странами региона и являлась ведущим государством в ОДКБ. Наоборот, сотрудничество в области охраны окружающей среды никогда не было для неё в числе приоритетов.

* * *

На примере КНР в данной статье показано, как крупный игрок в условиях многополярности выстраивает свою стратегию в регионе, в котором присутствуют и другие потенциальные лидеры. Деятельность Китая в Центральной Азии можно определить как асимметричное лидерство. Он демонстрирует лидерские амбиции в нескольких областях (безопасность, экономика, финансы, экология), однако способы реализации этих амбиций существенно различаются. Например, инициативы в сфере безопасности и финансового управления отвечают критерию институционализированности, а проекты по экономическому сотрудничеству и защите окружающей среды — нет.

Инициативы КНР имеют различный географический охват: от регионального в борьбе с терроризмом до почти мирового,

²⁸ Тренин Д. Становление российско-китайского сообщества безопасности. Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2013/10/29/ru-pub-53978> (дата обращения: 16.10.2019).

²⁹ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 15.11.2019).

когда идёт речь о финансовом управлении, но даже и в последнем случае наибольшее внимание уделяется странам Азии. Сотрудничество в борьбе с терроризмом интересует Китай только в контексте решения его собственных проблем в СУАР, а потому не требует участия большого количества стран. Напрашивается вывод об избирательном и прагматичном подходе Пекина к лидерству в регионе: главная задача КНР — не получение символического статуса, а достижение целей внешней (и внутренней — по терроризму) политики.

Инициативы Китая направлены на решение общих проблем, таких как терроризм, потребность в инфраструктуре, недостаток финансовых ресурсов, и потому привлекают потенциальных последователей. Исключением выступает проблема защиты окружающей среды, где при наличии общих целей реального сотрудничества пока мало. Свои инициативы КНР подкрепляет выделением значительных материальных ресурсов, не прибегая к жёсткой

силе для принуждения стран к участию. Все китайские инициативы сопровождаются созданием новых концепций или норм, которые предлагают китайское видение существующих проблем («три зла») и инновационный или альтернативный существующим подход к их решению («Шанхайский дух»).

На примере Центральной Азии мы можем наблюдать, как два крупных игрока могут взаимодействовать в рамках региона без противостояния — по крайней мере, открытого. В китайских проектах Россия играет разные роли: со-лидера в борьбе с терроризмом, последователя в сфере финансового управления, конкурента в сфере экономического сотрудничества и наблюдателя в программах по защите окружающей среды. Даже в сфере экономики две страны договорились (пока в декларативной форме) о сопряжении своих лидерских проектов. Вовлечение России в китайские проекты зависит от её ресурсов и собственных лидерских амбиций.

Список литературы

- Бусыгина И. Региональное лидерство в международных отношениях и роль России в Евразии // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 121–133.
- Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // *Международные процессы*. 2004. Т. 2. № 2. С. 21–33.
- Денисов И., Сафранчук И. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. №3 (48). С. 112–122.
- Кортунов А. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка. Рабочая тетрадь РСМД № 52 / Под ред. И. Иванова. М.: НП Российский совет по международным делам, 2019. 40 с.
- Сыроежкин К. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // *Россия и новые государства Евразии*. 2016. № 2. С. 37–55.
- Сюн Г. Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая (1) // *Россия в глобальной политике*. 2009. №3. URL https://globalaffairs.ru/number/n_13205 (дата обращения 02.11.2019)
- Шаклеина Т. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. №4. С. 6–19. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- 李进峰. 上海合作组织扩员: 挑战与机遇 (Ли Цзиньфэн. (2015) Шанхай хэцзо цзучжи коюань: тяочжань юй цзюй / Расширение Шанхайской организации сотрудничества: вызовы и возможности) // *Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии*. № 6. С. 36–44.
- 吴志成, 李冰. 全球治理话语权提升的中国视角 (У Чжичэн, Ли Бин. (2018) Цюаньцзо чжили хуаюйцзюань тишэнцзэ чжунго шицзюй/ Китайский взгляд на укрепление дискурсивной силы в глобальном управлении) // *Мировая экономика и политика*. № 9. С. 4–21.
- Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 271–285.
- Aris S., Snetkov A. Global alternatives, regional stability and common causes: the international politics of the Shanghai Cooperation Organization and its relationship to the West // *Eurasian Geography and Economics*. 2013. Vol. 54. No. 2. P. 202–226.
- Bossuyt F. The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact // *Eurasian Geography and Economics*. 2019. Vol. 59. P. 603–631.

- Breslin S.* Leadership and Followership in Post-Unipolar World: Towards Selective Global Leadership and a New Functionalism? // *Chinese Political Science Review*. 2017. Vol. 2. P. 494–511.
- Buzan B.* The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers // *International Relations*. 2011. Vol. 25(1). P. 3–25.
- Cabestan J.-P.* The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53. P. 423–435.
- Cooper A. et al.* Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict // *Political Science Quarterly*. 1991. Vol. 106. P. 391–410.
- Engen L., Prizzon A.* A guide to multilateral development banks. ODI. 2018. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12274.pdf> (accessed: 18.11.2019).
- Haas M. d.* Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 1–16.
- Horta K.* The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). A Multilateral Bank where China sets the Rules. Heinrich Boell Stiftung Publication Series on Democracy. 2019. Vol. 52. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/boell_aiib_studie_0.pdf (accessed: 15.12.2019).
- Malnes R.* 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis // *European Journal of International Relations*. 1995. Vol. 1. P. 87–112.
- Reeves J.* China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia // *Journal of Contemporary China*. 2018. Vol. 27. P. 502–518.
- Song W.* Peaceful Rise from the Border: Chinese Practice of Diplomatic Leadership in the Shanghai Cooperation Organisation // *China's Policies on Its Borderlands and the International Implications* / ed. by Y. Hao and B. Chou. World Scientific, 2018. P. 47–67.
- Underdal A.* Solving Collective Problems: Notes in Three Modes of Leadership // *Challenges of a Changing World: Festschrift to Willy* / ed. by W. Østreng. Lysaker: The Fridtjof Nansen Institute, 1991. P. 139–153.
- Young O.R.* Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society // *International Organization*. 1991. Vol. 45. P. 281–308. doi: 10.1017/S0020818300033117.
- Zhao K.* China's Rise and its Discursive Power Strategy // *Chinese Political Science Review*. 2015. Vol. 1. P. 539–564. doi: 10.1007/s41111-016-0037-8.

LEADERSHIP IN THE MULTIPOLAR WORLD

CHINA'S STRATEGY IN CENTRAL ASIA*

ELENA SOBOLEVA
SVETLANA KRIVOHIZH

National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg, 190068,
Russian Federation

Abstract

In the multipolar world regional powers play an increasingly important role, as they strive to become leaders and shape the regional order. It is a common situation, when in one region several powers compete to become a sole leader, however, other types of interaction also exist for example, asymmetric leadership. Asymmetric leadership denotes a situation when one power does not strive to become a sole leader in one region in all spheres, but the scope and type of its involvement in addressing common problems in the region varies. This paper explores the phenomenon of asymmetric leadership using the PRC policy in Central Asia as an empirical case. The theoretical part of the paper outlines the major points of the

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research under Grant №19-014-00030.

leadership theory in international relations, which are later used to evaluate China's policy in Central Asia. In the empirical part we explore institutions, regional focus, goals and resources of the Chinese initiatives, as well as analyze factors that influence regional strategy of a rising power. In Central Asia the PRC has expressed leadership ambitions in several issue areas, such as non-traditional security, economic cooperation and development assistance, financial governance, and environmental cooperation. However, its strategy has varied from sphere to sphere in terms of institutionalization, overall regional focus, involvement of other regional power, etc. For example, in the sphere of non-traditional security and financial governance, the PRC has initiated the establishment of special institutions, which are absent in other spheres. The case of Central Asia, which has traditionally been Russian sphere of influence, allows us to investigate the possible responses of one regional power to leadership projects of another. Russia plays different roles in Chinese projects in Central Asia: a co-leader in counter-terrorism sphere, a follower in financial governance, a competitor in economic cooperation, and an observer in environmental protection sphere. The role of Russia is determined by the available resources in each area and its own leadership ambitions, as well as the desire of the PRC to maintain friendly relations with Moscow.

Keywords:

Chinese foreign policy; leadership; Central Asia; SCO; OBOR; AIIB.

References

- Acharya A. (2018). After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order. *Ethics & International Affairs*. Vol. 32 (1). P. 271–285.
- Aris S., Snetkov A. (2013). Global alternatives, regional stability and common causes": the international politics of the Shanghai Cooperation Organization and its relationship to the West. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 54. No. 2. P. 202–226.
- Bossuyt F. (2019). The EU's and China's development assistance towards Central Asia: low versus contested impact. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 59. P. 603–631.
- Breslin S. (2017). Leadership and Followership in Post-Unipolar World: Towards Selective Global Leadership and a New Functionalism? *Chinese Political Science Review*. Vol. 2. P. 494–511. doi: 10.1007/s41111-017-0082-y.
- Busygina I. (2019). Regional'noe liderstvo v mezhdunarodny'kh otnosheniyakh i rol' Rossii v Evrazii [Regional Leadership in International Relations and Russia's Role in Eurasia]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 4. P. 121–133. doi: 10.31857/S086904990005820-4
- Buzan B. (2011). The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers. *International Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 3–25. doi:10.1177/0047117810396999.
- Cabestan J.-P. (2013). The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction. *Asian Survey*. Vol. 53. P. 423–435.
- Cooper A. et al. (1991). Bound to Follow? Leadership and Followership in the Gulf Conflict. *Political Science Quarterly*. Vol. 106. P. 391–410. doi: 10.2307/2151739.
- Denisov I., Safranchuk I. (2016). Chetyre problemy SHOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four Problems of SCO in the Context of Organization's Expansion] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 3. P. 112–122.
- Engen L., Prizzon A. (2018). *A guide to multilateral development banks*. ODI. URL: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12274.pdf> (accessed: 18.11.2019).
- Haas M. de (2017). Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 30. No. 1. P. 1–16.
- Horta K. (2019). The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). A Multilateral Bank where China sets the Rules. *Heinrich Boell Stiftung Publication Series on Democracy*. Vol. 52. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/boell_aiib_studie_0.pdf (accessed: 15.12.2019).
- Kortunov A. (2019). Mezhdunarodnyy politsentrizm i bipolyarnost': o rossijskikh narrativah evolyucii miroponyadka [Between Polycentrism and Bipolarity]. *Rabochie tetrad'i RSMID*. No. 2. Moscow: NP RIAC. 40 p.
- Li J. (2015). Shanghai hezuo zuzhi kuoyuan: tiaozhan yu jiyu. [Shanghai Cooperation Organization Expansion: Challenges and Opportunities]. *Russian, East European & Central Asian Studies*. Vol. 6. P. 36–44.
- Malnes R. (1995). 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis. *European Journal of International Relations*. Vol. 1. P. 87–112. doi: 10.1177/1354066195001001005.
- Reeves J. (2018). China's Silk Road Economic Belt Initiative: Network and Influence Formation in Central Asia. *Journal of Contemporary China*. Vol. 27. P. 502–518.

- Song W. (2018). Peaceful Rise from the Border: Chinese Practice of Diplomatic Leadership in the Shanghai Cooperation Organisation. In: Hao Y. and Chou B. (eds.) *China's Policies on Its Borderlands and the International Implications*. World Scientific. P. 47–67.
- Shakleina T. (2014). Liderstvo i sovremennyyi mirovoi poriadok [Leadership and Current World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 6–19. doi: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
- Syroezhkin K. (2016). Sopryazhenie EAES i EPSHP [Joining of Eurasian Economic Union and Silk Road Economic Belt]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. No. 2. P. 37–55.
- Underdal A. (1991). Solving Collective Problems: Notes in Three Modes of Leadership. In Østreng W. (ed.) *Challenges of a Changing World: Festschrift to Willy Lysaker*. The Fridtjof Nansen Institute. P. 139–153.
- Voskresenskiy A. D. (2004). Kitaj v kontekste global'nogo liderstva [China in the context of global leadership]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 21–33.
- Wu Z., Li B. (2018). Quanqu zhili huayuquan tishengde zhongguo shijiao [Chinese Perspective on the Promotion of the Discourse Power of Global Governance]. *World Economy and Politics*. Vol. 9. P. 4–21.
- Xiong G. (2009) Vseob"emlyushchaya koncepciya nacional'noj bezopasnosti Kitaya (1) // *Rossiya v global'noj politike*. No. 3. URL https://globalaffairs.ru/number/n_13205 (accessed: 02.11.2019).
- Young O.R. (1991) Political leadership and regime formation: on the development of institutions in international society. *International Organization*. Vol. 45. P. 281–308. doi: 10.1017/S0020818300033117.
- Zhao K. (2015) China's Rise and its Discursive Power Strategy. *Chinese Political Science Review*. Vol. 1. P. 539–564. doi: 10.1007/s41111-016-0037-8.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ПОИСКАХ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ *ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

НИКОЛАЙ ЮДИН

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Серьёзная академическая дискуссия, тем более посвящённая специально теоретико-методологическим проблемам современных международных исследований, — редкий гость на страницах зарубежных, не говоря уже об отечественных, научных журналов. Тем более ценными и важными представляются дебаты, начало которым положила яркая полемичная статья видного российско-го специалиста-международника А.В. Фененко, опубликованная в журнале «Международные процессы» в 2018 году. Формально в центре внимания этой статьи, равно как и последовавших в ответ на неё работ Д.А. Дегтерёва, И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худолея, находится давний спор между сторонниками количественных и качественных методов международно-политических исследований. Между тем, как представляется, и само содержание этой дискуссии, и выводы, к которым она позволяет прийти, гораздо шире и глубже, чем чисто инструментальный спор о методах. Для того чтобы обосновать этот тезис, в рамках данной статьи предлагается взглянуть на указанный спор и, шире, на современное состояние теории международных отношений через призму методологии критического реализма. В первой части статьи рассмотрены аргументы участников указанной дискуссии, показано, что они склонны акцентировать внимание на второстепенных, технических аспектах спора о методах, несколько затушёвывая его центральную проблему — какими должны быть международные исследования, чтобы иметь право называться наукой. Вернуть эту центральную проблему в фокус анализа и представить новый взгляд на возможности её решения позволяет рассмотрение современной ТМО с позиций критического реализма, предпринятое во второй части. Критические реалисты утверждают, что в основе всех господствующих в настоящий момент в ТМО подходов лежит позитивизм, а точнее — юмовский эмпириокритицизм. Именно этим обстоятельством, по мнению критических реалистов, в значительной мере объясняется фундаментальная ограниченность эпистемологических возможностей и прикладного потенциала современных международных исследований. В качестве альтернативы этим подходам они предлагают опереться на идеи основоположника критического реализма, британского философа Р. Бхаскара. В третьей части статьи описаны ключевые онтологические и эпистемологические положения критического реализма, включающие в себя принципиальное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00088.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2020

Дата принятия к публикации: 01.07.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nicolas.yudin@gmail.com

признание существования реальности до и вне человеческой деятельности, восприятие этой реальности как сложной стратифицированной и многослойной структуры и связанные с этим специфические представления о природе каузальности и возможных пределах познания и прогнозирования социальных процессов и явлений. При этом данное исследование далеко от безусловной апологии критического реализма. В четвёртой части рассмотрены некоторые недостатки, присущие современным трактовкам критического реализма в контексте изучения международных отношений, к которым можно отнести прежде всего статичность его методологии, половинчатость и непоследовательность выводов и предложений. В этом контексте автор заключает, что главная заслуга критического реализма в настоящий момент состоит не в том, что он предлагает готовые ответы на основные вопросы современной ТМО, в том числе о методах международных исследований, а в том, что он недвусмысленно показывает, где эти ответы стоит искать: в развитии материалистических подходов и теорий.

Ключевые слова:

теория международных отношений; вторые большие дебаты; количественные методы; критический реализм; Р. Бхаскар; неореализм; конструктивизм; позитивизм; материализм.

В 2018 г. в журнале «Международные процессы» была опубликована яркая полемичная статья видного российского специалиста-международника А.В. Фененко, в которой он осветил ряд рисков, сопряжённых с чрезмерным увлечением количественными методами в международно-политических исследованиях [Фененко 2018]. Ответная реакция не заставила себя ждать, и уже в 2019 г. увидела свет публикация не менее признанного отечественного специалиста в области количественных методов Д.А. Дегтерёва [Дегтерёв 2019], за которой последовала коллективная работа И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худоля [Истомин, Байков, Худолей 2019]. Все эти авторы выступили с развёрнутой аргументацией в защиту количественных методов как перспективного инструмента международных исследований, а также указали на ряд противоречий в положениях А.В. Фененко.

Такого рода полемика, ведущаяся по всем правилам академической дискуссии, к сожалению, становится всё более редким явлением как в зарубежных, так и в отечественных научных журналах. Тем более ценными, важными и полезными являются настоящие дебаты. В рамках настоящей статьи автор представляет альтернативный взгляд на суть данной полемики, которая не была достаточно чётко обозначена её участниками. Он предлагает посмотреть на её предмет под новым и, может быть, неожиданным углом зрения.

Дальнейшее изложение будет выстроено следующим образом. В первой части статьи представлен краткий обзор полемики, развернувшейся на страницах журнала «Международные процессы». При этом автор не ставит целью осветить все нюансы позиций её участников. Здесь будет приведён авторский взгляд на содержание этой дискуссии, подсвечены те сюжеты, которые не получили в ней должного освещения, но которые, однако, являются принципиально важными для понимания как сути спора о методах в теории международных отношений, так и современного состояния международных исследований в целом. Речь пойдёт прежде всего о проблеме недостаточной отрефлексированности базовых философских оснований современной ТМО. Именно эти основания, онтологические и эпистемологические, станут центральным предметом рассмотрения в данной статье. В качестве методологической основы использованы построения представителей так называемого критического реализма. Во второй части статьи проанализированы взгляды критических реалистов на ключевые особенности парадигмальных подходов в западной ТМО, в третьей — более подробно разобраны их представления об объекте, целях и возможностях международных исследований, перспективе их превращения в полноценную научную дисциплину. Следует отметить, что хотя методология критического реализма уже не раз становилась предметом рассмотрения в работах отече-

ственных и зарубежных авторов, как правило, они ограничивались её общим описанием [Лоусон 2006; Фигура 2012a, 2012b]. В четвертом разделе содержится развернутая критика современных интерпретаций критического реализма, которая позволила выявить ряд их существенных недостатков.

Таким образом, данное исследование преследует сразу несколько целей: *во-первых*, на основе методологии критического реализма представить новый взгляд на полемику, инициированную статьёй А.В. Фененко; *во-вторых*, подвергнуть критическому анализу построения самих критических реалистов и, наконец, обозначить перспективные направления для дальнейших поисков научных оснований международных исследований.

1

Формально в центре развернувшейся дискуссии оказался комплекс вопросов о роли и значении количественных методов в международно-политических исследованиях, перспективах их применения и трудностях, с этим сопряжённых. Именно на этой, формальной, стороне вопроса сделали акцент авторы, выступившие в защиту количественных методов. В частности, Д.А. Дегтерёв, в несколько дидактической манере, представил краткий обзор истории становления и современного состояния данного направления в России и за рубежом, а также новейших методов количественного анализа. Тем самым он постарался дать аргументированный ответ на ряд полемических утверждений А.В. Фененко относительно методологии и практической полезности некоторых международных индексов и рейтингов [Дегтерёв 2019: 44–56]. Отчасти такой же дидактический характер носит и апология количественных методов, представленная в статье И.А. Истомин, А.А. Байкова и К.К. Худолей. В ней содержится обзор современных методов и методик количественного анализа, показано, что некоторые критические аргументы А.В. Фененко, с одной стороны, не учитывают новейших достижений в данной области, а с другой — отличаются внутренней

противоречивостью [Истомин, Байков, Худолей 2019: 76–79].

Как представляется, подобным поворотом рассматриваемая дискуссия во многом обязана тому, что изначальный фокус критики самого А.В. Фененко (возможно, в целях инициации дискуссии) оказался смещённым в сторону аргументов нормативно-идеологического характера. В частности, в качестве исходного тезиса в его статье фигурирует, по меньшей мере, спорное утверждение, что корректное использование количественных методов возможно лишь при наличии среди исследователей консенсуса по ряду сугубо ценностных вопросов [Фененко 2018: 57–58]. Убедительность данного тезиса даже только в рамках логики рассматриваемой статьи вызывает вопросы: почему данное требование предъявляется только к количественным методам? применимо ли оно к сравнительно-историческим методам? если нет, то почему? Отчасти эти вопросы поднимают авторы ответной статьи [Истомин, Байков, Худолей 2019: 73–75].

В то же время, парируя тезисы А.В. Фененко, его оппоненты в значительной мере упускают ключевую идею его высказывания, которая отсылает ко «вторым большим дебатам» в теории международных отношений и которая выходит далеко за рамки дискуссии о методах. Речь идёт о фундаментальном вопросе, *что* составляет содержательное ядро науки о международных отношениях, *какими* должны быть международные исследования, чтобы иметь право считаться наукой в принципе. В этом отношении А.В. Фененко выступает критиком имплицитно или эксплицитно присущего многим сторонникам количественных методов пафоса, что именно через квантификацию международных процессов и явлений лежит путь к подлинно научному их познанию, избавлению их от излишнего субъективизма и политической ангажированности, приведению их в соответствие с требованиями естественно-научных дисциплин.

В этом контексте ключевым аргументом А.В. Фененко, который не получает убедительного ответа в статьях его оппонентов,

стал тезис о фундаментальной аисторичности (если не сказать — антиисторичности) объяснительных моделей, лежащих в основе многих исследований, построенных на использовании количественных методов, и научных гипотез, из подобных исследований вытекающих. В частности, А.В. Фененко на ряде конкретных примеров убедительно показывает проблематичность изучения феномена войны как некой абстрактной категории вне конкретного исторического контекста [Фененко 2018: 66–70]. Именно против подобного выхолащенного, лишённого конкретно-исторической привязки восприятия таких ключевых политических и социальных феноменов, как государство, суверенитет, демократия, власть (к чему склонны в силу самой специфики своего метода количественные исследования), а не количественных методов как таковых, выступали и выступают многие сторонники «традиционного историко-нарративного, или логико-интуитивного» подхода, которых И.А. Истомин, А.А. Байков и К.К. Худолей несколько высокомерно относят к исследователям, представляющим дисциплину «международные отношения» лишь номинально [Истомин, Байков, Худолей 2019: 64–65].

В конечном счете и статья Д.А. Дегтерёва, и статья И.А. Истомина, А.А. Байкова и К.К. Худолея сводятся к простому обоснованию тезиса, что количественные методы имеют право на существование в рамках международных исследований; тезиса, который принципиально не отвер-

гает ни А.В. Фененко, с которым они непосредственно полемизируют, ни вообще любой здравомыслящий учёный. Что же касается тех по-настоящему фундаментальных теоретических вопросов, которые в той или иной форме были подняты в работе А.В. Фененко, то эти статьи содержат ответы насколько формально правильные, настолько содержательно банальные и неинтересные: что в рамках изучения международно-политических проблем надо стремиться к поиску путей плодотворного сочетания, синтеза количественных и качественных методов; что надо развивать диалог между представителями различных подходов [Истомин, Байков, Худолей 2019: 66–67, 69–70, 84]; что все операции в рамках математического моделирования должны проводиться корректно и точно и при необходимости адаптироваться к конкретным задачам путём введения новых переменных, усложнения модели и т.д. [Дегтерев 2019: 48–49]; что в основе любого исследования (количественного или качественного) должны лежать корректные предпосылки [Дегтерев 2019: 55] и т.д. Тем не менее если бы всё было так просто, то мы бы, наверное, никогда не столкнулись со «вторыми большими дебатами», а современные исследования международных отношений не переживали бы того глубокого кризиса, в котором они находятся сейчас и на который всё чаще обращают внимание эксперты как в России [Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2019: 9], так и за рубежом [Mattern 2008; Mearsheimer, Walt 2013]¹.

¹ Здесь можно было бы возразить, что подобный диагноз является преждевременным и надуманным, что международные исследования развиваются вполне успешно, вовсе не демонстрируя никакого «кризиса». Активно развиваются региональные исследования, в сферу внимания экспертов попадают всё новые аспекты и измерения мировой политики, приумножая знания об окружающей действительности. Более того, нет недостатка в продуктивных концепциях, доказавших свою прикладную полезность, когда речь заходит об осмыслении и интерпретации тех или иных мирополитических процессов, политики глобальных и региональных игроков. Действительно, если говорить о прикладных теориях, теориях среднего уровня, за последние десятилетия международные исследования обогатились целым рядом интересных концепций. В то же время все эти факты не отменяют более масштабной проблемы, связанной с кризисом общих теорий международных отношений, теорий, призванных давать системный ответ на самые фундаментальные, базовые вопросы об объекте, целях и возможностях науки о международных отношениях. На эту проблему рано или поздно наталкивается любое частнонаучное исследование, когда речь заходит о выходе на более широкие обобщения; эта проблема объясняет значительную часть трудностей, связанных с попытками построения международно-политических прогнозов.

Чего не хватает этим формально правильным ответам, так это указания на пути возможной инструментализации содержащихся в них благих идей: как именно, на основе каких теоретических принципов и установок можно достичь плодотворного синтеза количественных и качественных методов, как именно можно подвести под международные исследования прочные научные основания, что именно составляет суть науки о международных отношениях.

Проблема в том, что удовлетворительно-го ответа на эти вопросы не содержится и в статье А.В. Фененко. Его ответ на них сводится, по сути, к апологии качественных, сравнительно-исторического и нормативного (документального), методов. Принимая во внимание современный уровень научной рефлексии с использованием этих методов, они также едва ли могут рассматриваться в качестве некой панацеи. Более того, если и говорить о кризисе современных международно-политических исследований, то именно представители качественных методов внесли в его возникновение решающий вклад.

Без ответа на поставленные вопросы невозможно не только конструктивное разрешение спора между сторонниками количественных и качественных методов в международных исследованиях, но и само их успешное развитие в направлении полноценной научной дисциплины в целом.

В то же время решение этой задачи представляет собой нетривиальную научную проблему, поскольку речь идёт о том, чтобы сделать предметом критического анализа самые устоявшиеся, привычные, кажущиеся естественными положения современной теории международных отношений. Это, в свою очередь, предполагает возможность выйти за её рамки, посмотреть на неё со стороны под принципиально новым углом зрения, который может обеспечить качественно иная философская картина мира, иная философия науки. Далее будут рассмотрены возможности так называемого критического реализма выступить в качестве такой альтернативы.

Выбор критического реализма обусловлен несколькими соображениями. *Во-первых*, подчёркнутое внимание анализу философских (онтологических и эпистемологических) оснований современных социально-гуманитарных исследований в целом и международных исследований в частности является визитной карточкой данного философского направления: оно как будто создано для решения обозначенных выше проблем. *Во-вторых*, его сторонники постарались использовать этот потенциал и смогли представить развёрнутую критику доминирующих в современной западной ТМО подходов и концепций. *В-третьих*, представители критического реализма не ограничились критикой, но постарались также наметить пути для преодоления проблем, накопившихся к настоящему моменту в международных исследованиях, превращения последних в полноценную науку.

2

Основные положения критического реализма были сформулированы британским философом Роем Бхаскаром во второй половине 1970-х годов [Bhaskar 1975, 1979]. Сторонники философии критического реализма (а речь идёт, по их мнению, именно об особой философии, а не о частнонаучной теории [Joseph, Wight 2010: 2, 16]) жёстко противопоставляют его идеи и принципы парадигме, доминирующей в современном западном социально-гуманитарном знании.

В контексте проблематики исследований международных отношений сторонники критического реализма утверждают, что в основе всей западной ТМО, всех доминирующих в ней на настоящий момент подходов (от реализма в различных его проявлениях до либерального институционализма, конструктивизма и постмодернизма вообще) лежит позитивистская философская традиция [Joseph, Wight 2010: 18; Yalvaç 2010: 169; Wight 2006, 2007; Joseph 2000, 2004, 2006, 2007; Potamäki, Wight 2000]. Именно она диктует фундаментальную общность теоретических построений в рамках современной ТМО, какие бы жесто-

чённые дискуссии ни разгорались между приверженцами отдельных направлений (классический пример — спор между сторонниками реализма и либерализма, но сюда же относятся и дебаты между позитивистами и постпозитивистами) [Patomäki, Wight 2000: 222; Yalvaç 2010: 169]. По мнению критических реалистов, эти споры вращаются главным образом вокруг второстепенных вопросов, неправильно истолкованных взглядов оппонентов и не до конца отрефлексированного понимания методологических оснований собственной позиции. Они утверждают, что именно позитивистская философская традиция задаёт жёсткие рамки для научного поиска внутри доминирующих в современной ТМО подходов, обуславливает ограниченность их выводов и практической полезности.

Критические реалисты пишут, что ключевой характеристикой, объединяющей на практике все господствующие в западной ТМО подходы, является юмовский эмпириокритицизм, то есть сведение реальности либо к тому, что доступно человеку в опыте и ощущениях (эмпирический реализм), либо к тому, что доступно в дискурсе (лингвистический реализм) [Joseph, Wight 2010: 9; Patomäki, Wight 2000: 218–220, 222]. Речь идёт о принципиальном отвержении возможности познания реальности вне доступного человеческому опыту/дискурсу, что, в крайних проявлениях подобного подхода, ведёт к отрицанию существования объективной реальности до и вне человеческого познания. Все ненаблюдаемые, недоступные непосредственному ощущению/восприятию явления, механизмы, структуры, всё то, что единственное и может позволить приблизиться к пониманию логики и принципов развития международных отношений, оказывается априорно исключённым из анализа [Joseph, Wight 2010: 17].

Эту методологическую позицию, сводящую все онтологические вопросы к вопросам эпистемологии, Р. Бхаскар называл «эпистемологическим заблуждением» (epistemic fallacy) [Archer, Bhaskar, Collier et al. 2013: 27]. С точки зрения онтологии позитивизм в духе юмовского эмпириокрити-

цизма оборачивается антиреализмом [Yalvaç 2010: 178]. Что касается эпистемологии, его результатом оказывается уплощённое, поверхностное восприятие международной реальности, которое ограничивается анализом событийного уровня. Задачей международных исследований при таком подходе оказывается поиск и выявление постоянно повторяющихся/внеисторических эмпирических закономерностей и построение на этой основе прогнозов на будущее [Joseph, Wight 2010: 18; Yalvaç 2010: 169].

Трактовка эмпирической закономерности в данном случае оказывается тесно связанной со специфическим пониманием каузальности, присущим позитивистской (в описанном выше широком понимании) традиции. Под эмпирической закономерностью понимается особый тип отношений между чётко идентифицируемыми событиями/атомарными объектами, связанными по принципу: если происходит А, то должно произойти В [Isaac 1987: 7; Joseph, Wight 2010: 16]. Или, говоря более развёрнуто, экспланандум (то, что подлежит объяснению) является логическим (и неизбежным) следствием/результатом общего закона и реализации совокупности условий, которые вместе образуют эксплананс (объяснение). Такая трактовка каузальности открывает возможность для построения прогнозов: если мы можем объяснить В, мы можем его предсказать [Isaac 1987: 20; Patomäki, Wight 2000: 227].

Ярким воплощением этих установок и принципов в ТМО является неореализм, сосредоточенный на изучении закономерностей взаимодействия атомарных субъектов (национальных государств). Как подчёркивают критические реалисты, именно к этому взаимодействию субъектов сводится в рамках неореализма понятие «структуры» международных отношений [Joseph, Wight 2010: 16–17; Yalvaç 2010: 172–173]. История международных отношений предстаёт как цепь постоянно повторяющихся явлений, в рамках которой никакие качественные перемены невозможны (в частности, анархический характер междуна-

родных отношений всегда порождает и будет порождать баланс сил) [Waltz 1979: 66]. На этом, по сути, антиисторичном понимании природы международной политики строятся и современные представления об исторически сменявших друг друга системах международных отношений и попытки прогнозирования развития мировой политики [Yalvaç 2010: 178].

Парадоксальным на первый взгляд образом в рамки этой исследовательской программы, по мнению критических реалистов, полностью вписываются и постмодернистские подходы. Они доводят до логического конца идею, что мы можем познавать окружающий мир только посредством некоторых описаний (концептуально нагруженных, дискурсивных по своей природе), утверждая, что никакой «объективной» реальности до и вне дискурса не существует [Об особенностях постмодернистских подходов см. подробнее: Конышев, Сергунин 2013]. Как таковая, постмодернистская методология таит в себе несколько взаимосвязанных и негативных для науки о международных отношениях тенденций. В свете изучения практики международных отношений она оборачивается своеобразным солипсизмом: мы можем изучать только дискурсивные практики, не ставя вопроса об их связи с какой-либо реальностью, существующей как «вещь в себе»; как таковой дискурс не может заблуждаться относительно своего объекта, поскольку и объект, и субъект познания являются неотъемлемыми элементами этого дискурса, конструируются им. В контексте изучения теории международных отношений она оборачивается эпистемологическим релятивизмом, утверждением идеи о принципиальной несовместимости конкурирующих парадигм и дискурсов о международных отношениях потому, что каждый из них сам конструирует свой объект и предмет и не существует никакой внешней реальности, приложение к которой позволяло бы верифицировать содержание тех или иных нарративов [Patomäki, Wight 2000: 217].

Не выходит за рамки этой исследовательской программы, по мнению критиче-

ских реалистов, и конструктивизм, который можно рассматривать как попытку занять срединную позицию между крайностями эмпирического реализма, с одной стороны, и лингвистического реализма — с другой; равно как и попытку примирить крайности индивидуализма (неореализм) и холизма (мир-системный подход), если говорить о проблеме агент-структура. Отдавая должное концепции А. Вендта, критические реалисты указывают, что эта попытка прийти к некоему глобальному компромиссу в ТМО, полностью оставаясь в русле позитивизма, изначально была обречена на провал. Как подчёркивают Х. Патомäки и К. Уайт: «Синтез, основанный на двух спорных метафизических системах, заканчивается синтезом двух спорных метафизических систем, а не более совершенной метафизической позицией» [Patomäki, Wight 2000: 215]. С позиций критического реализма фундаментальным недостатком конструктивизма, который позволяет однозначно идентифицировать его с позитивистской философской традицией, является сведение им понятия «структуры» к интерсубъективной деятельности [Joseph, Wight 2010: 20–21; Yalvaç 2010: 172–173]. Результатом становится всё то же смешение онтологических и эпистемологических вопросов, сосредоточенность на наблюдаемом поведении субъектов.

Наконец, в рамки этой общей исследовательской программы, по мнению критических реалистов, полностью вписываются и «вторые большие дебаты» в ТМО, поскольку как представители традиционных нарративных подходов, так и «модернисты», осознанно или нет, стояли на позициях эмпириокритицизма [Patomäki, Wight 2000: 222; Yalvaç 2010: 169]. В частности, их объединяло отмеченное выше уплощённое понимание каузальности как имеющей дело лишь с эмпирическими закономерностями, регулярно повторяемыми сочетаниями явлений.

Подобная концептуализация истории и содержания развития западной ТМО позволяет по-новому взглянуть на комплекс вопросов о роли и значении количествен-

ных методов в международных исследованиях, обозначенный в начале статьи. До тех пор, пока они остаются в заложниках позитивистской философии, количественные методы, на какие бы сложные и нюансированные математические и статистические модели они бы ни опирались, остаются так же далеки от понимания и объяснения международных процессов и явлений, как и традиционные нарративы. Как отмечают в этой связи представители критического реализма: «причина [явления. — *Прим. Н. Ю.*] представляет из себя нечто, совершенно отличное от ковариации» [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54]. Статистическая корреляция сама по себе ничего не может сказать о том, являются ли отношения между объектами/явлениями внутренне и сущностно необходимыми или же формальными и случайными, ситуативными — ответ на этот вопрос не может быть умозрительным, а должен опираться на анализ конкретной ситуации [Patomäki, Wight 2000: 228–229; Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 46]. Речь идёт о том, что научное объяснение не может ограничиваться работой с эмпирическими наблюдениями, констатацией, что за А обычно (с определённой вероятностью) следует В, а должно ставить трансфактуальные вопросы о том, какие генеративные механизмы стоят за рассматриваемым явлением [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58].

Более того, с точки зрения критического реализма до тех пор, пока количественные методы остаются в плену позитивистской философии, они остаются заложниками неизбывного субъективизма, как бы ни пытались его избежать: сведение реальности исключительно к тому, что доступно наблюдению, чувственному восприятию, замыкает весь процесс научного познания на субъекте, способном чувствовать и наблюдать [Patomäki, Wight 2000: 217].

Есть ли выход из этого плена?

З

Выход из тупика, в котором оказались исследования международных отношений и, шире, западные общественно-гумани-

тарные науки, лежит, по мнению сторонников критического реализма, в переводе их на качественно иные философские основания, в общем виде сформулированные в трудах Р. Бхаскара. В рамках данной статьи не представляется возможным дать подробную характеристику всему комплексу теоретических установок критического реализма и их более частных следствий, поэтому далее будут кратко охарактеризованы ключевые его положения.

Фундаментальное отличие философии критического реализма от юмовского эмпириокритицизма и, в целом, позитивизма заключается в принципиальном признании критическими реалистами существования объективной реальности до и вне человеческого познания [Joseph, Wight 2010: 11; Yalvaç 2010: 169].

Плоской онтологии позитивизма, сводящей все онтологические вопросы к эпистемологии, критический реализм противопоставляет картину сложной многоуровневой реальности. Непосредственному человеческому наблюдению доступна область фактического/эмпирического, данного в опыте и ощущениях. Именно с этим уровнем реальности работают исследователи, мыслящие в рамках позитивистской философии. В то же время одной этой областью реальность не исчерпывается. Под ней скрывается область действительного (actual), охватывающая в том числе явления, не доступные наблюдениям/ощущениям [Yalvaç 2010: 169]. Наконец, в основе всех явлений, как природных, так и социальных, лежит область реального (real), область генеративных механизмов, порождающих явления [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 20; Joseph, Wight 2010: 10; Jessop 2010: 187–188]. Генеративные механизмы, в свою очередь, выступают неотъемлемым свойством любого объекта, свойством, проистекающим из его [материальной. — *Прим. Н. Ю.*] структуры [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 55].

Подобное восприятие реальности позволяет исследователям по-новому взглянуть на проблему каузальности, которая в рамках критического реализма трактуется

не как свойство отношений между объектами или явлениями, а как имманентное свойство объекта, которое присуще ему в силу его природы [Isaac 1987: 46–47; Patomäki, Wight 2000: 223; Yalvaç 2010: 170; Sayer 2012: 181–182]. Она присутствует как в случаях, когда А влечёт за собой В, так и в случаях, когда этого не происходит.

В этой связи критические реалисты указывают на необходимость различать отношения внешние (случайные) и внутренние (субстанциальные), при этом последние делятся на симметричные и асимметричные [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 45–47]. В отличие от внешних, формальных отношений, которые могут носить совершенно случайный характер, субстанциальные отношения характеризуют реальную связь между объектами, которая обусловлена их природой и без которой они не могут существовать.

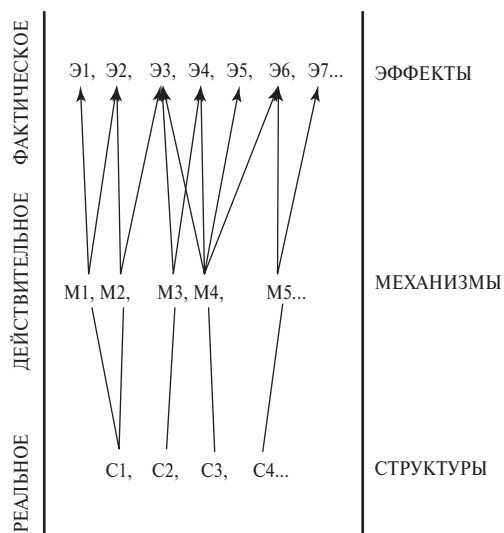
Внутренними, субстанциальными являются отношения между объектом (его структурой, природой) и его механизмами. С их выявлением и анализом связан процесс изучения реального уровня действительности.

Внешний характер, по мнению критических реалистов, носят связи между механизмами и их эффектами, которые имеют место на уровне фактического. Для производства эффекта механизм должен быть активирован. В то же время будет он активирован или нет; и если да, то какой эффект произведёт (именно этими эффектами и становятся эмпирически наблюдаемые события / уровень фактического), если произведёт вообще – зависит от конкретного, непредсказуемого сочетания условий, обусловленного тем, что одновременно в области действительного действует множество разнонаправленных генеративных механизмов [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54–55].

Один из наиболее авторитетных исследователей методологии критического реализма, А. Сайер, иллюстрирует эту мысль с помощью следующей схемы (рис. 1).

В неспособности различать разные виды каузальности, в сосредоточенности на установлении жёстко детерминированных кау-

Рисунок 1
Структуры, механизмы, эффекты

Источник: составлено автором на основе [Sayer 1992; 117].

зальных связей по принципу «если А, то В» и попытках конструирования на этой основе внеисторичных закономерностей, обвиняют сторонники критического реализма представителей традиционных, позитивистских подходов. С точки зрения критического реализма при анализе социальных процессов речь должна идти не о жёстко детерминированных связях, а о тенденциях. Целью научного познания должно быть не изучение эмпирических событий, а изучение генеративных механизмов функционирования объектов, лежащих в основе этих событий [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 54–58; Joseph, Wight 2010: 19].

Эта сложная, многослойная картина реальности присуща в равной мере как миру природы, так и социальному миру. На этом основании критические реалисты указывают на необходимость различать *переходное* и *непереходное* измерения научного познания [Joseph, Wight 2010: 13; Yalvaç 2010: 171]. Объективная реальность, всё то, что существует до и вне человеческой деятельности, формирует непереходный объект познания. Именно принципиальное признание наличия этой объективной реаль-

ности в рамках критического реализма, на наш взгляд, полностью выбивает почву из-под ног эпистемологического релятивизма. Проверка на практике соответствия тех или иных научных гипотез этой объективной реальности предстаёт главным средством их оценки и верификации, это тот самый универсальный критерий сравнения, на отсутствие которого ссылаются сторонники идеи несопоставимости теорий [Yalvaç 2010: 173–174]. Впрочем, сами критические реалисты занимают несколько непоследовательную позицию.

По их мнению, помимо непереходного объекта познания, существует и переходный, к которому относятся все наши знания о непереходном объекте (теории, концепции, термины), собственно — научный дискурс [Patomäki, Wight 2000: 224]. Критические реалисты указывают на имманентную связь этого дискурса с социально-историческим контекстом, заключая, что любое научное знание по природе своей является неполным, несовершенным, что оно всегда подвержено различным ограничениям (например, связанным с уровнем развития технологий, доступных в тот или иной исторический период), отрефлексированным и неотрефлексированным внешним воздействиям (интеллектуальная мода, методологическая ограниченность, политический заказ) [Joseph, Wight 2010: 13] — а потому ни одна научная парадигма или теория не может претендовать на звание истинной, не может настаивать на вытеснении всех остальных. В итоге критические реалисты признают и принимают неизбежность эпистемологического релятивизма [Patomäki, Wight 2000: 226–227].

Возможно, здесь имеет место не совсем удачный выбор ими термина — и правильное было бы говорить в данном случае об эпистемологическом плюрализме, но никак не о релятивизме. В то же время речь идёт не о случайной терминологической неточности, а о проблемах гораздо более масштабных, с которыми сталкивается критический реализм в западном академическом сообществе. Они будут рассмотрены более предметно в следующем разделе.

Сейчас же остановимся ещё на нескольких ключевых элементах рассуждений критических реалистов. Помимо отмеченной глубины, объективная реальность, по их мнению, отличается стратифицированностью и многослойностью [Patomäki, Wight 2000: 230]. Иными словами, реальность характеризуется иерархической структурой. Более высокие страты формируются в результате действия генеративных механизмов базовых. В то же время они несводимы к этим механизмам, обладают собственными эмерджентными свойствами, собственными генеративными механизмами и логикой развития [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58–62; Joseph, Wight 2010: 12]. В частности, процессы в общественной сфере не могут быть сведены в своём объяснении к биологическим особенностям строения людей (их физиологии и психологии), хотя в значительной мере ими определяются. Политические и ментальные процессы также несводимы к экономическим отношениям между людьми, хотя от них зависят. Это последнее обстоятельство особенно акцентируют сторонники критического реализма, подчёркивая отличие своей исследовательской программы от редукционистского прочтения марксизма, стремящегося свести объяснение всех социальных, политических и идеологических феноменов к экономике [Joseph, Wight 2010: 18–19].

С другой стороны, восприятие реальности как многослойной иерархической структуры позволяет критическим реалистам противопоставить свою исследовательскую программу построениям конструктивистов. В данном случае речь идёт о принципиальном признании несводимости социальных отношений к интерсубъективной деятельности акторов [Patomäki, Wight 2000: 225; Joseph, Wight 2010: 14–16, 20–21]. Социальная реальность предстаёт как объективная данность, существующая вне деятельности субъектов, но при этом зависящая от неё. В этом отношении её можно и нужно рассматривать как непереходный объект научного познания.

Задачей научного познания в этом контексте становится установление и изуче-

ние связей между различными областями и уровнями реальности. В естественных науках этой цели служит эксперимент. В общественно-гуманитарных науках, по мнению критических реалистов, эксперимент невозможен, поскольку речь идёт о феноменах, разворачивающихся в имманентно открытых системах, и главным инструментом познания становится абстракция [об этом см. подробнее: Danermark, Ekström, Karlsson 2005].

Таким образом, кредо критического реализма в целом характеризуется тремя взаимосвязанными составляющими: 1) онтологический/трансцендентальный реализм (признание существования объективной реальности до и вне человеческой деятельности, которая может быть полностью или частично недоступна человеческому восприятию и познанию); 2) эпистемологический релятивизм/оппортунизм (признание имманентной социально-исторической обусловленности любого знания, его относительность, фаллибилизм); 3) эмансипаторская критика (следует из второго утверждения и означает готовность исследователя критически оценивать доминирующие в обществе ценности и идеи) [Patomäki, Wight 2000: 224–225; Roberts 2001: 668].

Только последовательный перевод современных общественно-гуманитарных наук вообще и международно-политических исследований в частности на эти общепризнанные принципы открывает, по мнению критических реалистов, возможность для выведения их из эпистемологического тупика, в котором они оказались. Без этого бесперспективным будет оставаться и спор о методах международных исследований, который по своему характеру остаётся исключительно частным и инструментальным. Как справедливо отмечают в этой связи Х. Патомäки и К. Уайт: «эпистемологические спекуляции в онтологическом вакууме, в лучшем случае, являются субъективными и с неизбежностью ведут к бесплодным и изматывающим дискуссиям на эпистемологической почве» [Patomäki, Wight 2000: 227].

Как можно оценить этот рецепт по выводу международных исследований из кризиса, предлагаемый критическими реалистами?

4

В целом исследовательская программа критического реализма в том виде, в котором она изложена в современных зарубежных теоретических исследованиях, производит двойственное впечатление.

С одной стороны, критические реалисты, полностью оправдывая эпитет «критический», вскрывают недостатки, присущие парадигмальным для современной ТМО подходам, а также ограниченность философских оснований, на которых эти подходы строятся. В связи с этим анализ современной ТМО через призму критического реализма полезен тем, что позволяет показать фундаментальное единство всех господствующих в ней подходов (реализм, либерализм, конструктивизм, постмодернизм). Это позволяет диагностировать современное состояние международно-политических исследований, а значит, наметить пути к их «оздоровлению».

С другой стороны, критический реализм пока не в полной мере годится на роль «лекарства». Прежде всего это связано с половинчатостью выводов и непоследовательностью идей, предлагаемых его приверженцами в качестве альтернативы традиционным подходам. В этом отношении критический реализм в чём-то повторяет судьбу постмодернизма: в работах его сторонников много критики, хорошей, справедливой, аргументированной, но мало конструктивных предложений и конкретики в том, что касается возможностей операционализации выдвинутых идей, либо же эти предложения оборачиваются неоднозначными выводами.

В связи с этим обращают на себя внимание несколько взаимосвязанных тезисов, в той или иной мере разделяемых критическими реалистами.

Во-первых, как было указано выше, критические реалисты утверждают, что окружающая нас объективная реальность пред-

ставляет собой иерархическую структуру, где одни слои реальности являются базисом для других. Исходя из этого тезиса логично было бы предположить, что одной из первоочередных задач исследователя должно быть выявление и изучение их взаимосвязей в системном единстве. Вместо этого критические реалисты склонны акцентировать идею о несводимости одного уровня реальности к его базису, о возможности и необходимости рассматривать каждый из них отдельно [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 58–62 Joseph, Wight 2010: 12]. В итоге на выходе получается методология, которая характерна для политологических, исторических и социологических исследований, написанных в позитивистском русле [см., например: Mann 1986: 1–32]: мы видим всё те же, абсолютно равноценные по своему значению, сферы, области реальности (социальная, экономическая, политическая, идеологическая), каждая из которых имеет собственную логику и динамику развития.

Во-вторых, речь идёт о признании критическими реалистами сложной природы каузальности, которая проявляется в открытых системах (в частности, в системе международных отношений) и в неспособности постичь которую они обвиняют представителей традиционных подходов. Дело в том, что для самих критических реалистов утверждение этого нового, более глубокого понимания каузальности означает не новые возможности для познания социальных процессов и явлений, а дополнительные ограничения. В конечном счёте они приходят к выводу о принципиальной невозможности прогнозирования в сфере социальных отношений (в широком смысле), поскольку производство эффектов на уровне фактического/эмпирического оказывается результатом непредсказуемого сочетания разнонаправленных генеративных механизмов и их эффектов. В итоге критический реализм приводит к тем же (в практическом отношении) выводам, что и, например, постмодернистские исследования международных отношений: что предсказать ничего нельзя, что уделом исследова-

телей остаётся ретроспективный анализ уже произошедших событий [Danermark, Ekström, Karlsson 2005: 62–70].

В-третьих, следует отметить, что хотя критические реалисты в своих построениях уделяют подчёркнутое внимание философским проблемам, что именно ограниченности и ущербности философских оснований позитивистской традиции в ТМО они противопоставляют свою исследовательскую программу, их базовые онтологические и эпистемологические установки вызывают серьёзные нарекания. Обращают на себя внимание рассуждения критических реалистов о переходном и непереходном объектах научного познания. Отличительной чертой последнего, по их мнению, является неизменность [Patomäki, Wight 2000: 224; Yalvaç 2010: 171]. Этот тезис, по существу, никак не аргументируется и не объясняется, никак не выводится из иных положений критического реализма, выдвигаясь в виде аксиомы. Здесь имеет место смешение двух принципиально разных проблем: признания существования самостоятельной, не зависящей от человеческой деятельности объективной реальности, и определения её существенных характеристик. Из признания факта существования реальности до и вне человеческого познания никак не может следовать вывод о её статичности, поскольку эти вопросы лежат в разных плоскостях. Итогом их смешения становится фундаментально статичная методология познания, которая по природе оказывается неспособной в полной мере осмыслить социальные процессы и явления в динамике и которая является такой же антиисторичной, как и построения позитивистов.

К этим сугубо научным проблемам современных интерпретаций критического реализма можно добавить несколько гораздо более «приземлённых» замечаний, которые в то же время позволяют понять и объяснить первые.

Так, стоит отметить обтекаемость, дипломатичность и уклончивость формулировок критических реалистов, начиная с самого Р. Бхаскара. Дело в том, что за всеми эпита-

тами к слову «реализм» (научный, критический, онтологический, трансцендентальный, эмпирический, лингвистический), которыми снабжены рассуждения критических реалистов, скрывается в действительности спор между идеалистической и материалистической традициями в философии. Работы критических реалистов, хоть и завуалированно, проводят мысль, что вся современная западная теория международных отношений построена на идеалистической философской традиции. С этой точки зрения реалисты, либералы и конструктивисты должны рассматриваться как представители объективного идеализма (в отдельных случаях — агностицизма), а постмодернистские подходы предстают как относительно новое прочтение идеализма субъективного, граничащего с солипсизмом. В этом отношении сам критический реализм оказывается лишь попыткой вернуть в западный академический мейнстрим материалистическую традицию². То, что современным материалистам приходится прибегать к подобному эзопову языку, старательно избегая в своих работах страшного слова «материя», говорит о том, что материализм остаётся во многом табуированной на Западе темой, а декларируемый плюрализм мнений имеет на самом деле вполне конкретные границы допустимого.

Именно этим стремлением в том или ином виде вписать материализм в западный академический дискурс объясняются нарочитые усилия критических реалистов, призванные показать, что их подход существенно отличается от марксизма (отсюда акцент на идее о несводимости объяснений развития одной страны особенностями её базиса, подчёркнутое осуждение редукционизма) [Joseph, Wight 2010: 3; Yalvaç 2010:

171]. Именно этим объясняются абсурдные, в контексте изложенных выше методологических принципов критического реализма, утверждения, что он вполне совместим с тем же классическим реализмом в ТМО [Joseph, Wight 2010: 4]. Именно этим, наконец, объясняется половинчатость и непоследовательность собственных построений критических реалистов.

В частности, пораженческие выводы современных апологетов критического реализма относительно нецелесообразности изучения различных уровней реальности в их *иерархической взаимосвязи* и невозможности прогнозирования социальных явлений носят преждевременный характер. Они объясняются вовсе не тем, что в своих исследованиях критические реалисты исчерпали все возможности материалистической философии, достигнув её объективных пределов, а тем, что они не смогли или не захотели этими возможностями воспользоваться. В этом отношении обращает на себя внимание практически полное отсутствие упоминания в работах критических реалистов понятия диалектики.

Своеобразным признанием наличия этой проблемы может служить выход в свет, спустя почти двадцать лет после публикации первых фундаментальных работ, излагавших принципы критического реализма, монографии Р. Бхаскара, специально посвящённой диалектике [Bhaskar 1993]. Впрочем, эта работа не смогла принципиально изменить сложившихся тенденций в исследованиях критического реализма, которые по-прежнему отличаются недостаточной диалектичностью, статичностью, что признают и западные учёные [Roberts 2001]. Между тем, возможно, именно обращение к диалектике могло бы

² В этом контексте можно было бы возразить, что традиция (нео)марксистских исследований формально никогда не прерывалась в западной политологической мысли, богато представлена монографическими работами и целым рядом специализированных периодических изданий и в этом отношении не может рассматриваться как незаслуженно забытая. Заметим, что, *во-первых*, вопрос о том, насколько марксистскими и материалистическими являются эти работы, остается открытым; *во-вторых*, наличие специализированных периодических изданий для «своих» лишь подчёркивает маргинальный, сегрегированный статус этих концепций, которые редко становятся предметом широкого обсуждения в международно-политической науке.

позволить решить большую часть отмеченных проблем и недостатков критического реализма, хотя эта гипотеза нуждается в дальнейшей проработке.

Пока же приходится констатировать, что критический реализм в современном виде едва ли в состоянии реализовать поставленные перед собой цели и дать настоящему рабочую альтернативу традиционным позитивистским подходам. В то же время это утверждение никак не отменяет, как минимум, двух заслуг критического реализма: *во-первых*, он позволяет убедительно показать изначальную ограниченность теоретических и прикладных возможностей позитивистских исследований международных отношений; *во-вторых*, он обозначает направление для научных поисков, которое теоретически позволяет отойти от традиционных установок и стереотипов.

* * *

С точки зрения дискуссии о методах, которая развернулась на страницах журнала «Международные процессы», взгляд через призму критического реализма представляется небезынтересным сразу по нескольким причинам.

Во-первых, он возвращает нас к сути всех больших дебатов в ТМО. В данном случае за фасадом спора о методах скрывается гораздо более фундаментальный вопрос о том, какими должны быть международные исследования, чтобы иметь право называться наукой. Именно против претензий сторонников количественных методов на нахождение единственного правильного ответа на этот вопрос — через квантификацию, придание международным процессам и явлениям количественной определённости — выступают сторонники традиционных нарративных подходов.

Во-вторых, методология критического реализма даёт возможность посмотреть на эту полемику со стороны, под принципиально иным углом зрения. Такая перспектива позволяет показать, что в действи-

тельности как участники спора о методах, так и вообще все господствующие в современной ТМО подходы (/нео/реализм, /нео/либерализм, конструктивизм, постмодернизм) находятся в одной и той же системе координат, определяемой их принадлежностью к идеалистической философской традиции. Как следствие, в основе своей эти подходы и позиции отличаются фундаментальным единством. Все они разделяют схожие эпистемологические установки, которые в конечном счёте определяют весьма ограниченный практический потенциал всех этих подходов, когда речь идёт об изучении и объяснении международных реалий, не говоря уже об их прогнозировании.

В результате обращение к методологии критического реализма позволяет заключить, что в силу описанных обстоятельств в настоящий момент спор о методах решения не имеет. До тех пор, пока и качественные, и количественные методы международных исследований будут исходить из положений идеалистической философии, как взятые по отдельности, так и совмещённые в той или иной пропорции, они будут предлагать в лучшем случае ограниченные объяснения, в худшем — приводить к ошибочным выводам.

Наконец, обращение к методологии критического реализма позволяет наметить пути выхода из этого тупика. При этом важно подчеркнуть, что сам критический реализм в современном его состоянии, в силу половинчатости выводов и предложений, статичности теоретических установок, не даёт готовых решений. Тем не менее он указывает направление для дальнейших поисков. Этим направлением может стать обращение к недоиспользованному потенциалу материалистической философии. Причём, в отличие от немного наивного, статичного материализма критических реалистов, речь должна идти о материализме диалектическом, способном охватить и осмыслить международные процессы и явления в их динамике.

Список литературы

- Дегтерёв Д.А. «Второй большой спор» в контексте становления российской науки о международных отношениях // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 43–62.
- Истомин И.А., Байков А.А., Худолей К.К. Международные отношения. Наука без метода? // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 63–90.
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. «Постпозитивистская революция» и философия мировой политики // *Философские науки*. 2013. № 9. С. 54–64.
- Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма (предисловие О. Ананьина) // *Вопросы экономики*. 2006. № 2. С. 75–98.
- Фененко А.В. Статистика против истории // *Международные процессы*. 2018. № 3. С. 56–83.
- Фигура А.О. Критический реализм: методологическая альтернатива для социальных наук // *Омский научный вестник*. 2012. №1. С. 114–117.
- Фигура А.О. Онтологические основания социальной реальности в концепции трансцендентального реализма Р. Бхаскара // *Вестник Омского университета*. 2012. №1. С. 35–39.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 8–18.
- Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. *Critical realism: essential readings*. Hoboken, Taylor and Francis, 2013. 785 p.
- Bhaskar R. *A realist theory of science*. Leeds: Leeds Books, 1975. 258 p.
- Bhaskar R. *Dialectic: the pulse of freedom*. London: Verso, 1993. 419 p.
- Bhaskar R. *The possibility of naturalism: a philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge, 1979. 194 p.
- Danermark B., Ekström M., Karlsson J. *Explaining society: critical realism in the social sciences*. New York: Routledge, 2005. 228 p.
- Isaac J.C. *Power and Marxist theory: a realist view*. Ithaca: Cornell University Press, 1987. 238 p.
- Jessop B. World market, world state, world society: Marxian insights and scientific realist interrogations / *Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 186–202.
- Joseph J. 'A realist theory of hegemony' // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2000. Vol. 30. No. 2. P. 179–202.
- Joseph J. 'Foucault and reality' // *Capital & Class*. 2004. Vol. 82. P. 141–163.
- Joseph J. *Marxism and social theory*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 171 p.
- Joseph J. Philosophy in international relations: a scientific realist approach // *Millennium: Journal of International Studies*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 345–359.
- Joseph J., Wight C. *Scientific realism and international relations / Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 1–30.
- Mann M. *The sources of social power*. Vol. 1. London: Cambridge University Press, 1986. 549 p.
- Mattern J.B. The concept of power and the (un)discipline of international relations / *The Oxford handbook of international relations* // ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford: Oxford University Press, 2008. 772 p.
- Mearsheimer J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Patomäki H. *After international relations: critical realism and the (re)construction of world politics*. London: Routledge, 2003. 267 p.
- Patomäki H., Wight C. After postpositivism?: the promises of critical realism // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 213–237.
- Roberts J.M. Critical realism and the dialectic // *British Journal of Sociology*. 2001. Vol. 52. No. 4. P. 667–685.
- Sayer A. *Method in social science: a realist approach*. London: Routledge, 1992. 313 p.
- Sayer A. Power, causality and normativity: a critical realist critique of Foucault // *Journal of Political Power*. 2012. Vol. 5. No. 2. P. 179–194.
- Waltz K.N. *Theory of international politics*. New York: Random House, 1979. 251 p.
- Wight C. *Agents, structures and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 340 p.
- Wight C. A manifesto for scientific realism in ir: assuming the can-opener won't work! // *Millennium: Journal of International Studies*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 379–398.
- Yalvaç F. Critical realism, international relations theory and Marxism / *Scientific realism and international relations* // Ed. J. Joseph, C. Wight. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 167–185.

SEARCHING FOR SCIENCE OF INTERNATIONAL RELATIONS

INSIGHTS FROM CRITICAL REALISM*

NIKOLAY YUDIN

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract

A serious academic debate in general, let alone on theoretical and methodological issues, is rare for both Western and Russian peer-reviewed journals. In the context of discussion, launched by a polemical article by a prominent Russian IR expert Alexey Fenenko, published in 2018 in the 'International Trends' journal, is more important and noteworthy. Nominally both this article and the subsequent responses from Denis Degterev, Igor Istomin, Andrey Baykov and Konstantin Khudoley focused on a long-running dispute between the proponents of quantitative and qualitative methods in IR studies. However, the true essence of this discussion, as well as its implications, goes far beyond a mere technical argument about methods. The present article examines this discussion as well as developments in contemporary IR theory through the lens of critical realism (CR). The first section considers the arguments of the discussants and shows that they tend to focus on secondary, technical issues leaving out the key subject of the dispute, i.e. how should international studies be organized in order to have a right to be called a science. In order to bring this issue back into the spotlight and to provide a new perspective on the issue, the second section considers the problem field of the contemporary IR theory from the viewpoint of CR. According to critical realists all predominant approaches in the mainstream IR theory are rooted in the Humean empiricism which to a large extent explains both epistemological and practical limitations of the contemporary IR studies. As an alternative, they advance the ideas of the founder of critical realism, British philosopher R. Bhaskar. The third section examines the key epistemological and ontological provisions of CR, which include the fundamental recognition of objective reality, existing prior to and beyond human activities, reality, which is stratified and differentiated. They also entail a specific perception of causality and of possible limits of cognoscibility and predictability of social phenomena. Nonetheless the article is far from a straightforward apology of critical realism. The fourth section identifies certain weaknesses of contemporary interpretations of CR in the context of IR theory, which include a static nature of their methodology and inconsistency of their implications. The author concludes that the major contribution of CR to the IR theory lies in providing a clear path for further research – that is development of materialist theories and approaches.

Key words:

theory of international relations; second great debate; quantitative methods; Critical Realism; R. Bhaskar; neorealism; constructivism; positivism; materialism.

References

- Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. (2013). *Critical realism: essential readings*. Hoboken: Taylor and Francis. 785 p.
- Bhaskar R. (1975). *A realist theory of science*. Leeds: Leeds Books. 258 p.
- Bhaskar R. (1979). *The possibility of naturalism: a philosophical critique of the contemporary human sciences*. London: Routledge. 194 p.
- Bhaskar R. (1993). *Dialectic: the pulse of freedom*. London: Verso. 419 p.
- Danermark B., Ekström M., Karlsson J. (2005). *Explaining society: critical realism in the social sciences*. New York: Routledge. 228 p.
- Degterev D.A. (2019). «Vtoroy bol'shoy spor» v kontekste stanovleniya rossiiskoy nauki o mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Towards «second great debate» in Russian IR]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 43–62.

* The study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00088.

- Fenenko A.V. (2018). Statistika protiv istorii [Statistics versus history]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3. P. 56–83.
- Figura A.O. (2012a). Kriticheskii realizm: metodologicheskaya al'ternativa dlya sotsial'nykh nauk [Critical realism: Methodological alternative for social sciences]. *Omskii nauchnyi vestnik*. No. 1. P. 114–117.
- Figura A.O. (2012b). Ontologicheskie osnovaniya sotsial'noi real'nosti v kontseptsii transtsendental'nogo realizma R. Bhaskara [Ontological foundation of social reality in the conception of transcendental realism (R. Bhaskar)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 1. P. 35–39.
- Isaac J.C. (1987). *Power and Marxist theory: a realist view*. Ithaca: Cornell University Press. 238 p.
- Istomin I.A., Baykov A.A., Khudoley K.K. (2019). Mezhdunarodnye otnosheniya. Nauka bez metoda? [International relations. Science without method?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 63–90.
- Jessop B. (2010). World market, world state, world society: Marxian insights and scientific realist interrogations. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 186–202.
- Joseph J. (2000). A realist theory of hegemony. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 30. No. 2. P. 179–202.
- Joseph J. (2004). 'Foucault and reality'. *Capital & Class*. Vol. 82. P. 141–163.
- Joseph J. (2006). *Marxism and social theory*. London: Palgrave Macmillan. 171 p.
- Joseph J. (2007). Philosophy in international relations: a scientific realist approach.
- Joseph J., Wight C. (2010). Scientific realism and international relations. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 1–30.
- Konyshchikov V.N., Sergunin A.A. (2013). «Postpozitivistskaya revolyutsiya» i filosofiya mirovoi politiki [The «post-positivist revolution» and the philosophy of world politics]. *Filosofskie nauki*. No. 9. P. 54–64.
- Lawson T. (2006). Sovremennaya «ekonomicheskaya teoriya» v svete realizma (predislovie O. Anan'ina) [A realist perspective on contemporary «economic theory» (foreword by O. Ananyin)]. *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. P. 75–98.
- Mann M. (1986). *The sources of social power*. Vol. 1. London: Cambridge University Press. 549 p.
- Mattern J.B. (2008). The concept of power and the (un)discipline of international relations. In Reus-Smit C., Snidal D. (eds) *The Oxford handbook of international relations*. Oxford: Oxford University Press. 772 p.
- Mearsheimer J., Walt S.M. (2013). Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for international relations. *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 345–359.
- Patomäki H. (2003). *After international relations: critical realism and the (re)construction of world politics*. London: Routledge. 267 p.
- Patomäki H., Wight C. (2000). After postpositivism? The promises of critical realism. *International Studies Quarterly*. Vol. 44. No. 2. P. 213–237.
- Roberts J.M. (2001). Critical realism and the dialectic. *British Journal of Sociology*. Vol. 52. No. 4. P. 667–685.
- Sayer A. (1992). *Method in social science: a realist approach*. London: Routledge. 313 p.
- Sayer A. (2012). Power, causality and normativity: a critical realist critique of Foucault. *Journal of Political Power*. Vol. 5. No. 2. P. 179–194.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2019). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i obraz zheleaznogo zavtra [Theory of international relations and image of desired future]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2 (57). P. 8–18.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of international politics*. New York: Random House. 251 p.
- Wight C. (2006). *Agents, structures and international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 340 p.
- Wight C. (2007). A manifesto for scientific realism in ir: assuming the can-opener won't work! *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 379–398.
- Yalvaç F. (2010). Critical realism, international relations theory and Marxism. In Joseph J., Wight C. (eds) *Scientific realism and international relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 167–185.

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА

Karagiannis E. The new political Islam: human rights, democracy, and justice. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2018. 255 p.

Карагианнис Э. Новый политический ислам: права человека, демократия и справедливость. Филадельфия: Университет Пенсильвания Пресс, 2018. 255 с.

Не будет преувеличением утверждать, что подъём политического ислама в XXI в. стал одной из центральных тем в международных исследованиях. Монография эксперта Кингз Колледжа Эммануэля Карагианниса посвящена исследованию причин и предпосылок расширения влияния политического ислама в странах с немусульманским населением, его структурному преобразованию и перспективам взаимодействия с немусульманским миром. Исследование претендует на новый подход в вопросе понимания политического ислама.

Глобальность этой религии, которую исповедуют более 1,7 млрд человек на всех континентах, кроме Антарктиды, никем не оспаривается. Тем не менее Э. Карагианнис настаивает на том, что влияние политического ислама не может быть только глобальным. Оно в большей степени локально, так как его воздействие ощущается на местном уровне.

По мнению исследователя, есть несколько причин глобально-локальной природы этого явления. *Во-первых*, существует множество версий исламского учения — «Ислам разделён и по горизонтали, и по вертикали. Суннитско-шиитский раскол свирепствовал после смерти пророка Мухаммеда в 632 году, порождая различные теологические взгляды, ритуалы и традиции. Кроме того, каждая из двух деноминаций содержит школы пра-

воведения (учение “матхаб”), которые предлагают различные методологии установления исламских правил и положений» (с. xi).

Во-вторых, этнические и культурные различия мусульманских народов в течение ряда веков эволюции ислама способствовали тому, что исламские принципы были слиты с местными практиками. В результате родились эфиопский ислам, казахский ислам, тайский ислам. Другими словами, произошла локальная адаптация конфессиональных установок.

В-третьих, политические выражения мусульманской веры весьма разнообразны потому, что они приспособляются к местным обстоятельствам. Представители политического ислама используют избирательный процесс и мирную политическую борьбу, чтобы обрести власть там, где это возможно, но не отказываются от опоры на вооружённую силу там, где иные формы достижения поставленных целей не срабатывают. В связи с этим внутри ислама разнообразие политических подходов очень велико: от реформизма до фундаментализма.

Этим же Э. Карагианнис объясняет конфигурацию нового политического ислама, который «состоит из активистов, политиков и боевиков, которые действуют как глокализаторы, передавая глобальные идеи и нормы местным мусульманским общи-

нам» (с. xi). В частности, исламистские активисты используют язык прав человека, чтобы подвергнуть сомнению социально-экономический и политический статус мусульман, живущих на Западе. Одновременно некоторые из них защищают институт исламского государства как поборника мусульманских прав.

Термин «исламистский активизм» (Islamist activism) Э. Карагианнис использует, «чтобы описать любую систематическую попытку мобилизовать людские и другие ресурсы с целью продвижения исламской повестки дня ненасильственными средствами» (с. 17). Несмотря на то что многие активисты уверены, что парламент не издаёт законы, так как шариат, это привилегия, оставленная Богу, они признали выборные институты как единственный способ прихода к власти в своих странах. В то же время есть исламисты, принимающие структуру демократии, которая подчёркивает политическое равенство и принцип большинства, обеспечивая им политическую легитимность.

Вторую группу агентов составляют политики, которые создают политические партии, придавая новую форму исламу — исламо-демократию (Islamodemocracy). Их цель «предвыборная, электоральная и постэлекторальная борьба и маневрирование для поддержки мусульманских дел и исламизации общества» (с. 18). По мнению исследователя, «эта группа не отрицает важности конкретных политических, культурных элементов и традиций. Фактически она направлена на объединение общинных реалий с исламскими принципами и верованиями. Исламо-демократия — это новая тенденция, которая изменила характер политической конкуренции в некоторых странах с мусульманским большинством» (с. xiii).

Третья группа — суннитские и шиитские боевики, эксплуатирующие принцип справедливости для мобилизации общественной поддержки. Они отстаивают необходимость защиты мусульманских сообществ, чтобы оправдать действия против своих противников. Они уверены, что только че-

рез борьбу можно достичь справедливого мира.

Э. Карагианнис выделяет несколько доводов в пользу того, что воинственность нового исламизма локальна. Первый из них связан с тем, что «современные боевики стали больше ориентироваться на достижение локальных, а не глобальных целей, которые оказались недостижимыми и нереалистичными. ...Локализация исламистской воинственности означает, что контроль над территорией является необходимым шагом для выполнения этой миссии. Но достижение государственности редко является мирным процессом. Изменению территориального или политического статус-кво часто противостоят мусульмане другой политической ориентации или сектантской принадлежности» (с. 20).

Второй довод в пользу локальности исламистской воинственности апеллирует к сохраняющемуся сектантству внутри ислама: шииты и сунниты ведут борьбу друг с другом за построение государства (халифата) только для своих последователей. Тем самым «воинственные исламисты борются не только за власть, но и за признание. Эта новая форма исламистской воинственности связана как с политической идентичности, так и с политической власти» (с. 20). Третий довод состоит в том, что воинственные исламисты, «несмотря на глобальные тенденции, придерживаются локального видения идеализированной общественной жизни, ограниченной членами определённой деноминации» (с. 21).

Происходящие глобально-локальные тенденции в новом политическом исламе, по мнению Э. Карагианниса, объединяются и связываются через *фреймы*. Фрейм — это интерпретирующая схема, посредством которой обрабатывается и передаётся информация. Она представляет собой форму дискурса, который акцентирует внимание на ключевых сообщениях для сообщества с целью мобилизации сторонников.

В новом политическом исламе присутствуют три категории фреймов: *диагностические*, которые сосредотачиваются на проблеме (например, интерпретация Сеида

Катба Джахилийя /jahiliyya/ — то есть до-исламского периода); *предписывающие*, которые предлагают желательное решение (например, известный лозунг Ихвана «Ислам является решением» — Al-Islam huwa al-hal); *мотивационные*, которые поощряют потенциальных участников присоединяться к социальному движению (например, политическая партия Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (Hizb utTahrir) утверждает, что её участники составляют «умму внутри уммы», то есть группу людей, у которой есть специальная миссия в жизни, и поэтому её участники будут вознаграждены в загробной жизни).

Все фреймы идентифицируются с решением одной или нескольких групп проблем: экологических, националистических, антиимпериалистических и других. Они тщательно разработаны с учётом культуры потенциально сочувствующих и характера конкретной ситуации. Основные фреймы обычно передаются через СМИ, беседы, речи, лозунги, визуальные представления (фотографии и плакаты) и Интернет.

Несмотря на различия в подходах, все группы нового политического ислама разделяют идеологию исламизма, которая состоит в достижении справедливости через построение особого государства — неохалифата (Neokhilafah). Э. Карагианнис указывает, что достижение этой цели просматривается только в условиях глокализации. Последняя предполагает комбинацию интенсивного внедрения общественного устройства по законам ислама на локальном уровне и обширного глобального взаимодействия с немусульманами в других странах.

Э. Карагианнис утверждает, что новый политический ислам прошёл три фазы становления. Первая имела место начиная с 1928 года, когда была учреждена организация Братьев-мусульман (Muslim Brotherhood), и продолжалась до конца 1980-х годов. По масштабам обязательств это был локальный исламизм внутри существующих государств, а главными его противниками выступали национальные правитель-

ства и зарубежные силы. Исследователь пишет, что «Первое поколение может быть описано как “исламистские националисты” (Islamist nationalists)» (с. 6).

Вторая фаза эволюции политического ислама началась с появления Аль-Каиды и продолжалась до событий 11 сентября 2001 г. в США. В это время политический ислам стал глобальным, с проявлением черт неофундаментализма, который породила глобализация. Идентификация политического ислама состояла в масштабах «глобальной уммы», а главным его противником был объявлен Запад. В этой связи второе поколение нового ислама может быть описано как «исламистские глобалисты» (Islamist globalists).

Третья фаза развития политического ислама стартовала после 2001 г. и продолжается до сих пор. Она характеризуется фрагментацией внутри ислама в результате становления различных политических партий и движений, борющихся за политическое и идеологическое превосходство. Масштаб обязательств этой генерации глобально-локальный, идентификация происходит на более широком уровне, чем нация-государство. Это, например, уровень сообщества суннитов или шиитов или широкого сообщества ИГИЛ (ISIS). Противник различных групп, отождествляемых с политическим исламом, многолик — это западные правительства, атеисты и не принадлежащие к данному отдельному сообществу исламисты. В этой связи третье поколение Э. Карагианнис обозначает как «исламисты коммунитаристы» (Islamist communitarians). Он поясняет, что «их предполагаемое сообщество состоит из благочестивых мусульман, чья лояльность и идентичность определяются их приверженностью определенной версии исламской подлинности» (с. 11).

Парадоксальным образом, за счёт фрагментации, гибридизации и дифференциации в условиях глобализации новый политический ислам окреп, стал способен усваивать универсальные нормы, интерпретировать внешние влияния и приспосабливать их к собственной среде. Между-

народные события нового века, связанные с американской войной с терроризмом в исламском мире, не только создали в нём напряжённые отношения, но также привели к укреплению смысла панисламской солидарности.

Между тем, по мнению Э. Карагианниса, мусульмане не имеют и не стремятся обрести единую идентичность: «Каждое мусульманское общество обладает своей историей и проблемами, определяющими его путь. В этой связи этот новый панисламизм не всегда означает государственность; он скорее подчёркивает необходимость выработки надлежащих исламских ответов на транснациональные вызовы в качестве альтернативы западным вызовам» (с. 12).

В действительности мусульманский мир пытается решить возникшие новые проблемы, которые создают ощущение угрозы его разрушению. Неожиданным образом в рамках противодействия этому вызову усиливается склонность исламистских активистов использовать дискурс прав человека для продвижения своих политических целей.

В книге также анализируется активность европейских новообращённых в ислам, которые пытаются распространить исламистскую повестку дня в своих странах. Э. Карагианнис прослеживает их опыт превращения в исламистов. Он также анализирует работу организаций, которые созданы и управляются новообращёнными-активистами. Они, по мнению исследователя, создали и размножили «гибридный исламизм» (*hybrid Islamism*): «Хотя эти исламисты имеют различное происхождение, ориентацию и цели, все они использовали основу прав человека для получения поддержки и передачи своих посланий своим общинам» (с. xv). Новообращённые-активисты смогли утвердить гибридный исламизм среди мусульманских сообществ Европы, осуждая политику ассимиляции и интеграции.

Отдельного рассмотрения в книге Э. Карагианниса удостоивается исламистская организация Хизб ут-Тахрир, известная своей международной активностью.

Монография описывает идеологию и стратегию этого объединения, а также оценивает его действия в странах Запада и Юго-Восточной Азии, в постсоветских странах, Китае и на Большом Ближнем Востоке. Одна из глав книги посвящена исламистским партиям, которые вошли в демократический процесс и пришли к власти через выборы. Они поддержали новую версию исламизма, который комбинирует плюрализм с исламскими ценностями через создание исламо-демократии. Э. Карагианнис сосредотачивает анализ на трёх партиях, которые представляют эту политическую тенденцию: Турецкой партии Справедливости и Развития, Египетской партии Братья-Мусульмане и тунисской партии аль-Нахда. Эти исламистские организации признали возможность политических систем, основанных на демократических институтах.

Исследователь анализирует политические проявления салафизма в Египте и Тунисе. Недавно созданные партии салафитов имеют ультраконсервативные представления в социальных вопросах, но и они осудили применение насилия. Они решили участвовать в избирательных кампаниях в парламенты, действуя в пределах конституций. Партия аль-Нур в Египте и партия Фронт Реформы в Тунисе посчитали целесообразным защищать исполнение шариата демократическими средствами.

В противовес этим примерам Э. Карагианнис исследовал шиитскую воинственность в Ливане, Сирии и Ираке. Он рассмотрел историю развития и стратегии двух самых многочисленных организаций, борющихся с суннитами на Ближнем и Среднем Востоке, — Хизбалла (*Hizb'allah*) и Армия Махди (*Mahdi Army*). В книге присутствует и анализ вооружённой борьбы суннитских групп в Сирии и Ираке. Она описывает происхождение и развитие аль-Нусры и ИГИЛ, которые стремятся свергнуть шиитские режимы в мусульманских странах. Обе группы — часть движения салафитских джихадистов (*Jihadi-Salafi*), которое стремится создать государство, построенного на шариате и тем самым обе-

спечивающего справедливость. Суннитские бойцы, по мнению Э. Карагианниса, также являются глокализаторами исламизма, потому что они пытаются достичь локальных целей, апеллируя к глобальным процессам.

В заключение монографии обсуждаются отношения между Западом и мусульманским миром. Э. Карагианнис отстаивает конструктивный подход к взаимодействию с глобально распространяющимся, но локально действующим новым политическим исламом. Автор утверждает, что в нём одновременно идут восходящий (или глобальный) и нисходящий (или локальный) процессы культурных изменений и политического развития. В этой связи «Политический ислам можно понимать как глобальное социальное движение со многими локальными компонентами. ... Новый политический ислам — это глобальное движение синтеза и антитезы, которое постоянно перенимает и адаптируется к процессам и идеям на местном уровне» (с. 24).

Э. Карагианнис утверждает: «необходимо признать разнообразие, существующее в мире политического ислама. Боевики представляют в абсолютном выражении лишь незначительное меньшинство исламистов. На самом деле демонизация исламизма контрпродуктивна и нравственно неверна» (с. 185). В этой связи, по его мнению, для Запада более перспективной стратегией может стать сотрудничество с исламо-демократами, чтобы искоренить из политической практики исламофобию.

Он призывает принять как должное, что новый политический ислам — главная сила на Ближнем Востоке.

В качестве критики рецензируемой монографии следует отметить, что автором вскрыты только внутренние причины появления нового ислама и модернизации исламской воинственности, результатом которых стали как значительное расширение деятельности различных религиозных деноминаций, так и переход их преимущественно к локальным действиям для достижения политических целей. В книге совершенно игнорируется внешний фактор — вмешательство западных стран во главе с США под предлогом борьбы с международным терроризмом в незападный исламский мир и навязывание ему своих политических традиций и культурных ценностей. Поэтому призыв Э. Карагианниса к сотрудничеству с исламо-демократами непродуктивен.

Кроме того, на наш взгляд, монографии присуща методологическая незаконченность. Проанализировав религиозно-политические трансформации в исламском мире, автор не предложил прогнозные сценарии дальнейшего развития нового ислама как в условиях включённости новых игроков (России, Китая и др.) в исламском мире, так и провала американской политики миростроительства в арабских странах.

Илья Соков
доктор исторических наук

ЭПОХА ГЛОБАЛЬНЫХ ИКТ

Ткаченко С.Л., Терехов А.Н. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на глобальном рынке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 312 с.

Становление информационного порядка влияет на политические системы и культуры государств, воздействует на силовые отношения в мире, способствует утверждению глобальных норм и принципов. В дополнение к распространению информационно-коммуникационных сетей новейшие технологии благоприятствуют повышению конкурентоспособности, экономической взаимозависимости, укреплению многосторонних институтов. В глобальную цифровую эпоху, которая формирует сетевые структуры и бросает вызов сложившимся иерархиям, информационный компонент проявляется в ряде важных процессов: формировании новых элит, обеспечении национальной безопасности, построении идентичности, модернизации общества. Вместе с тем информационные войны, кибератаки и другие угрозы, включая развитие новых форматов манипулятивного воздействия на общественное мнение, выходят за пределы классической межгосударственной динамики и противостоят традиционным (гео)политическим договорённостям.

Монография математика А.Н. Терехова и экономиста С.Л. Ткаченко мастерски освещает возникновение индустрии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в России, США и других странах мира. Авторы чётко зафиксировали важнейшую особенность матрицы формирующегося информационного общества: завоевание индустрией ИКТ одной из главных позиций в политико-экономической структуре современного мира. Резко возросшая роль ИКТ проявляется во всех сферах общественного развития, но осо-

бенно в политике, бизнесе, военном деле и государственном управлении. Свидетельством тому становится расходование значительных объёмов бюджетных средств в этих областях, привлечение крупных частных инвестиций. Между тем именно они самым непосредственным образом влияют на национальную безопасность.

Монография последовательно отстаивает ключевой тезис – с учётом неравномерного и многогранного характера изменений индустрии ИКТ в России её развитие должно происходить на основе использования самобытных преимуществ местных компаний, но непременно «в условиях открытости отечественного рынка для конкуренции», «интеграции российского сектора ИКТ в глобальную систему с опорой на институт частно-государственного партнёрства». Залогом конкурентоспособности российского бизнеса в информационно-технологической сфере должно выступать укрепление фундаментальных и прикладных научных исследований и обеспечение безопасности Российской Федерации (с. 11–12).

Изучая комплексные проблемы исторических изменений, политической, экономической и социальной борьбы, идеологических противостояний и повседневного делового взаимодействия, авторы рецензируемой монографии показывают, что «сочетание технологических инноваций, агрессивных рыночных стратегий и правительственных политических решений» наиболее развитых государств (США и других стран–участниц ОЭСР) привело к формированию информационной экономики с сетевой децентрализованной структурой

(с. 12). Современные ИКТ выступают мощным фактором трансформации политико-экономического пространства планеты.

А.Н. Терехов и С.Л. Ткаченко полагают, что становление индустрии ИКТ сегодня и в длинной исторической перспективе возможно только при условии, что суверенные государства с их ресурсами, мощью и волей способны поставить глобальные тенденции на службу интересам бизнеса, общества, национальной экономики и отдельных граждан. При этом долгосрочная миссия государственного управления применительно к сфере высоких информационно-коммуникационных технологий состоит в формировании эффективной институциональной среды, в которой ИКТ смогут устойчиво развиваться, обеспечивая защиту национальных интересов и глобальной безопасности. Авторы выступают за установление общемировых «правил игры» на глобальном рынке ИКТ, включая правила управления Интернетом.

Авторы используют политико-экономический подход для выявления причинно-следственных связей, объясняющих зарождение и нынешнее положение дел в индустрии ИКТ. Опора на теоретический багаж международной политической экономии позволяет углубить анализ неоклассической экономической школы, включив в сферу изучения внешние движущие силы происходящих изменений. Она также позволяет расширить понимание процессов ИКТ, освещаемых в институциональной экономике, экономической социологии и конструктивизме.

Монография состоит из шести глав. В первой — авторы детально рассматривают историю становления индустрии ИКТ и её важнейшие черты, которые складывались в основном в условиях «холодной войны» и сразу поле её окончания. А.Н. Терехов и С.Л. Ткаченко показывают, что стимулом к развитию ИКТ в тот период были не только соображения экономической эффективности, но и опасения за национальную безопасность. В настоящее время индустрия ИКТ должна поддерживать плюрализм технологических решений для того,

чтобы общество, экономика и политика могли адаптироваться к нарастающему числу кризисов и потрясений, неизбежных в условиях неравномерности глобального развития.

Во второй главе авторы анализируют политико-экономическое развитие глобального рынка ИКТ, его участников, институты и основные направления современных изменений. Исследователи убеждены, что государство и высокотехнологический бизнес должны «сотрудничать, не покушаясь при этом на свободу другой стороны, действовать в рамках своей основной миссии» (с. 81). Политическая воля государства и частная инициатива бизнеса могут создать благоприятную институциональную среду, в которой обеспечиваются высокие темпы технологического прогресса. В современной России пока не найдено решения актуальной задачи обеспечить на государственном уровне поддержку ключевых игроков рынка ИКТ.

Третья глава посвящена актуальным процессам в разных секторах рынка ИКТ. Приоритетное внимание уделено проблеме «цифрового неравенства» как асимметрии в доступе к информации и передающим её технологиям, которые имеют преимущественно социально-экономическую природу. Авторы анализируют формы влияния новейших технологий на сферу международной безопасности, защиту интеллектуальной собственности и авторских прав, на проблему сетевого нейтралитета. Они убедительно показывают, что инновационные ИКТ способны объединять людей с близкими друг другу ценностями, дают им возможность усиливать своё влияние в общественно-политической жизни своих стран и всей планеты.

В четвёртой главе авторы обсуждают либерализацию торговли продукцией ИКТ и развитие глобальных сетевых структур. Они разбирают вопросы межправительственного сотрудничества в секторе ИКТ, сохранения либеральной среды для развития Всемирной паутины, расширения географии и объёмов информационных каналов, соединяющих российский сегмент

(Рунет) с остальным Интернетом. Авторы на основе данных статистики утверждают, что значение виртуального мира для мировой экономики постоянно возрастает, оказывая влияние на бизнес-планы компаний и стратегии позиционирования отдельных государств в глобальной системе.

В пятой главе А. Терехов и С. Ткаченко освещают проблемы кибербезопасности, определяя её как обеспечение конфиденциальности и целостности данных; «неприкосновенность критической инфраструктуры, бесперебойное функционирование институтов электронной коммерции, защиту военных объектов от угроз несанкционированного вторжения, а также защиту интеллектуальной собственности» (с. 195). Авторы отмечают, что задачей международного сотрудничества должна стать выработка на глобальном уровне общепризнанных правил игры в секторе ИКТ. Книга содержит глубокий разбор основных различий, которые сегодня имеются у России и США по данной проблематике.

В шестой главе авторы выявляют основные черты российской индустрии ИКТ и её основных игроков. По их мнению, ключевые задачи страны в настоящее время относятся к «области образования, ... формирование инновационного сектора экономики, чьё развитие будет опираться на научные кадры и разработки, финансовые

ресурсы, правоприменение, ... умеренный протекционизм, где принимаемые решения ... последовательны и понятны обществу, включая бизнес» (с. 276).

В отношении российских компьютерных технологий и их использования в интересах силовых структур страны за последнее десятилетие накопилось много недопонимания и откровенных спекуляций. В этой связи рецензируемая монография может расцениваться как значительный шаг на пути к преодолению указанных проблем. Книга экспертов из СПбГУ улучшает наше понимание последствий цифровизации российской экономики: это, с одной стороны, вызов для модели управления и общественного строя, а с другой — стимул к новой волне инноваций и улучшения глобальной конкурентоспособности, а также к расширению возможностей по обеспечению национальной безопасности.

Монография вносит ценный и своевременный научный вклад в изучение политической экономии, излагая точку зрения российских специалистов на проблемы, сегодня оказавшиеся в центре международной экспертной дискуссии о роли новейших технологий в решении глобальных проблем.

Лада Кошьева
доктор философии
(Ph.D., политические науки)

Наши авторы

Алексеева Татьяна Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки России

Афиногенов Дмитрий Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации

Байков Андрей Анатольевич – кандидат политических наук, доцент, директор Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО)

Варпаховскис Эрикс – Ph.D., научный сотрудник Департамента зарубежного регионоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Виньо Анн – докторант Редингского университета (Великобритания)

Воронцов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий Отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН

Кощеева Лада – Ph.D., профессор политологии Государственного университета Северной Каролины

Кривохиж Светлана Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент Департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, заслуженный деятель науки России

Назаров Владимир Павлович – кандидат политических наук, советник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации

Понька Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов

Пучков Владимир Андреевич – кандидат технических наук, лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области образования, Министр Российской Федерации в 2012–2018 гг. (МЧС России), советник Генерального директора ПАО «ОАК»

Соболева Елена Дмитриевна – Ph.D., старший преподаватель Департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Соков Илья Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета

Столярова Светлана Андреевна – консультант, «Делойт и Туш СНГ»

Фененко Алексей Валерьевич – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Юдин Николай Вадимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики, заместитель директора по исследованиям и разработкам Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова

Our authors

- Prof. Dr Dmitry Afinogenov** – Professor, Department of Government Administration and National Security, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
- Prof. Dr Tatyana Alekseeva** – Chair, Department of Political Theory, MGIMO University
- Dr Andrey Baykov** – Executive Director, Academic and Educational Forum on International Relations
- Mrs Anne Crowley-Vigneau** – Doctoral Candidate, Reading University (UK)
- Prof. Dr Alexey Fenenko** – Associate Professor, Department of International Security, Lomonosov Moscow State University
- Dr Lada Kochtcheeva** – Professor of Political Science, North Carolina State University
- Dr Svetlana Krivokhizh** – Associate Professor, Department of Oriental and African Studies, National Research University – Higher School of Economics
- Prof. Dr Marina Lebedeva** – Chair, Department of World Politics, MGIMO University
- Dr Vladimir Nazarov** – Advisor to the Russian Federation Security Council Secretary, Russian Federation Security Council
- Dr Tatyana Ponka** – Associate Professor, Department for Theory and History of International Relations, Peoples ' Friendship University of Russia
- Dr Vladimir Puchkov** – Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Education; Minister of the Russian Federation in 2012–2018 (EMERCOM of Russia); Advisor to the CEO, United Aircraft Corporation
- Dr Elena Soboleva** – Assistant Professor, Department of Oriental and African Studies, National Research University – Higher School of Economics
- Prof. Dr Ilya Sokov** – Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University
- Mrs Svetlana Stoliarova** – Consultant, Deloitte and Touche CIS
- Dr Eriks Have Varpahovskis** – Research Fellow, Department of Area Studies, National Research University – Higher School of Economics
- Dr Alexandr Vorontsov** – Head, Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
- Dr Nikolay Yudin** – Associate Professor, Department of International Organizations and World Political Process; Deputy Director for Research and Development, Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

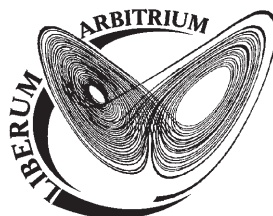
Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, поглощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

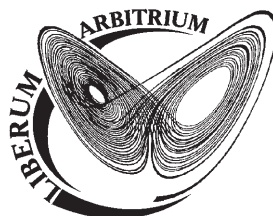
Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том шестнадцатый. 2019	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. К столетию дисциплины
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности
Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурные мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырех томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объемом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объемом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
дн**ых русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. *Russie. Nei.Vision*. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo I sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. *IFRI. Russie. Nei.Vision*: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).